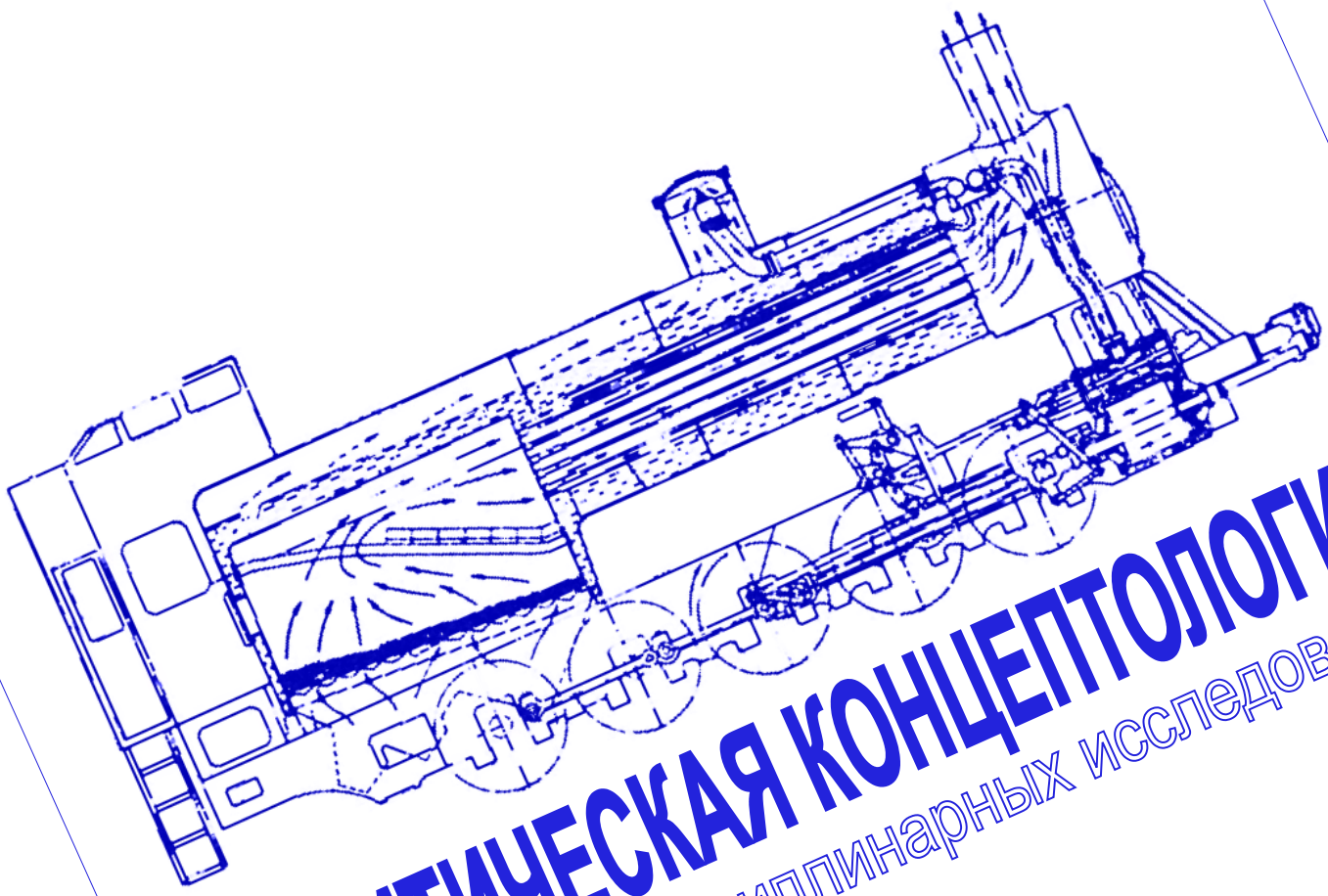
ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Journal of metadisciplinary research
The POLITICAL CONCEPTOLOGY

2025 г. № 1



ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ:

журнал метадисциплинарных исследований

Ростов-на-Дону

ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЦЕНТР ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТОЛОГИИ

Института философии и социально-политических наук

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ:

журнал метадисциплинарных исследований

2025. № 1

(январь-март)

Научный журнал
Издаётся с 2009 года

Политическая концептология:
журнал метадисциплинарных исследований

Научно-аналитическое издание

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации: Эл № ФС77-82437 от 8 декабря 2021 г.

ISSN 2949-0707

Учредитель: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Южный федеральный университет»

Редакционная коллегия:

Главный редактор: *В.П. Макаренко*, доктор политических и философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, академик Академии педагогических наук Украины

Заместитель главного редактора: *С.П. Поцелуев*, доктор политических наук, доцент

Заместитель главного редактора: *М.С. Константинов*, кандидат политических наук

Ответственный секретарь: *А.В. Тупаев*, кандидат политических наук

Редакционный совет:

Председатель – доктор философских наук, профессор *С.С. Неретина* (г. Москва)

Доктор политических наук, доцент *А.И. Бардаков* (г. Волгоград)

Доктор философских наук, профессор *М.Ф. Быкова* (г. Роли, Северная Каролина, США)

Доктор экономических наук, профессор *В.В. Вольчик* (г. Ростов-на-Дону)

Доктор юридических наук, профессор *А.В. Оболонский* (г. Москва)

Доктор экономических наук, профессор *А.Н. Олейник* (г. Москва, г. Ньюфаундленд, Канада)

Доктор философских наук, профессор *В.В. Савчук* (г. Санкт-Петербург)

Доктор политических наук, профессор *А.Ю. Сунгуров* (г. Санкт-Петербург)

Доктор философских наук, профессор *С.Г. Чукин* (г. Санкт-Петербург)

Доктор исторических наук, профессор *В.А. Шнирельман* (г. Москва)

Электронная версия журнала: **https://politconcept.sfedu.ru/**

Адрес учредителя:
344006, г. Ростов-на-Дону
ул. Б. Садовая, 105
тел.: (863) 263 3158 263 8498
факс: (863) 264 5255
e-mail: rectorat@sfedu.ru

Адрес редакции:
344065, г. Ростов-на-Дону
ул. Днепровский, 116, к. 116
тел. (863) 290-10-93
факс: (863) 264-52-55
e-mail: konstantinov@sfedu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО РЕДАКТОРА

Макаренко В.П.
Проблема ядовитых плодов социализма:
уроки Мишеля Фуко в контексте советского опыта..... 6

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТОЛОГИИ

Сухарев М.В.
Мощность социальных институтов..... 16

Иванников И.А.
Трактовки государства в современной теории и практике..... 35

ЖИВОЕ ПРОШЛОЕ

Неретина С.С.
Оттепель – застой – воскресение – заморозки..... 47

Розин В.М.
Размышление о двух работах М.Я. Гефтера (к тридцатилетию со дня смерти)..... 87

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ТВОРЧЕСТВА Б.Б. РОДОМАНА

От редакции..... 99

Родоман Б.Б.
Ощущение государства:
Девиационизм: сошли ли мы с правильного пути?..... 99

Родоман Б.Б.
Ощущение государства:
Образы государства, внедряемые в массовое сознание..... 107

Родоман Б.Б.
Ощущение государства:
Патриотизм без шовинизма..... 111

Родоман Б.Б.
Ощущение государства:
Мораль личности и мораль государств: quod liced Jovi, non licet bovi?..... 119

ПЕРЕВОДЫ И РЕФЕРАТЫ

Андрески Ст.
Главы 14–20 из книги «Войны, революции и диктатуры…»:
Глава 14. Неэффективность вооружённых сил Италии..... 125

Андрески Ст.
Главы 14–20 из книги «Войны, революции и диктатуры…»:
Глава 15. Национализм, классовое неравенство и диктатура в новых государствах..... 135

Андрески Ст.
Главы 14–20 из книги «Войны, революции и диктатуры…»:
Глава 16. Значение империализма и некоторые связанные с ним концепции..... 151

Андрески Ст.
Главы 14–20 из книги «Войны, революции и диктатуры…»:
Глава 17. Империализм: прошлое и будущее..... 156

Андрески Ст.
Главы 14–20 из книги «Войны, революции и диктатуры…»:
Глава 18. Пацифизм и природа войны..... 160

Андрески Ст.
Главы 14–20 из книги «Войны, революции и диктатуры…»:
Глава 19. Экологическая ситуация и опасность диктатуры..... 165

Андрески Ст.
Главы 14–20 из книги «Войны, революции и диктатуры…».
Глава 20. Почему меры предотвращения экологических угроз недостаточны..... 169

Наши авторы..... 177

Summaries and keywords..... 178

Contents..... 181

К сведению авторов..... 183

Слово редактора

ПРОБЛЕМА ЯДОВИТЫХ ПЛОДОВ СОЦИАЛИЗМА: УРОКИ МИШЕЛЯ ФУКО В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОГО ОПЫТА

В.П. Макаренко
Южный федеральный университет

Аннотация: *М. Фуко считал постоянной чертой современности страх перед государством и атомной угрозой: «Государство и атомная угроза, лучше уже атомная угроза, чем государство, или государство, которое не лучше атомной угрозы, или государство, предполагающее атомную угрозу, или атомная угроза, предполагающая и с необходимостью влекущая за собой государство». Иначе говоря, французский мыслитель указал пять комбинаций страха перед государством, в составе которого после бомбардировок Хиросимы и Нагасаки находится также атомная угроза.*

Для анализа данных комбинаций Фуко разработал концепты поступательной этатизации и коммерческой этатизации. Поступательная этатизация – это восприятие и определение государства как следствия режима руководства. Согласно Фуко, поступательная этатизация предполагает анализ государства как следствия режима руководства – при одновременном исключении эссенциалистской и органической метафорики. У государства нет сущности, сердца и прочих внутренних органов, оно не является ни универсалией, ни автономным источником власти. Государство – это эффект, контур, подвижный срез постоянной этатизации, непрестанных взаимодействий, которые изменяют источники и способы финансирования и инвестирования, центры принятия решения, формы и типы контроля, отношения между местными властями и центральной властью и т. п. Коммерческая этатизация – это современная разновидность закрытого корпоративного государства.

Оба концепта вводятся для критики государственного управления на протяжении трехсот лет (XVIII–XX вв.). Фуко полагал, что это управление не смогло решить проблемы отношения между законом и порядком, государством и гражданским обществом, политикой и жизнью.

В статье поставлена проблема систематизации параллелей между результатами исследований М. Фуко, творчеством А.И. Солженицына и историографической рефлексией М.Я. Гефтера при объяснении причин такого положения вещей.

Ключевые слова: *ядовитые плоды социализма, концепции М. Фуко, А.И. Солженицын, М.Я. Гефтер.*

DOI: 10.18522/2949-0707.2025.1.615

Что такое «злосчастный симбиоз»?

Фуко считает причинами бездарного управления государством общие свойства либерализма. На словах либералы отвергают управляемую экономику, планирование и государственное принуждение. На деле они культивируют политическую софистику, образцы которой (речь Эрхарда в апреле 1948 г. и материалы съезда СДПГ в Бад Годесберге 1959 г.) анализирует Фуко. В первом случае проблема объяснения нацизма была сведена к определению национал-социалистического государства в Германии как нелегитимного. Из этого Эрхард извлекал следствие: немцы не отвечают за законодательные и нормативные акции нацизма. Во втором случае акцент на производство благосостояния за счет роста экономики ведет к полному включению населения в систему существующего политического режима.

Оба следствия Фуко отвергает. Его позиция однозначна: все немцы несут ответственность за нацизм; любое отождествление населения страны с существующим в ней политическим режимом подлежит критике. Для этого Фуко подчеркивает тождество социализма и либерализма: «Социализм не является альтернативой либерализма. Он не принадлежит к тому же уровню, даже если и существуют уровни, на которых они сталкиваются или на которых они не составляют общего ансамбля. Отсюда возможность их злосчастного симбиоза» [Фуко 2010: 122].

По поводу данного симбиоза Фуко высказал ряд констатаций: социализму не хватает правительственного мышления; главным критерием социализма во время его генезиса была разумная мера степени, способов и целей правительственных действий; практика показала, что социализм сохраняет рациональные техники административного вмешательства в сферах здравоохранения, социального обеспечения и пр.; но никакой особой социалистической правительственной рациональности не существует; социализм всегда функционирует в полицейском государстве, в котором политическое руководство и администрация образуют целостность, составляя массивный блок; в таком государстве социализм функционирует как внутренняя логика бюрократии.

Из этих констатаций вытекают два принципиальных вывода: социализм не бывает подлинным, он целиком зависит от случая; поэтому проблема выявления и описания ядовитых плодов социализма является центральной.

Рассмотрим аргументы Фуко в пользу такого вывода, которые содержатся в его лекциях 31 января, 7 и 14 февраля 1979 г.

По его мнению, нацизм – это главный ядовитый плод симбиоза либерализма с социализмом. Для критики и ликвидации самой возможности такого «плодоношения» Фуко предлагает пересмотреть либерализм как экономическую теорию и как искусство управления. Эту идею он реализует на основе анализа германского и американского опыта решения проблемы совмещения легитимности государства со свободой экономики[1]. В германском опыте он считает ключевым факт: нацизм находился в центре рефлексии Фрайбургской ордолиберальной школы и Франкфуртской школы социальных исследований с 1920-х гг. Фрайбургская школа для преодоления нацизма пыталась: обосновать легитимность государства на основе свободы экономических партнеров; определить нацизм как систему неизбежного зла; распределить имеющиеся в ее распоряжении концептуальные и технические ресурсы. Именно эти пункты обсуждает Фуко, группируя свои выводы вокруг следующих тем:

Предпосылки нацизма накапливались в Германии с середины XIX в. и создали систему препятствий либерализму, в состав которой входят: протекционизм Ф. Листа; государственный социализм Бисмарка; плановая централизованная экономика; дирижизм. Указанные эле-

[1] В данной статье рассматривается только германский опыт.

менты сложились до захвата власти нацистами и препятствовали либеральной политике. Нацизм соединил эти элементы в единое целое, привязанное к управлению экономикой.

Отсюда вытекают следующие утверждения Фуко: большинство людей с момента прихода Гитлера к власти считали экономическую систему нацизма чудовищной; ордолибералы считали нацизм продуктом государства, оказавшегося в кризисе [Там же: 143], а также полагали нацизм истиной в том смысле, в котором он разоблачил систему взаимозависимостей между указанными элементами; но нацизм не может служить аналитической моделью всеобщей истории и истории капитализма в Европе [Там же: 150].

Ордолибералы занимались поиском экономико-политического инварианта различных политических режимов (нацистская Германия, парламентская Англия, СССР, «новый курс» Рузвельта в США). Фуко детально описывает процесс этого поиска и заключает: нацистский опыт стал поворотным моментом для ордолибералов. Они установили, что нацизм есть экономический инвариант, индифферентный и независимый от оппозиции социализм/капитализм и конституционной организации государства; данный инвариант связан одновременно как причина и следствие с бесконечным ростом государственной власти; его основное следствие заключается в разрушении ткани социальной общности, поскольку вызывает цепную циклическую реакцию протекционизма, дирижистской экономики и роста государственной власти. В этом смысле рост государственного аппарата эквивалентен атомной угрозе.

На этой основе Фуко предлагает пересмотр проблемы рациональности. Он считает, что от Сен-Симона до нацизма развивалась такая *рациональность*, которая влекла за собой вмешательство государства в экономику и рост бюрократии, которая функционировала как тип технической рациональности. В ней сосредоточен генезис нацизма на протяжении двухвековой истории капитализма: «...ордолибералы подбросили хорошенький подарок, поскольку именно вслед за этим жанром исследования обрушился вал дискурсов и исследований…: традиционные критики буржуазного общества, исследования бюрократии; тема нацизма как разоблачения и последней точки в развитии исторической природы капитализма; негативная теология государства как абсолютного зла; возможность развертывания такой же критики происходящего в Советском Союзе и США, нацистских концентрационных лагерей и карточек социального обеспечения и т. п. … Эта серия теоретических и аналитических актов насилия берет начало в ордолиберализме» [Там же: 150].

Но самое существенное, по мнению Фуко, сосредоточено в ордолиберальном следствии: все недостатки и изъяны рыночной экономики следует приписывать государству. А поскольку любое государство есть их носитель, надо сделать так, чтобы рыночная экономика стала принципом внутреннего регулирования существования и деятельности государства. Иначе говоря, государство должно существовать под надзором рынка, а не рынок под надзором государства.

Фуко считает, что такое переворачивание ордолибералы произвели на основе собственного анализа нацизма. По его мнению, следует согласиться с критикой и разоблачением всей системы разрушительных и вредоносных эффектов существования государства. Но на деле ордолибералы **стремились протащить всеобщую формализацию государственной власти и организацию общества на основе рыночной экономики**.

В заключение Фуко фиксирует три трансформации традиционного либерализма:

1. В либерализме XVIII в. рынок определялся как *свободный обмен* между партнерами, которые обменом устанавливают эквивалентность двух ценностей. Для ордолибералов сущность и экономическая рациональность рынка заключается в *конкуренции* и вытекающем из нее неравенстве.

2. Конкуренция как сущностная экономическая логика фактически никогда не достигается. Она предполагает политику бесконечной активизации. Конкуренция есть историческая

цель искусства управления, а не природная данность. Требуется *исторический анализ систем, пересекающийся с формальным анализом экономических процессов*.

3. Разрыв между конкурентной экономикой и государством *невозможен*. Надо исходить из переплетения рыночных механизмов и правительственной политики. Рыночная экономика – это индикатор общего индекса, под которым располагаются правила всех правительственных действий [Там же: 153–157].

На основе указанных трансформаций Фуко предлагает три определения современного либерализма: с экономической точки зрения – это реактивация старых экономических теорий; с социологической точки зрения – это средство утверждения рыночных отношений; с политической точки зрения – это прикрытие административного вмешательства государства, «генерализация государственной власти, то есть Солженицын в планетарном масштабе» [Там же: 170].

Массовая парша душ

Последнее замечание Фуко крайне важно, поскольку оно позволяет связать итоги его анализа с описанием ядовитых плодов социализма А.И. Солженицыным. Еще более значима квалификация Фуко «Архипелага ГУЛАГа» как универсального средства анализа процессов генерализации власти не только в СССР/России, но и во всем мире.

В каждой главе этого выдающегося литературного произведения[2] есть материал для описания множества хронологических, пространственных, географических, травелоговых, пенитенциарных, социальных, национальных, психологических, юридических, политических, идеологических, цивилизационных, бытовых и прочих проявлений страха перед государством как всеобщего феномена советского общества. В этом смысле «Архипелаг ГУЛАГ» можно считать литературно-художественной энциклопедией истории нравственно-духовного и государственного наследия советской эпохи.

Потребность в такой трактовке «Архипелага ГУЛАГа» объясняется множеством обстоятельств, из которых отмечу два момента: недостаточное знание содержания труда Нобелевского лауреата учителями и школьниками России [Сараскина 2024].

Создание компендиума знания о советском страхе на основе этого громадного материала образует особую задачу. Предлагаю лишь один фрагментов, основанный на содержании главы 3 из четвертой части.

В этой главе А.И. Солженицын поставил вопрос: поймут ли природу страны, которая десятками лет таскала в себе Архипелаг? По его мнению, «…наша страна постепенно вся была отравлена ядами Архипелага. И избудет ли их когда-нибудь – Бог весть». Для доказательства Солженицын ссылается на историю собственной опухоли и создает образ «замордованной воли» – постоянного совокупного страха в СССР как особого стиля советской жизни [Солженицын 2011: 771–784][3].

---

[2] Напомню, что капитальный труд А.И. Солженицына включает пространное предисловие (из 4-х параграфов), семь частей под названиями соответственно «Тюремная промышленность» (12 глав), «Вечное движение» (4 главы), «Истребительно-трудовые» (22 главы), «Душа и колючая проволока» (4 главы), «Каторга» (12 глав), «Ссылка» (7 глав), «Сталина нет» (3 главы) и послесловие с двумя дополнениями, кратким содержанием глав, списком тюремно-лагерных терминов и советских сокращений и выражений, именным указателем.

[3] «Мне пришлось носить в себе опухоль с крупный мужской кулак. Эта опухоль выпятила и искривила мой живот, мешала мне есть, спать, я всегда знал о ней (хоть не составляла она и полупроцента моего тела, а Архипелаг в стране составлял процентов восемь). Но не тем была она ужасна, что давила и смещала смежные органы, страшнее всего было, что она испускала яды и отравляла всё тело. Сумеем ли и посмеем ли описать всю мерзость, в которой мы жили (недалёкую, впрочем, и от сегодняшней)? И если мерзость эту не полновесно показывать, выходит сразу ложь. Оттого и считаю я, что в тридцатые, сороковые и пятидесятые годы литературы

Такой страх был не только страхом перед арестом, но и вырабатывал сознание каждым индивидом собственного ничтожества и отсутствия любого *права*. Этому способствовало прикрепление индивида к месту жительства и работы, что порождало скрытность и недоверчивость в поведении. Смелые высказывания вызывали подозрение в провокации. Поэтому любой протест был обречён на одиночество и отчуждение.

Всеобщее незнание ситуации в стране порождало веру населения в газеты и в казенных ораторов. Широкое распространение доносительства вело к тому, что каждый чувствовал на себе «дыхание осведомительных труб». Это преследовало две цели: ослабить связи между людьми; культивировать интерес в незыблемости политического режима с учетом страха доносчиков перед разоблачением.

Предательство стало наименее опасной формой существования. Это качество жизни и поведения индивидов в советском обществе Солженицын называет «массовой паршой душ», «раком души» и приводит примеры поступков академика С.И. Вавилова, писателей А.Н. Толстого, Л.М. Леонова, политика Г. Димитрова, маршала В.К. Блюхера, профессоров медицины Виноградова и Шерешевского, а также обычных людей. «Каждый поступок противодействия власти требовал мужества, не соразмерного с величиной поступка. Безопаснее было при Александре II хранить динамит, чем при Сталине приютить сироту врага народа» [Там же: 776].

В советском обществе душа народа умерла. Возникло всеобщее растление. Неблагодарность стала будничным чувством. Жизнь общества состояла в социальной карьере предателей и торжестве бездарностей, а всё лучшее и честное шло под нож. Торжество низменных людей над благородными пронизывало всю властно-управленческую иерархию, центр и периферию.

Постоянная ложь стала единственной безопасной формой существования и основой жизни. В ее рамках Солженицын описывает наборы слов, фраз, кличек, шаблонов в составе речей, статей, книг – научных, публицистических, критических, художественных. Вся сфера публичного языка и воспитания детей были пропитаны ложью. Поэтому Александр Исаевич предлагает различать ступени «…вынужденной, оборонительной лжи – и лжи самозабвенной, страстной, какой больше всего отличались писатели» [Там же: 780].

Все отмеченные факторы выразились в тотальной жестокости, рабской психологии и далеко увели советский социум от нормального общества. Перечисленные характеристики относятся и к жителям Ростова-на-Дону: «В коммунальной ростовской квартире на Доломановском жила Вера Красуцкая, у которой в 1938 был арестован и погиб муж. Её соседка Анна Стольберг знала об этом – и восемнадцать лет! – с 1938 по 1956 – наслаждалась властью, пытала угрозами: на кухне или подловив проход по коридору, она шипела Красуцкой: «Пока хочу – живи, а захочу – *карета* за тобой приедет». И только в 1956 году Красуцкая решилась написать жалобу прокурору. Стольберг смолкла. Но жили и дальше в одной квартире» [Там же: 782].

Социальная история Ростова-на-Дону освящена жительством в нем выдающегося писателя, вокруг жизни и творчества которого до сих пор ломаются копья [Бушин 2018]. Во всяком случае пространственно-временная модификация общего советского страха в жизни Ростова-на-Дону поставлена в повестку дня нашим выдающимся земляком.

у нас не было. Потому что безо всей правды – не литература. Сегодня эту мерзость показывают в меру моды – обмолвкой, вставленной фразой, довеском, оттенком – и опять получается ложь» [Солженицын 2011: 771].

Комментарий историка

Фуко создавал свою концепцию страха перед государством в процессе анализа Италии и Германии. Надо скорректировать его взгляды с учетом социальной истории СССР/России. Оригинальную концепцию этой истории предложил М.Я. Гефтер – ровесник Солженицына и тоже выходец из Юга России. Из его наследства сошлюсь лишь на один фрагмент [Гефтер 2017: 147–161].

Михаил Яковлевич встраивает свою концепцию тоталитаризма в состав марксовой идеи отмирания государства и разработанной им концепции неостановленной революции. В этих рамках поставлены проблемы рождения революционного Левиафана, первичного и вторичного фашизма, признаков тоталитаризма, России как родины тоталитарности, советско-российских индивидов как атомов власти, советского миродержавия, недемократической человечности, науки как союзницы тоталитаризма, утраты границ государства и науки, бифуркационного фатализма, антиличностной направленности советской истории, специфики проявления трагичности в СССР.

Для развития концепции М.Я. Гефтера могут использоваться множество высказанных им аргументов. Прежде всего он объясняет причины критического отношения к идее отмирания государства. Сталин ухватил слабину великой идеи. Когда Левиафан ради будущего отмирания стал всем, Сталин остановил процесс и закрепил его в таком состоянии. Окостенелым наружным панцирем по отношению ко всей жизнедеятельности страны. Поэтому Гефтер считает неразумным называть Россию государством.

Затем отмечается парадоксальность идеи отмирания государства. Гефтер считает европейский фашизм вторичным по отношению к процессам, происходящим в СССР. Его аргумент звучит так: когда фашизм в Италии едва наметился, Ленин на него отреагировал. В отличие от всего, что он говорил в 1919–1920 годах, и особенно в 1921–1922-м, Ленин твердит: Европе нельзя следовать русскому опыту. Из фашизма Ленин извлек неожиданный урок – не учитесь у нас!

Тоталитаризм – это оборотень попыток революции породить «нового человека» и стать единоосновным человечеством. Гефтер предлагает объяснять сталинизм как тип тоталитаризма, в котором подавление реализуется самим подавляемым. Сущность советского строя и структуры сталинского режима – это импровизированная «добровольность» как техника самоутраты людей. Порог личного сопротивления сведен к минимуму. Язык превращен в суконный неиндивидуализированный «канцелярит».

По Гефтеру, признаки тоталитаризма таковы: 1. Нереализуемое человечество придает режимам, выросшим вокруг тоталитарных программ, миродержавный характер в границах страны – при ее неукротимом стремлении к экспансии под знаком античеловечества. 2. Всеохватывающее распорядительство судьбами превращает любого объекта власти в ее агента и соучастника. Не исполнителем, а лично причастным к распорядительству. Людей раскалывают по признаку соучастия в распоряжении одних другими. Общество вытесняется иерархией помыкания жизнью друг друга. 3. Мобилизация подсознания и инстинктов человека. Они политически утилизируются и вводятся в тоталитарную технику.

На этой основе Гефтер утверждает: тоталитаризм в XX веке наиболее мощный импульс получил от России. Наш тоталитаризм самый жизнеспособный. У тоталитаризма чисто русская почва миродержавия и рабства приобщенных к власти. Власть всякий раз берется за неисполнимую программу и выполняет ее ценой безмерного расточительства человеческими жизнями. Под этим углом зрения надо рассматривать ряд от Ивана IV и Петра Великого до Октября 1917 г. В октябре 1917-го идея мировой революции «застревает» на территории России. Нереализуемая, она создает аппарат, направленный на ее реализацию, втянув в себя

множество мотивов. Добровольно-принудительно люди втягиваются в исполнение неосуществимой программы.

Всякий раз ее внедрение в России требует крайней безжалостности, и вместе с тем – новой технологии вовлечения в нее самой жертвы. Таков главный результат российской тоталитарной модели. Она не может существовать, не питаясь экстремальными (объективными) или создаваемыми самой властью ситуациями. Последнее все чаще и регулярней. Впитывая в себя застрявшие экстремальные ситуации, Россия возвращает их Миру, но уже в виде ему навязанных.

Классический тоталитаризм – детище XX века. Он вобрал предшествования и реализуется в собственном генезисе явления. В игру вступает нереализуемость человечества. Люди и сообщества становятся функциональными атомами власти. Такая власть рано или поздно направляется против внешнего Мира. Тоталитаризм миродержавен по природе.

Гефтер формулирует правило советской системы: что бы в ней ни выдумали десяток членов Политбюро, оно доберется до существования любого индивида. Система присутствует в жизни от родильного дома до кладбища, ее невозможно обойти в любом акте существования. Отсюда вытекает вездесущность советской системы с перспективой ее распространения на весь мир[4].

На основе анализа биографии и личности Н.С. Хрущева М.Я. Гефтер полагает, что тот к концу правления стал непереносим. В этом недемократическая человечность системы. Диссидентство возникло в огромной степени отсюда.

Система подбиралась к каждому человеку. Наука стала ее могучим союзником. Она может достать каждого человека на земле простым нажатием ядерной кнопки. Отсюда вытекает оригинальный образ XX века: он начался в 1905 году двумя событиями: формулой Эйнштейна ($E = мс^2$); событием 9 января. Но расстрел иконы превратил ее в революцию. Из того и другого вышло встречное движение тоталитаризма и наукократии. Связь двух явлений загадочна. XX век кончился смертью Сахарова, рухнула Берлинская стена, американской войной в Заливе. В любом случае мы выходим на двойную связь, где проблема власти как таковой перекрещивается с властью научных открытий. Позиция Сахарова основана на бифуркационном фатализме и связи тоталитарности с патриотическим подвигом. Появлением такого мира, когда военные распоряжаются всем.

В заключение обсуждается феномен трагического на основе анализа судьбы Сахарова. Гефтер отвергает параллель между поведением Сахарова и поведением мыслителя, предлагая взамен фигуру **осознанной беспомощности**. Эта фигура базируется на сравнении поведения Сахарова с поведением Сталина. «Буду груб, – пишет Гефтер, – Сталин выравнивал людей смертями, а я ищу, как выравнивать их жизнями. И у меня возникает новое отношение к этому: раз нет выравнивания жизнями – ждите снова выравнивающего смертями!» [Гефтер 2017: 160]. Об этом свидетельствует финальные реплики Михаила Яковлевича: «После 1945 года мы дотянули было себя до трагедии, но, освоившись, перешли к прозе жизни. Следующим за нами, может, и трагедия уже не понадобится. Они начинают свою прозу жизни, вторя в этом истории Запада. Здесь я уже не могу вести разговор в прежнем ключе – это не мой ключ…: Трагическое открыло мне вход в политику. Может, и мы дотянемся до трагедии, наконец?» [Там же: 161]. Последний вопрос обращен к нам – жителям современной России.

[4] Имея в дни Карибского кризиса при Хрущёве соотношение ядерных запалов один советский к шестнадцати американским, к концу жизни Брежнева мы имели уже полный паритет в способности уничтожить человечество. Это и означает, что система добралась до каждого на планете.

Вместо выводов

Пространство возможных ответов может располагаться производно от нашего согласия (несогласия) с положениями, сформулированными Фуко: все немцы несут ответственность за нацизм, однако любое отождествление населения страны с существующим в ней политическим режимом подлежит критике. Социализм зависит от множества исторических случайностей. Поэтому проблема описания его ядовитых плодов является центральной. Нацизм – главный ядовитый плод симбиоза либерализма с социализмом. В состав предпосылок нацизма входят протекционизм, государственный социализм, плановая централизованная экономика, дирижизм. Нацизм соединил эти элементы в единое целое, привязанное к управлению экономикой. Нацизм есть продукт государства, оказавшегося в кризисе.

Нацизм – это экономический инвариант, независимый от оппозиции социализм/капитализм и конституции государства. Данный инвариант связан с бесконечным ростом государственной власти, которая разрушает ткань социальной общности и вызывает цепную циклическую реакцию предпосылок нацизма. Рост государственного аппарата эквивалентен атомной угрозе.

Пересмотр проблемы рациональности может осуществляться в таком направлении, в котором рациональность отвергает вмешательство государства в экономику и рост бюрократии. Если же события развиваются в противоположном направлении, то все недостатки и изъяны рыночной экономики следует приписывать государству. Рыночная экономика не является основанием всеобщей формализации государственной власти и организации общества. Любые формы идеологического прикрытия административного вмешательства государства в социально-экономическую жизнь надо отвергнуть.

Эти общие положения Фуко нашли подтверждение в художественных и научных трудах отечественных писателей и ученых. А.И. Солженицын показал, что советский опыт организации социально-экономической жизни может быть только отрицательным примером. Данная констатация относится и к населению Ростова-на-Дону. Пространственно-временная модификация советского страха в жизни этого города поставлена в повестку дня нашим выдающимся земляком.

М.Я. Гефтер встроил теорию тоталитаризма в состав марксовой идеи отмирания государства и собственной концепции неостановленной революции. В этих рамках поставлено множество фундаментальных проблем. Они не только не разрешены, но и не осмыслены на всем протяжении существования царской, советской и постсоветской власти. Покажу это на двух примерах.

Первый связана с объяснением причин критического отношения к идее отмирания государства. По мнению Гефтера, Сталин ухватил слабину великой идеи, которая мотивировала Ленина на революцию. Но едва Левиафан ради будущего отмирания стал всем, Сталин остановил процесс и закрепил его в состоянии окостенелого наружного панциря по отношению ко всей жизнедеятельности страны. Поэтому Гефтер считает неразумным называть Россию государством. На мой взгляд, здесь возникает проблема разработки теории политического отчуждения в целом и применения ее к истории и современному состоянию российско-советского государства. Для этих целей я разработал концепты политического отчуждения, гражданского отчуждения и политического сопротивления. Они вполне работают при объяснении русской власти, бюрократического государства, политического режима и политической бюрократии в прошлой и современной России.

Косвенным доказательством продуктивности такого подхода является сходство между концепцией М.Я. Гефтера и разработанной мною теорией русской власти и бюрократии [Неретина 2020: 201–208], а также система возвратного тоталитаризма в России [Гудков 2022]

и результаты сравнительного анализа посткоммунистических политических режимов [Мадьяр, Мадлович 2022].

Следующим этапом может быть прописка российского/советского государства на панели альтернативных путей цивилизации [Альтернативные пути… 2000]. Сразу оговорюсь: эта возможность возникает при согласии с эвристичностью теории цивилизации, особенно с идеей особого пути России. Однако всеобщее согласие здесь невозможно в принципе, хотя поиск в этом направлении ведется давно. Замена формационного подхода цивилизационными концепциями только увеличила пространство полемики.

Второй пример: Гефтер вслед за большинством для описания Советской России использует образ Левиафана. Между тем Ф. Нойманн предложил и всесторонне обосновал применение образа Бегемота для анализа экономической теории нацизма (миф корпоративного государства) и возникающей связи между экспортом, политической автаркией, империализмом, пропагандой и насилием [Нойманн 2015: 537–541]. Эвристичность такого подхода описана самим Ф. Нойманном.

Он определил пропаганду как насилие над душами и один из аспектов насилия. У насилия и пропаганды одна цель – сделать людей подчиненными контролю сверху. Террор и пропаганда взаимосвязаны. Для обоснования такого понимания Ф. Нойманн поставил целый круг проблем: отношение между пропагандой и комплексом социально-политических условий; появление групп боевиков, реализующих партийный или государственный террор; отношение судебной власти к данным группам; способность вершины государственной власти идти на риск ради достижения демократических целей и учеты сил реакции в условиях данного места и времени; использование пропагандой уязвимых мест в социальном организме; мера преобразования культуры в сумму потребительских товаров; способность и воплощение механизмов отделения истины от пропаганды; мера идеологической всеядности существующей власти; соотношение нацистской и демократической культур в повседневном поведении и отношениях между людьми; мера популярности идеологии успеха; пропорция между активностью и самостоятельной мыслью индивидов; включение спонтанных массовых действий в механизм управления государством и т. д.

В целом нацистская пропаганда – это уничтожение любых остатков спонтанности и включение населения в работу государственной машины. В соответствии с нацистским проектом, государственной машиной управляет непреодолимая сила природы, провидение, судьба, которая сильнее любого индивида, группы, государства. И эта сила ведет к окончательной победе данной страны над всеми остальными. Поэтому магия в виде политических технологий и формул образует главный предмет заботы нацистской культуры и управления миром. Если такие технологии используются, то слова автоматически меняют вещи. Аргументом таких изменений выступает множество массовых мероприятий и праздников, которые воспроизводят практики первобытных племен. Акцент на магии меняет даже язык. Существительное обладает тенденцией заменять глагол. Вещи происходят – они не сделаны. Судьба, провидение, объективные естественные силы производят победы данной страны над другими.

Обсуждение перечисленных проблем в контексте ядовитых плодов социализма, накопленных разными странами на протяжении XX века, становится неизбежным путем всего круга социальных наук.

Альтернативные пути… 2000. Альтернативные пути к цивилизации: Кол. монография / Под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынши. – М.: Логос. – 368 с.

Бушин В.С. 2018. *Неизвестный Солженицын. Гений первого плевка…* – М.: Алгоритм.

Гефтер М. 2017. *1917: неостановленная революция. Сто лет в ста фрагментах. Разговоры с Глебом Павловским*. – М.: Изд-во «Европа».

Гудков Л.Д. 2022. *Возвратный тоталитаризм. В 2-х т.* – М.: Новое литературное обозрение.

Давыдов А.П. Россия весной 2022 г.: раскол в обществе как основание социокультурного раскола. – *Электронный философский журнал.* – Выпуск 45 (июнь 2024). – С. 1–17. – Доступно: https://vox-journal.org/html/issues/777/778.html. – Проверено: 10.02.2025.

Мадьяр Б., Мадлович Б. 2022. *Посткоммунистические режимы. Концептуальная структура.* – Том 1–2. – Пер. с англ. Ю. Игнатьевой. под ред. А. Решентникова. – М.: Новое литературное обозрение.

Макаренко В.П. 2013 (2016, 2-е изд.). *Русская власть и бюрократическое государство.* – Ростов-на-Дону. – Изд. ЮФУ.

Макаренко В.П. 2018. *Насилие и политическая бюрократия.* – Ростов-на-Дону. – Изд. ЮФУ.

Неретина С.С. 2020. Бюрократия власти и власть бюрократии: рецензия на собрание сочинений В.П. Макаренко. – *Comparative Politics Russia.* – Vol. 11. – No. 4. – P. 201–208.

Нойманн Ф.Л. 2015. *Бегемот. Структура и практика национал-социализма 1933–1944* / Ф.Л. Нойманн; Пер. с. англ. В.Ю. Быстрова. – СПб.: Владимир Даль.

Сараскина Л. «Архипелаг ГУЛАГ» в школе: для кого и зачем? – Доступно: https://www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/v_shkole/?ELEMENT_ID=1103. – Проверено: 10.02.2025.

Солженицын А.И. 2011. *«Архипелаг ГУЛАГ».* – Полное издание в одном томе. Под ред. Н.Д. Солженицыной. – М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА».

Фуко М. 2010. *Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году* / М. Фуко; Пер. с фр. А.В. Дьяков. – СПб.: Наука.

Общие проблемы политической концептологии

МОЩНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ

М.В. Сухарев
Карельский научный центр РАН

Аннотация: *Социальные институты – это правила поведения в обществе. Но люди (и организации) постоянно нарушают эти правила, если очень в этом заинтересованы. Кроме того, в обществе иногда одновременно действуют разные правила поведения, например, официальный закон и общественное мнение. Таким образом человек попадает в поле действия противоположных сил, когда институты действуют на человека (или организацию) в различных направлениях. Правила поведения не могут действовать сами по себе, для приведения их в действие требуется человеческая деятельность по доведению этих правил до сведения общества, убеждению в необходимости их исполнять, контролю за исполнением и наказанию тех, кто правила не исполняет. В статье предлагается в качестве меры мощности института использовать общественно-необходимое время, затрачиваемое людьми (обычно действующими в составе организаций) на его поддержание. Также мерой мощности института может выступать сумма денежных затрат поддержание данного института. На основе судебной статистики Российской Федерации проведена оценка мощности ряда формальных институтов (законов).*

Ключевые слова: *мощность институтов, социальные институты, институциональная экономика, экономический агент, инвестиционный климат.*

Введение: институциональная флора и фауна

Современная экономическая наука признала важность «институтов». «Institutions matter» – постулировал Дуглас Норт и стал нобелевским лауреатом. Теперь общепризнано, что успешность экономической деятельности сильно зависит от качества и состава комплекса институтов, действующих на территории страны или региона. В мире публикуется множество исследований о качестве институтов в разных странах, ведутся компаративные исследования, в которых экономическая успешность социумов доказательно связывается с принятыми в них институциональными условиями ведения бизнеса.

По определению Д. Норта социальный институт – это система «формальных правил, неформальных ограничений и способов обеспечения действенности ограничений. …Они определяют структуру символов, управляющих взаимодействием людей, будь это в сфере политической, экономической или социальной жизни» [Норт 1993].

DOI: 10.18522/2949-0707.2025.1.1634

Энциклопедический социологический словарь дает следующее определение института: «Социальный институт – относительно устойчивые типы и формы социальной практики, посредством которых организуется общественная жизнь, обеспечивается устойчивость связей и отношений в рамках социальной жизни общества» [Энциклопедический социологический словарь 1995: 105].

Ясно, что в человеческом обществе существует великое множество «правил» и «устойчивых типов и форм социальной практики». Начиная от русского обычая кричать на свадьбе «горько!» и кончая конституциями государств и декларациями ООН. Существует множество норм и правил «среднего уровня»: отраслевые, государственные и международные стандарты, правила проведения спортивных игр … даже внутренние правила различных организаций и микроскопические традиции бригад, отделов и лабораторий. Все вместе они составляют некое подобие биосферы Земли, где в тесном взаимодействии существуют миллионы разнообразных организмов, от бактерий до слонов и китов. Г.Б. Клейнер писал о целом «мире институтов», как системе разнородных взаимосвязанных элементов [Клейнер 2004: 21–22]. Все это многообразие еще ждет своего систематика, своего Карла Линнея.

В общем случае следует говорить об институциональной системе, состоящей из комплекса взаимосвязанных институтов, обеспечивающих правила для всех основных видов деятельности людей, включая правила создания и принятия новых институтов. Это система холического типа, в которой отдельные элементы неработоспособны без других.

Так, например, существует развитая система институтов собственности. Но они не могут работать без институтов, регламентирующих работу судов, работу правоохранительных органов, институтов регистрации прав собственности. Поскольку видов собственности во всяком развитом обществе множество, трудно обеспечить их все одним законом. Поэтому существуют особые законы (и органы), обеспечивающие собственность на землю, на лес, на интеллектуальные объекты, акционерную собственность и так далее.

Одни институты регулируют оказание медицинской помощи, и совсем другие – авиаперевозки или выборы в органы власти. Важнейшую роль играет институт, определяющий правила создания правил, обеспечивающий согласованную работу всех остальных институтов – конституция государства.

В реальности существуют и более сложные варианты, когда одна и та же деятельность может регулироваться разными институтами. Например, сейчас в Российской Федерации малые предприятия имеют право сами выбирать, по какой схеме будет происходить их налогообложение – по общей или т.н. «упрощенной». Возникает «конкуренция институтов», когда экономические агенты могут совершать выбор на «институциональном рынке» [Тамбовцев 2005].

Классический пример противоборства институтов – это исполнение законов, запрещающих дуэли (во Франции Карлом IX в 1566 году и Людовиком XIII в 1626 году, в России Петром I в 1715 г. и Екатериной II в 1787). Литература и история говорят нам о том, что, невзирая на жесточайшие запреты (артикул Петра I, например, предусматривал повешение обоих дуэлянтов, независимо от того, кто прав, кто виноват) дуэли все же происходили, и довольно часто. В чем причина? В том, что неформальный институт (общественное мнение) был мощнее формального. Презрение общества, исключение из социальной группы было намного опаснее для индивида, чем санкции закона.

Очень суровыми были экономические санкции за сокрытие прибыли в России в 1990-е годы, когда штрафы превышали сокрытые суммы. Тем не менее, уход от налогов в 1990-е годы был массовым явлением. Причина – незначительная вероятность попасть под действие закона и большая экономическая выгода. Плюс одобрительное отношение бизнес-

сообщества и невозможность конкурировать по издержкам с теми, кто уклонялся от налогообложения.

При тотальной смене институтов при переходе от планового общества к рыночному («институциональная революция») институциональная система не может быть заменена целиком моментально, хотя бы в силу ограниченной мощности законодательных органов (сколько законов в месяц могут они пропустить через себя).

Поэтому вместо холической (целостной) институциональной системы в переходный период имеем массу плохо согласованных законов, часто образующих непредвиденные комбинации. Хорошим примером являются «институциональные ловушки» – неэффективные, но несмотря на это, устойчивые законы, постановления и их комбинации [Полтерович 1999].

Еще один пример – борьба с наркотиками. Притом, что большинство государств мира предпринимает очень большие усилия и принимает строгие законы для предотвращения распространения наркотиков, они постоянно присутствуют на черном рынке. Вовлечено слишком много людей, и их общие усилия (атаки) оказываются мощнее институтов.

Как ни странно, незначительное внимание уделяется механизмам действия институтов. Хотя всем ясно, что сами по себе институты действовать не могут. Некоторое внимание уделяется организации принуждения к исполнению институтов, но и эта тема далека от систематической разработки.

Понимание механизмов действия институтов имеют принципиальное значение, особенно в период социально-экономической трансформации общества. В этот период социальная система «загружается» большим количеством новых формальных институтов, тогда как люди привыкли действовать в соответствии со старыми. Изучение новых правил и выработка рутин (стандартных схем поведения) [Нельсон 2000: 30–36] требует у населения затраты значительных усилий (измеряемых рабочими часами предпринимателей, налоговых органов, судов, полиции и т. д.), а власти еще не умеют ими пользоваться. Естественно, что возникает тенденция нарушения недавно введенных законов. Стоит попутно указать на глубинную связь институтов и стереотипов поведения (правил и приемов игры).

Можно вспомнить не так давно существовавшее распространение нелегального программного обеспечения, фильмов и музыки в России. Теоретически караемая законом, торговля контрафактными программами, фильмами и музыкой практически происходила везде и всюду, в магазинах и киосках, и большая часть из законопослушных в остальном граждан и организаций не стеснялись приобретать и пользоваться нелегальным товаром. Причина в том, что время, потраченное на убеждения и принуждение к исполнению имевшихся законов, было явно недостаточным.

Более свежий пример – нарушения выборного законодательства в России. Происходили многочисленные нарушения выборного законодательства как раз теми, кто призван его защищать – избирательными комиссиями. Возникли устойчивые формы нарушения закона (правила обхода правил) – «карусели», «вбросы» и так далее. Здесь снова видим борьбу между человеческими усилиями, направленными на исполнение закона и на его нарушение.

Что при этом происходит? Модели поведения людей, направленные на обход действующих формальных институтов, становятся устойчивыми формами общественной практики, правилами поведения, обрастают социальными структурами, обеспечивающими эту практику, и в итоге сами институционализируются, создавая антиинституты [Сухарев 2004]. Результат борьбы института и антиинститута зависит в конечном счете от соотношения объемов человеческой деятельности, затраченных на поддержку того и другого.

Человек (или организация) имеют выбор, следовать ли формальному институту из опасения (с некоторой вероятностью) получить наказание за его нарушение, или же нарушить

закон, получив существенный выигрыш. Очевидно, выбор будет зависеть и от способности институтов к принуждению и от размеров потенциального выигрыша.

Л. Мизес писал по этому поводу: «Кое-кто может быть достаточно дерзок, чтобы игнорировать законы, невзирая на бдительность властей; их дерзкое нахальство обеспечивает им квазипривилегии. … Закон, который никто не выполняет, является недействующим. Закон, писанный не для всех или которому не все повинуются, может обеспечить тем, кто под него не подпадает то ли на основании самого закона, то ли благодаря своей наглости, возможность получения дифференциальной ренты или монопольного дохода» [Мизес 2005: 622].

Цена и эффективность институтов

Приведенные примеры заставляют задуматься о введении некого количественного параметра, связанного с данным институтом (формальным или неформальным), характеризующего способность этого института влиять на поведение людей и организаций, принуждать их к исполнению этого института. Возникает сложный вопрос: как измерять способность институтов ограничивать и направлять поведение людей? По аналогии с физикой, можно думать о силе, мощности или энергии института.

Рассмотрим различные подходы к исследованию эффективности институтов и затрат на их поддержание. Автору с помощью поисковых систем удалось найти только одну научную публикацию, в которой обсуждается «мощность институтов» [Stahl 2011]. В этой работе «институциональной мощностью» (institutional power) называется власть лиц, укорененных в политических и иных структурах общества (например, власть президента определяется институтом президентства).

Пусть все экономисты признали, что институты есть, и что они имеют значение. Но как они действуют? Нормы, обычаи, законы и правила не могут действовать сами по себе. Люди вынуждены соблюдать законность (кстати, по-английски «правоохранительный» – это «law-enforcement», т. е. от слова «принуждать, заставлять»), но принуждают не законы сами по себе, а другие люди. Большую часть норм и обычаев люди соблюдают по внутреннему убеждению, но сколько труда общество затратило на создание этих внутренних установок у миллионов людей?

Поддержание институтов требуют от общества определенных затрат. С другой стороны, наличие институтов в какой-то степени снижает общественные издержки. Представим себе планету, где законы вообще отсутствуют [Шекли 1968]. Что перевесит: экономия на институтах или социальные потери из-за их отсутствия?

Если мы хотим продвинуться дальше, чем просто признание роли институтов в экономике, мы должны поставить вопрос об их эффективности. Эффективность института зависит от нескольких составляющих. Во-первых, это цена института: «Так как деятельность, предпринимаемая для защиты правил, конституирующих институт, сопряжена с затратами ресурсов, то она должна трактоваться, как стандартная экономическая проблема…» [Фуруботн 2005: 29, 63]. Во-вторых, это характеристика, которую можно назвать «мощностью института» – способность влиять на поведение индивида или организации, отказываясь от получения неких благ при его нарушении. В-третьих, это социальный результат действия института, выраженный приращением общего благосостояния (простая версия) или качества жизни (сложная).

Могут быть дорогие институты, неспособные направлять поведение людей из-за недостатков своей конструкции. Могут быть институты, эффективно направляющие индивидов, но с отрицательными результатами. Могут быть недорогие институты, дающие хороший эффект, но действующие в узких областях. Институты широкого действия (такие, как налого-

вое право) для больших государств по необходимости дорогие, но их отдача также велика и компенсирует издержки.

Чтобы прояснить все эти элементы, требуется лучше понимать, как «институт» превращается в социальное действие. Что же такое «институт» в обществе, рассматриваемом как социальная система, важнейшими элементами которой являются биологические существа, наделенные культурой? Многие исследователи признают, что институты являются частью культуры. Но что такое сама культура? Дан Спербер считает, что возможно естественнонаучное исследование культуры, как накопления и эволюции мысленных репрезентаций, а также их передачи в социальной среде [Sperber 1999].

Культура – это умственное явление [DiMaggio 1997]. Центр тяжести изучения умственных процессов (осознанных и неосознанных) перемещается последнее время в область т. н. когнитивной науки. Д. Норт в одной из статей обратил свое внимание на эту новую науку и обрисовал контуры грядущего влияния когнитивной науки на экономику [North 2010]. В последние годы действительно возник когнитивный подход к исследованию социальных институтов [Sun 2012, Boyer 2012].

В рамках этого подхода институты считаются видом общественно полезного знания, которое существуют в виде когнитивных схем, распределенных (shared) в общественном сознании (то есть, хотя и в умах индивидов, но относительно независимо от каждого из них). Эти знания эволюционируют под действием отбора. Определилась фундаментальная проблема взаимного действия «снизу вверх» и «сверху вниз» социального, психического и биологического уровней общественного организма, через которое институты направляют действия индивидов, а индивиды создают и изменяют институты.

Начали появляться компьютерные мультиагентные модели институциональной эволюции [Broersen, Cranefield, Elrakaiby… 2013], что дает надежду на существенное продвижение к количественным моделям. На этих моделях удается показать, что общие правила поведения действительно могут спонтанно возникать в популяциях виртуальных автоматов и что наличие таких правил создает для этих популяций преимущества в выживании.

Вопросы экономической оценки формальных институтов рассматриваются в таких подходах, как экономика права (economics of law) и анализ затраты-выгоды (cost-benefits analysis, далее АЗВ). К сожалению, экономика права в основном рассматривает экономические результаты применения законов и оптимальную величину санкций и почти не касается стоимости институтов. Несколько больше здесь помогает АЗВ. Эти подходы существенно пересекаются.

Фундаментальная монография Познера, переведенная на русский язык, достаточно полно представляет круг вопросов, изучаемых экономикой права [Познер 2004]. Эта книга является введением в особый мир, где каждое преступление и наказание имеет свою денежную стоимость. Даже в США этот подход подвергается критике [См.: Познер 2004: 36] по множеству причин, однако имеет свои глубинные основания. Многие проблемы благодаря экономическому анализу права получают особое освещение.

Например, ясно, что обществу выгоднее штрафовать преступников (получать средства для компенсации ущерба), чем сажать в тюрьму (что очень дорого, кстати, это тоже о цене институтов). Но возникает опасность, что тогда богатые начнут нарушать законы и затем откупаться. Экономика права плохо учитывает силу моральных установок, а также ограниченную рациональность индивидов, зато дает возможность количественно оптимизировать законодательные санкции и расходы на охрану права [Becker 1968]. Методологические основы экономики права обсуждаются в монографии К. Мазиса [Mathis 2009].

Большое количество конкретных исследований проводится в рамках АЗВ. Например, сравнивается эффективность муниципальной полиции и коммерческой службы шерифов

в Вашингтоне [Myers 2012] и округе [City of Burien… 2011] (отношение стоимости охраны порядка к результату в виде количества преступлений и задержаний), оценивается эффективность муниципальной полиции во всех городах США с населением более 50 000 чел [Skogan 1976]. Способность городских отделов полиции повлиять на преступность оценивается в работе [Scott 1980] на основе анализа пяти переменных: затрат, трудовых ресурсов, усилий полиции, технологических инноваций и реформы полиции.

Экономика права удачно применяется для исследования коррупции, в том числе в тех случаях, когда искажение институтов покупаются и их мощность бьет мимо цели или, хуже того, используется против невиновных [Garoupa, Klerman 2010].

В книге С. Вельяновского [Veljanovski 2007: 108–112] значительное внимание уделено эффективности такой компоненты закона (в чем-то схожей с мощностью), как устрашение [Veljanovski 2007: 246–256]. Приводятся данные, что для снижения преступности в Англии на 1% требуется увеличить расходы на полицию на 51 млн. фунтов стерлингов, но того же эффекта можно добиться намного дешевле за счет увеличения сроков тюремного заключения; еще эффективнее смертная казнь за убийство, одна казнь снижает количество убийств в стране за год на восемь случаев.

Проблемы установления уровня санкций, достаточных для предотвращения вероятных умышленных и непредумышленных преступлений рассмотрены в монографии Вейгеля [Weigel 2008: 108–112].

Особый интерес представляет работа С. Шавелла [Shavell 2002], в которой он рассматривает соотношение закона и морали, как регуляторов поведения. Шавелл отмечает, что в действительности большую часть времени мораль, а не закон, управляет нашими действиями. Он полагает, однако, что затраты на поддержание и исполнение законов велики в то время, как мораль не стоит ничего, но при этом не учитывает затраты времени общества на социализацию детей. Проблема достижения наибольшего общественного благосостояния за счет оптимизации охраны правопорядка изучается в совместной работе М. Полински и С. Шавелла [Polinsky, Shavell 2007]. Еще одна статья [Bennis, Medin, Bartels 2010] критикует АЗВ за то, что он основывается на неполных данных (модель закрытого мира), тогда как реальный мир очень сложен (открытый мир) и оценить все факторы и связи между ними (многие из которых даже теоретически не описаны), невозможно.

По анализу затраты-выгоды также идет серьёзная дискуссия. Невозможность примирить общественную мораль с рекомендациями АЗВ [Hubin 1994] (например, по вопросу смертной казни) разрешается соглашением о том, что АЗВ имеет оценочную, но притом эвристическую, роль в принятии правовых норм [Shepley 2007; Shapiro, Schroeder 2008]. Интересные данные приведены в статье Р. Санстейна [Sunstein 2000]: оказывается, в США цена предупреждения случайной смерти за счет принятого закона различаются в тысячи раз, например введение обязательных ремней безопасности в автомобилях спасает одну жизнь за сто тысяч долл., а запрет применения асбеста – за сто десять миллионов. Весьма убедительный пример, заставляющий задуматься о том, что системное применение АЗВ все же целесообразно, хотя бы для оценки институциональных инноваций. Санстейн также указывает на ограниченную рациональность людей, которые больше опасаются атомных реакторов, чем угольной пыли, хотя от последней гибнет на порядки больше людей.

Экономика права отличается многообразием подходов к исследованию и, на взгляд автора, недостаточно четким методологическим базисом. Сопоставляя экономику права и предложенное понятие мощности институтов можно сказать, что идея мощности может быть хорошим дополнением к методам исследования цены и эффективности законов.

Мощность институтов

В настоящей статье предлагается достаточно простая идея. Законы, обычаи, нормы, правила и так далее представляют собой идеальные сущности. Они не могут действовать сами по себе. В действие их приводят люди своей целенаправленной деятельностью. Интенсивность и количество усилий, затраченных обществом на поддержание данного института, определяет силу его воздействия на поведение людей и организаций. Количество времени (при некоторой средней интенсивности усилий), затраченного на убеждение, на контроль, на то, чтобы заставить нарушителей выполнять требования общества, является мерой мощности института.

Деятельность можно измерять работой (энергией) или мощностью (работой в единицу времени, интенсивность деятельности). Одна и та же работа может быть выполнена за разные периоды времени. Но поддерживать законы трудно, затрачивая большую энергию в некие короткие промежутки времени. В действительности нас интересует постоянное совершение работы по исполнению институтов (установлений) в течение всего времени, то есть, мощность. Поэтому мне кажется, что способность институтов влиять на поведение людей более естественно измерять мощностью, а не силой.

Представим себе институт как потенциальный барьер, устанавливающий ограничения для некого вида деятельности. Если высота этого барьера достаточно велика, ее хватает, чтобы заставить людей действовать в рамках института (потенциальный барьер, создаваемый институтом, достаточно высок, см. *Рис. 1*). Если мощность мала, а интенция (направленность) на нарушение велика, то люди будут, скорее всего, пренебрегать этим институтом. Если слишком много людей атакуют институт, а защитники его немногочисленны, вероятность безнаказанного нарушения института начинает приближаться к единице и такой тип поведения со временем становится преобладающим.

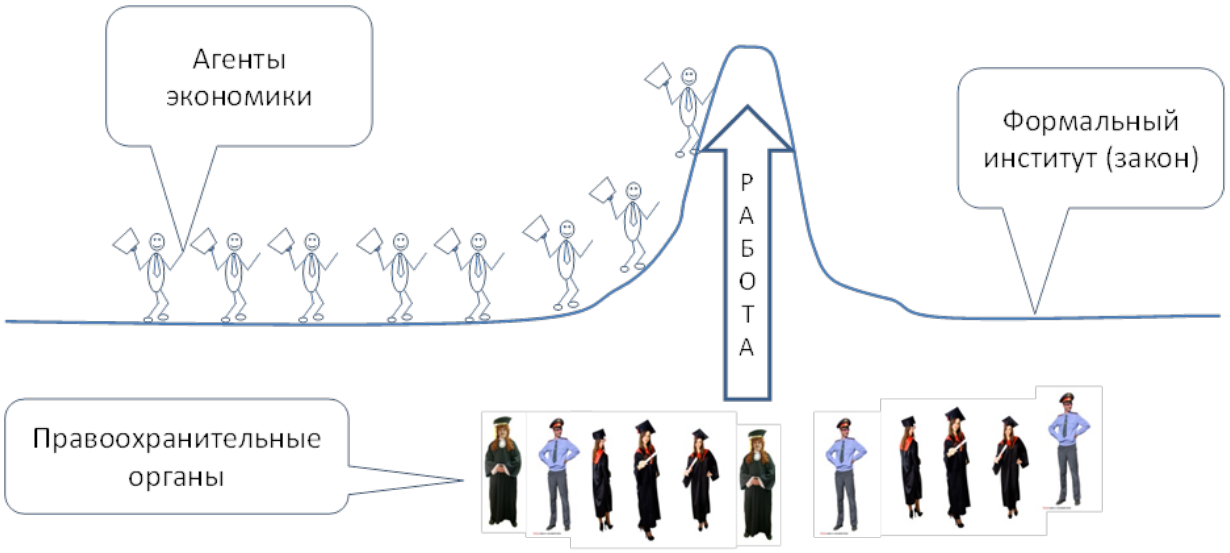


Рис. 1. Мощность института (высота потенциального барьера, создаваемого усилиями правоохранительных органов). Источник: разработка автора.

Если институты (или институт и антиинститут) противоречат друг другу, причем мощность одного из них больше, чем мощность другого, то люди чаще будут соблюдать требования более мощного института. Например, под давлением общественного мнения (в действие,

которого вовлечено все население, все родственники и друзья), люди будут идти на дуэль, рискуя одновременно и расстаться с жизнью, и оказаться под карой закона, который защищают только «гвардейцы кардинала», которых много меньше.

С другой стороны, существуют как массовые нарушения законов, например, сокрытие доходов и прибыли, так и сравнительно редкие, как полеты на незарегистрированных самолетах. То есть, социальное действие в контексте системы институтов характеризуется не только мощностью этих институтов, но и мощностью атак, с которой индивиды и организации пытаются их преодолеть. Мощность атак социальных акторов и экономических агентов на различные институты очень сильно отличается, и для общества не имеет смысла тратить большие усилия на поддержание тех институтов, которые редко атакуются.

Сила, мощность и энергия в мире социальных институтов

Памятуя обо всей условности подобных аналогий, пойдем от физических моделей. Рассмотрим три варианта взаимодействия людей и институтов. В первом экономический агент пытается преодолеть институт, представленный в форме мембраны (*Рис. 2*).

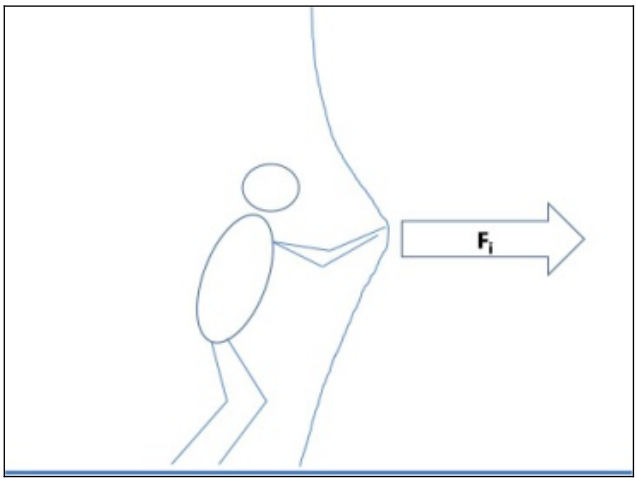


Рис. 2. Силовой прорыв. Источник: разработка автора

Для того, чтобы преодолеть мембрану и оказаться в защищаемой зоне (например, преодолеть границу без уплаты таможенной пошлины), ему требуется приложить силу большую, чем предел сопротивления материала $Fa > Fi$. В случае принятия этой модели удобнее говорить о «силе» институтов.

Во второй модели институт представлен потенциальным барьером, который агент должен «перепрыгнуть» (*Рис. 3*). В этом случае для преодоления барьера (нарушения института) требуется, чтобы энергия агентов превышала некоторую величину, характерную для этого барьера $Ea > Eb$.

В первой модели, если мембрана института эластична, то в начальный момент действия агента на мембрану сила равна нулю, и постепенно нарастает по мере упругой деформации, пока не происходит разрыв мембраны. То есть, сила, деформирующая мембрану, должна не просто давить на мембрану, но совершить определенную работу, прогибая ее. И эта работа должна быть совершена за разумное время $T < D/p$, где D – экономический выигрыш агента, а p – его средняя прибыль в единицу времени. Иначе затраты на нарушение института будут

меньше ожидаемого выигрыша. А работа, произведенная за определенное время – это уже мощность.

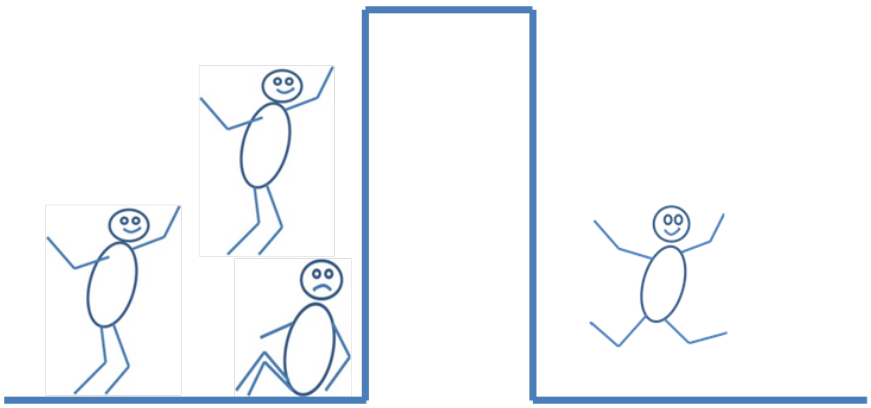


Рис. 3. Потенциальный барьер. Источник: разработка автора

Во второй модели решающую роль играет энергия агента, которая должна быть достаточной для преодоления барьера. Но энергия, затраченная в «прыжке», определяется мощностью, умноженной на время разгона.

Поэтому имеет смысл эффективность института измерять, как «мощность» института, скорее, нежели его «силу» или «энергию». Хотя в некоторых частных ситуациях решающее значение имеет именно сила или энергия.

Как измерять мощность институтов?

Мне кажется, ключом к решению этой задачи является использование фундаментальной экономической категории – человеческого труда. Наилучшая мера человеческого труда дана Марксом – это «общественно-необходимое рабочее время» [Маркс, Энгельс 1960: 47]. Маркс имел в виду необходимое для произведения трудовой операции время при производительности труда, определяемой в рамках рыночных отношений. Но для воспроизводства самого общества (и его институтов) также требуется не меньшая по масштабу деятельность людей вне рыночных отношений, которая может оцениваться затраченным на нее временем. В реальности можно говорить о количестве общественно-необходимого времени, затраченного в среднем за относительно длинные периоды – месяц или год.

Всю деятельность людей в рыночном обществе можно разделить на две большие категории: оплачиваемый труд (регулируемый, в основном, формальными институтами) и труд социальный, труд без оплаты и явного контракта, который люди совершают в семье, воспитывая детей и выясняя отношения между взрослыми, в обществе, убеждая друг друга (с помощью разнообразных аргументов) быть хорошими гражданами. Социальный труд в основном регулируется неформальными институтами (которые он же и поддерживает).

И в случае нарушения закона (или неписаного правила), и в случае убеждения или принуждения одними людьми других к исполнению правил, мы имеем дело с человеческой деятельностью, которая характеризуется энергией, изобретательностью (интенсивность труда) и временем, затраченным на нарушение или, напротив, на защиту законов.

Ясно, что очень сложно точно измерить и оценить все виды общественного труда, направленного на поддержку институтов, как оплачиваемого, так и социального, но вполне возможно приступить к этой работе. Современная экономическая наука имеет в своем арсе-

нале достаточно изощренные методы исследования. Для начала можно сделать грубые прикидки.

Попробуем приблизительно оценить мощность неформальных институтов. В России сейчас около 23 млн. детей в возрасте до 16 лет. Родители затрачивают на их социализацию в среднем около 40 минут в день каждый, то есть, около 60 рабочих дней в год на ребенка, что дает около 1,4 млрд. человеко-дней в год (10 миллиардов часов). Для сравнения, вся полиция России имеет около 250 млн. человеко-дней в год. Еще около 300 млн. человеко-часов воспитания в год дает средняя школа, но она большую часть времени отдает обучению конкретным предметам, а не воспитанию.

Если каждый из 70 млн. человек, занятых трудом России, тратит всего 10 минут в день на убеждение коллег исполнять какие-то социальные нормы (скорее всего, цифра несколько больше), это дает примерно 2,3 миллиарда часов в год. Итак, мощность, затрачиваемая самим обществом на поддержание неформальных и формальных институтов, существенно превосходит возможности государства.

Оценка мощности формальных институтов России

Попробуем оценить в первом приближении затраты общества на поддержание формальных институтов административного права в России. Для этого следует оценить общее время, которое затрачивается государственными служащими на поддержание формальных институтов. Учитывая то, что рабочая неделя незначительно различается для всех категорий служащих, это время с хорошей точностью пропорционально количеству людей, занятых принуждением к исполнению законов и поиском нарушителей.

Во-первых, численность судей судов общей юрисдикции на 2022 год определена в количестве 25 433 единиц, плюс работников аппаратов в количестве 68 616 единиц, судей федеральных арбитражных судов в количестве 4 493 единиц и работников их аппаратов в количестве 12 204 единиц[1].

В МВД России с начала 2018 г. предельная штатная численность установлена в 894 871 чел. и 130 813 гражданских лиц[2]. Требуются дополнительные исследования, чтобы оценить, какая часть рабочего времени сотрудников МВД связана именно с поддержанием формальных институтов.

Контролем за соблюдением законов и норм заняты не только правоохранительные органы. Существует множество служб, занятых контролем в специализированных областях человеческой деятельности, такие, как Санитарно-эпидемиологическая служба, Гостехнадзор, Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, Роспотребнадзор, Росстандарт и другие.

Отдельный непростой теоретический вопрос – являются ли пожарные правила или технические стандарты социальными институтами (скорее, являются). Трудно оценить общее количество людей, занятых охраной институтов и прочих правил, но видно, что это цифра более миллиона человек. Рабочее время за год при 40-часовой рабочей неделе составляет около 2000 часов. Таким образом, получаем весьма приблизительную общую оценку рабочего времени, затраченного на поддержание формальных институтов, в два миллиарда часов.

---

[1] Федеральный закон от 06.12.2021 г. № 390–ФЗ.

[2] Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2017 № 652 «О внесении изменения в Указ Президента Российской Федерации от 5 мая 2014 г. № 300 «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации»».

Судебная статистика и мощность институтов

Весьма важным источником данных для оценки мощности формальных институтов в Российской Федерации (действующих законов) является судебная статистика Верховного суда. В настоящее время она доступна на сайте Судебного департамента при Верховном суде РФ по адресу: http://www.cdep.ru.

Из статистических отчетов можно получить данные о рассмотрении дел в судах первой инстанции по количеству лиц, привлеченных за нарушение конкретных статей законодательства. Учитывая, что среднее рабочее время, затраченное судом на рассмотрение одного дела – величина довольно стабильная, можно считать, что эти данные с некоторым коэффициентом отражают существенную часть трудовых затрат общества на принуждение к исполнению соответствующих институтов (конечно, нужно учитывать и работу судебных приставов, и налоговых органов, и полиции, и природоохраны).

Судебная статистика дает и денежный индикатор мощности формальных институтов, а именно суммы штрафов, назначенных судами за нарушение данного закона и суммы штрафов, которые были реально взысканы. Впрочем, через среднюю стоимость труда в РФ эти индикаторы можно свести к тому же рабочему времени.

Вот некоторые цифры по РФ за 2007–2012 годы (рассмотрены только административные нарушения):

Общее количество дел по административным нарушениям (по количеству лиц, привлеченных к ответственности): от 4,8 до 5,7 млн., общая сумма штрафов от 19 до 43 млрд. руб. в год.

По общему количеству рассмотренных судами административных дел лидируют нарушения правил дорожного движения. Таких дел в год рассматривается 2,2–2,3 миллиона. Большая мощность этого института определяется как количеством водителей в России (около 50 миллионов), так и количеством сотрудников ГИБДД.

Один из самых мощных институтов, чего и следовало ожидать – налоговое право. Количество ежегодно возбужденных дел по статье «нарушение сроков представления налоговой декларации»: в 2007–2012 годах 112–173 тыс., дел, общая сумма штрафов за год 26–42 млн. руб. По статье «Непредставление сведений, необходимых для осуществления налогового контроля» за те же годы 161–178 тысячи дел, сумма штрафов за год 31–44 млн. руб. Количество сотрудников Федеральной налоговой службы составляет примерно 170 тыс. чел. [Мишустин 2011] (около 340 млн. рабочих часов в год).

Значительные штрафы (до 940 млн. руб. за год в сумме) назначаются судами по статье «Незаконное привлечение к трудовой деятельности; нарушение правил привлечения в РФ иностранного гражданина или лица без гражданства…» начиная с 2010 года. Сумма штрафов по этой статье выросла в пять раз за два года (2008–2009 гг.), по-видимому, вследствие политических причин.

Судебная статистика дает нам и примеры маломощных институтов: статья «незаконное занятие частной медицинской практикой», всего от 55 до 104 дел по всей России в год, сумма штрафов за год 58–104 тыс. руб. (средний штраф всего 1 тыс. руб.). Обычный житейский опыт подсказывает, что 100 случаев незаконной медицинской практики на 140-миллионную Россию в год – это цифра абсолютно неправдоподобная; следовательно, 99,9% этих случаев не попадают в поле зрения регулирующих органов.

Вывод: очевидно, что институт, регулирующий медицинскую практику, имеет мощность в 500–1000 раз меньше, чем налоговое законодательство. В то же время, очевидно, что число случаев «незаконной медицинской практики» по России составляет десятки тысяч, если не миллионы, случаев в год, что определяется малой мощностью этого института.

Подобным образом дело обстоит со статьей «самовольное использование лесов, нарушение правил использования лесов», количество лиц, привлеченных по которой колеблется от 5 в 2010 году (на всю Россию!) до 28 в 2007 году.

В эту статью входит нарушение правил сбора дикорастущих лекарственных растений, грибов и ягод. Очевидно, что нарушения этих правил также происходят отнюдь не единичными случаями.

Анализ данных судебной статистики позволяет даже при первом приближении получить ряд интересных выводов. На сайте ВС РФ доступна относительно полная статистика за 2007–2012 годы. Некоторые неполные данные имеются за 1995–2007 годы.

Приведем гистограмму (*Рис. 4*), описывающую рассмотрение административных дел и материалов районными судами по годам.

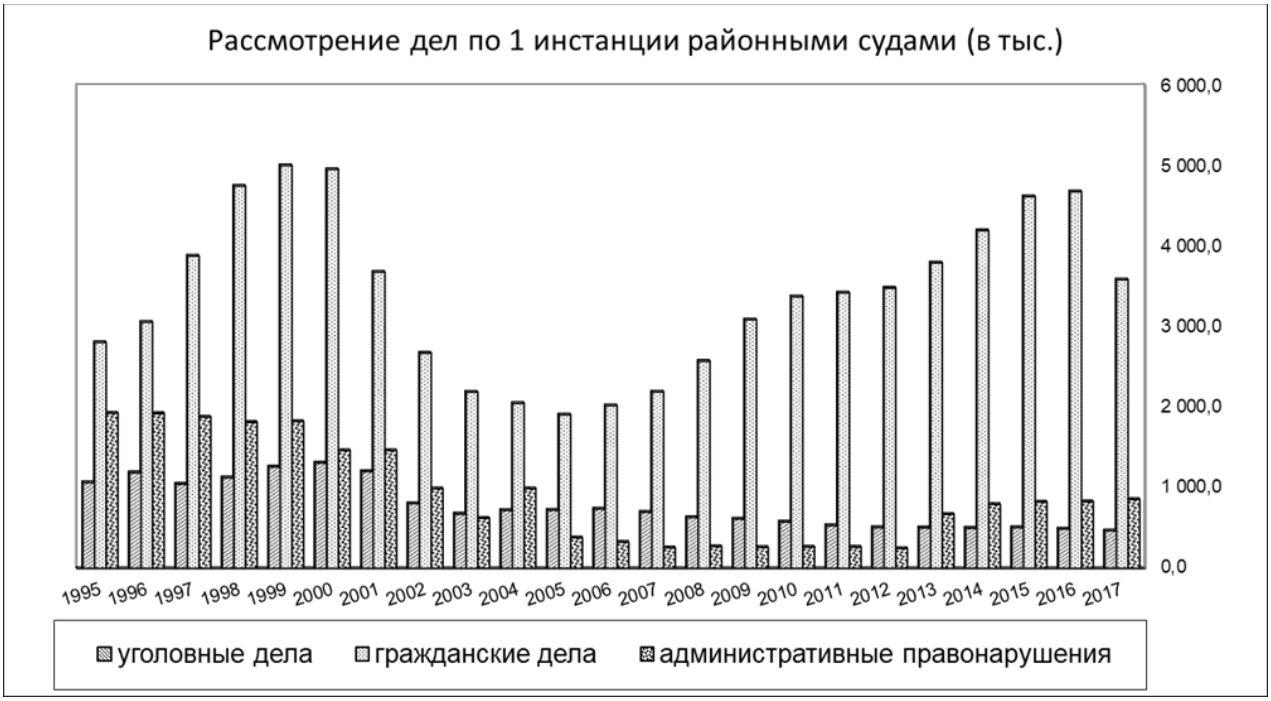


Рис. 4. Рассмотрение административных дел и материалов по I инстанции районными судами по годам (в тыс.). Источник: разработка автора по материалам Верховного суда РФ.

Видно, что количество уголовных дел сохраняется на более или менее постоянном уровне, тогда как количество гражданских дел заметно возрастало в 1998–2000 годы. Это вызвано вероятно, переходом от централизованного управления в экономике к рыночному, за счет чего резко увеличилось количество независимых хозяйствующих субъектов, увеличилось разнообразие имущественных отношений частных лиц, разнообразие их имущества, а, следовательно, и число споров между ними.

Рост числа административных и гражданских дел резко увеличил нагрузку на суды, что потребовало введения облегченной процедуры рассмотрения не уголовных дел новым (сравнительно с СССР) судебным институтом – мировыми судьями.

В 1998 году был принят Федеральный закон «О мировых судьях в Российской Федерации». Рост количества дел, рассмотренных мировыми судьями, отражается на следующей диаграмме (*Рис. 5*):

Рис. 5. Рассмотрение судами гражданских дел по 1 инстанции по годам.
Источник: разработка автора по материалам Верховного суда РФ.

Видно, что мировые судьи начиная с 2003 года приняли на себя основную нагрузку по охране законов в области гражданского права.

Судебная статистика позволяет получить представление об относительной мощности конкретных формальных институтов. Вот диаграммы, отражающие наиболее мощные из формальных институтов России.

Считая, что рассмотрение одного дела занимает (в среднем) относительно стандартный период времени и занимает относительно стандартное количество людей, можно считать количество привлеченных довольно хорошим показателем мощности данного института.

Судебная статистика предоставляет еще один параметр, характеризующий мощность конкретных институтов, который может быть использован, как дополнительный к количеству привлеченных лиц – это сумма штрафов, наложенных за нарушение статей законодательства за год (*Рис. 7*).

Рис. 6. Наиболее мощные институты (по количеству привлечённых лиц, за год). Источник: разработка автора по материалам Верховного суда РФ.

Рис. 7. Наиболее мощные институты (по сумме штрафов, за год). Источник: разработка автора по материалам Верховного суда РФ

Приведем данные по наименее мощным институтам:

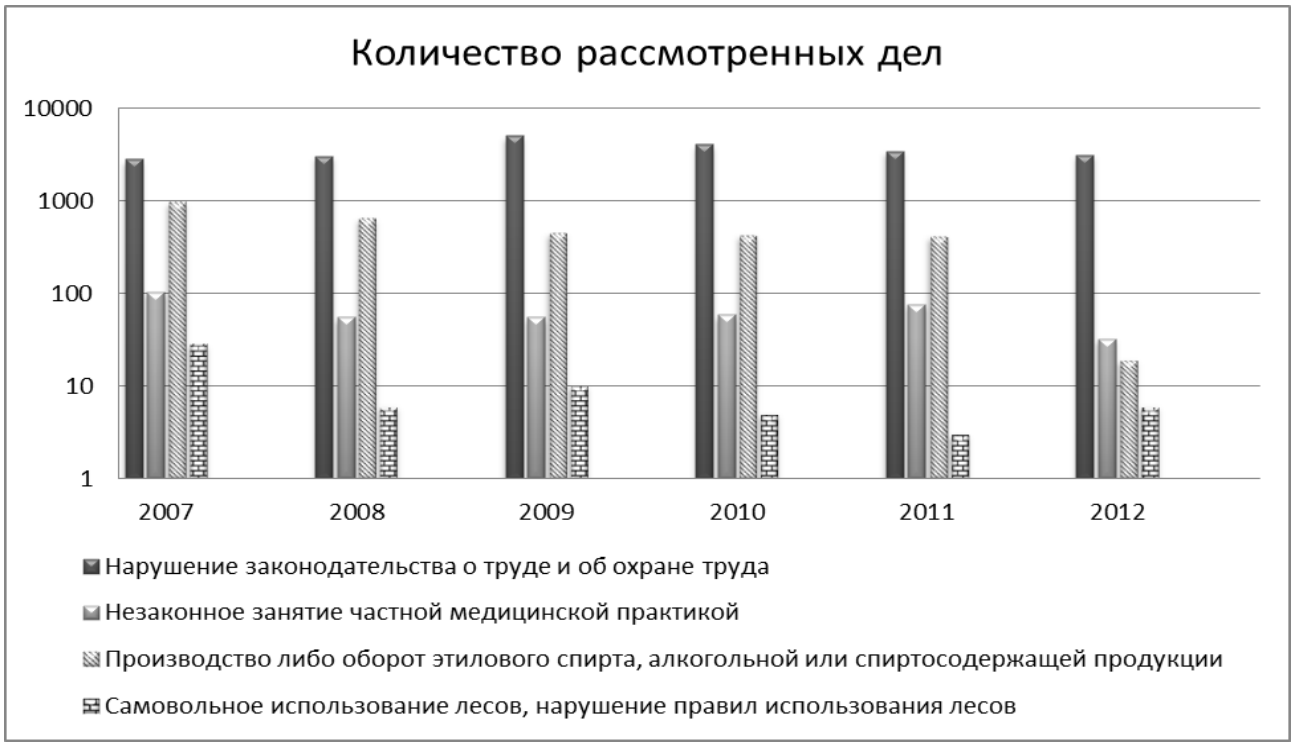


Рис. 8. Институты малой мощности (по количеству лиц, привлечённых за год)
Источник: разработка автора по материалам Верховного суда РФ

Штрафы по маломощным институтам не только меньше по общим суммам, но и по среднему штрафу на привлеченное лицо. Так, средний штраф по «Несоблюдению таможенного режима» в 2007 году составил 660 тыс. руб., а средний штраф по «самовольному использованию лесов» в 2010 году – 60 рублей.

Можно видеть, что количество дел по маломощным институтам на порядки меньше количества дел по мощным – от 5 до 2 800 тысяч в сравнении с 40 000–180 000. Суммы штрафов тоже в сотни и тысячи раз меньше (*Рис. 9*).

Итак, общие затраты (труда или денег, на которые приобретается труд) на поддержание институтов, ограничены. Хотя в современном государстве эти затраты составляют существенную часть расходов бюджета – содержание судебной системы, полиции, таможни, служб, контролирующих соблюдение стандартов, налоговых органов и так далее, тем не менее, их общий объем конечен, и существенно меньше, чем мощность всего общества. Эти затраты фиксированы в бюджете государства и весьма стабильны, трудно поддаются значительным изменениям.

Таким образом, всей подсистеме государства, охраняющей систему институтов и принуждающей к их исполнению, остается только распределять тот труд, который они способны совершить, на защиту тех или иных институтов.

Естественно, в первую очередь защищаются самые важные для государства институты – те, которые обеспечивают поступление средств государству и те, нарушение которых наиболее опасно для общества.

Именно поэтому первые три по мощности института в России – это нарушение сроков предоставления налоговой декларации, осуществление предпринимательской деятельности без государственно регистрации и непредставление сведений для налогового контроля (названия

статей даны в сокращении). На четвертом месте идет потребление наркотиков, представляющее значительную угрозу для общества.

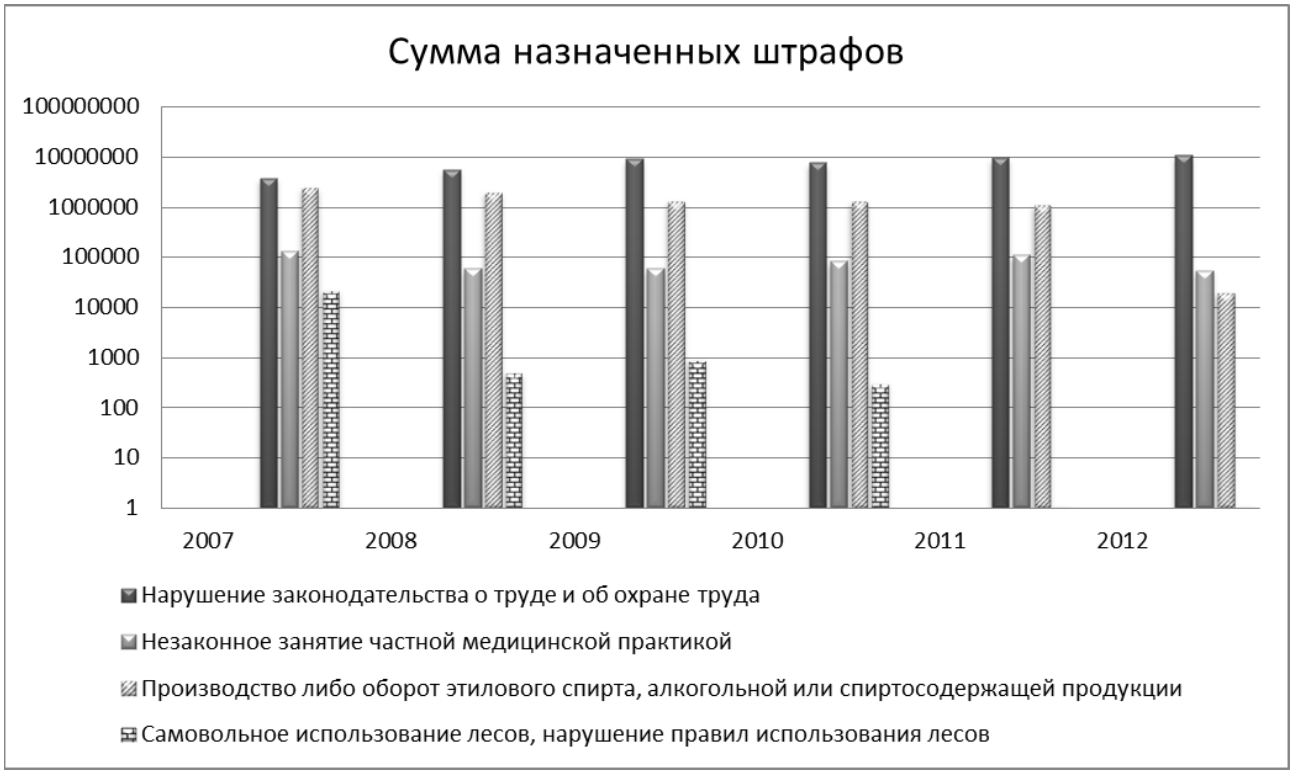


Рис. 9. Институты малой мощности (по сумме штрафов, в год)
Источник: разработка автора по материалам Верховного суда РФ

Вероятностная модель мощности институтов

История человечества показывает, что во все времена и у всех народов не было институтов, которые бы не нарушались. Какие бы усилия общество ни направляло на поддержание тех или иных институтов, все равно были случаи, пусть и единичные, нарушения этих институтов. Даже такие строгие институты, как заперт на убийство или требования воинской дисциплины, регулярно нарушались в обществах самых разных типов. Вопрос, видимо, в норме, или отношении частот соблюдения и нарушения данного института. Для нормального функционирования общества не нужно абсолютное соблюдение институциональных требований. Достаточно того, чтобы частота нарушений была меньшей, чем определенный порог. Причем в отношении ряда институтов требование к частоте нарушений очень строгие (например, по отношению к запрету на убийство), а в отношении других – не очень (например, большинство нарушений правил движения).

Попробуем более подробно рассмотреть статистические аспекты нарушения институтов.

Во-первых, ясно, что люди сильно различаются по своей устремленности на нарушение институтов или склонности достигать желаемого с нарушением общепринятых правил игры. В институциональной экономике это называется «оппортунизм», или, по определению Оливера Уильямсона, поведение с применением средств хитрости и коварства, или поведение, не обремененное нормами морали.

Если ввести численную характеристику склонности индивида к оппортунистическому поведению (индекс оппортунизма), то окажется, что доля населения, имеющего данный индекс, изменяется в соответствии с неким статистическим распределением. Для социальных процессов очень часто справедливым оказывается распределение Парето [Никитин, Чернавская, Чернавский 2009]: где P – плотность вероятности того, что индивид имеет индекс оппортунизма x, а x_m – пороговое значение x.

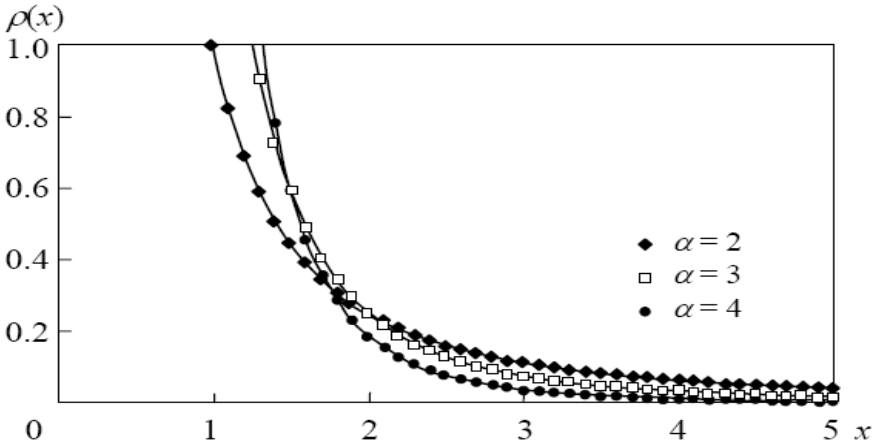


Рис. 10. График функции плотности вероятности для распределения Парето
Источник: Никитин, Чернавская 2009

Во-вторых, различна мощность самих институтов и высота создаваемых ими потенциальных барьеров. Если предположить, что нарушение закона происходит, если индекс оппортунизма больше, чем энергия потенциального барьера, создаваемого институтом (x > kPt, где t – время прохождения барьера, а k – постоянный коэффициент), то видно, что при распределении Парето некоторое число агентов будет нарушать закон при любой мощности института.

Но количество нарушений по мере роста мощности института будет быстро падать по степенному закону. Это дает возможность снизить число нарушений института до социально приемлемой величины.

Заключение

Предложенная в статье концепция «мощности институтов» связывает эффективность институтов с фундаментальной экономической категорией – общественно-необходимым временем, затраченным на их поддержание.

Это позволяет в перспективе перейти к построению количественных моделей социально-экономической динамики в условиях, существующих или проектируемых институциональной систем. Использование в качестве меры рабочего времени, затрачиваемого обществом на поддержание институтов, дает в руки исследователей универсальный измеряемый количественный параметр.

Дальнейшие исследования предполагают уточнение типа статистического распределения экономических агентов по индексу оппортунизма, количественной оценки мощности атак на конкретные институты и мощности этих институтов. Еще одно вероятное направле-

ние – оценка мощности коалиций, выступающих в поддержку институциональных изменений или против них.

Требуется углубленные исследования судебной статистики с целью выявления механизмов и параметров действия существующей институциональной среды.

Д. Норт писал о том, что создание внутренних убеждений обходится обществу намного дешевле внешнего принуждения. Проведенное нами сравнение мощных и маломощных институтов подтверждает эту мысль. Поэтому особый интерес представляет исследование соотношения мощности формальных и неформальных институтов, поддерживаемых, соответственно, в основном за счет государства и за счет общества.

Клейнер Г.Б. 2004. *Эволюция институциональных систем.* – М.: Наука. – 240 с.

Маркс К., Энгельс Ф. 1960. *Сочинения. – Т. 23.* – М.: Издательство политической литературы. – 907 с.

Мизес Л. 2005. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории – Челябинск: Социум. – 878 с.

Мишустин М.В. *В налоговой останутся работать только лучшие* [электронный журнал, 05.10.2011]. – Доступно: http://business.rin.ru/stati/?id=165. – Проверено: 10.03.2025.

Нельсон Р., Уинтер С. 2000. *Эволюционная теория экономических изменений.* – М.: ЗАО «Финстатинформ». – 474 с.

Никитин А.П., Чернавская О.Д., Чернавский Д.С. 2009. Распределение Парето в динамических системах, находящихся в шумовом поле. – *Труды института общей физики.* – Том 65. – С. 107–123.

Норт Д.С. 1993. Институты, идеология и эффективность экономики. – *От плана к рынку: будущее постсоциалистических республик.* – М.: Catallaxy. – С. 307–319.

Познер Р.А. 2004. *Экономический анализ права: в 2–х т.* / Ред. В.Л. Тамбовцев. – СПб.: Экономическая школа. – Т. 1 XX+524 с., Т.2 X+454 с.

Полтерович В.М. 1999. Институциональные ловушки и экономические реформы. – *Экономика и математические методы.* – Т. 35. Вып. 2. – С. 3–20.

Сухарев М.В. 2004. Социальные антиинституты. – *Экономическая социология.* – № 5. – С. 63–73.

Тамбовцев В.Л. 2005. Институциональный рынок как механизм институциональных изменений. – *Постсоветский институционализм.* – Донецк: Каштан. – С. 162–184.

Уильямсон О.И. 1996. *Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация.* – СПб: Лениздат. – 702 с.

Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2017 № 652 «О внесении изменения в Указ Президента Российской Федерации от 5 мая 2014 г. № 300 "О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации"».

Федеральный закон от 06.12.2021 г. № 390–ФЗ.

Фуруботн Э.Г., Рихтер Р. 2005. *Институты и экономическая теория: Достижения новой институциональной экономической теории.* – СПб.: Изд. дом СПбГУ. – 702 с.

Шекли Р. 1968. Билет на планету Транай. – Шекли Р. *Рассказы, повести*. – М.: Молодая гвардия. – С. 163–210.

Энциклопедический социологический словарь. – М.: ИСПИ РАН, 1995. – 940 с.

Becker, Gary S. Crime and Punishment: An Economic Approach. – *The Journal of Political Economy.* – Volume 76. – Issue 2 (Mar. – Apr., 1968). – Pp. 169–217.

Bennis W.M., Medin D.L., Bartels D.M. The Costs and Benefits of Calculation and Moral Rules. – *Perspectives on Psychological Science*. – March 2010; vol. 5,2. – Pp. 187–202.

Broersen J., Cranefield, S. Elrakaiby, Y. Gabbay, D. Grossi, D. Lorini, E. Parent, X. van der Torre L.W.N., Tummolini L., Turrini P. and Schwarzentruber F. Normative Multi–Agent Systems. – *Dagstuhl Follow–Ups*. – Vol. 4.

Boyer P. 2012. The naturalness of (many) social institutions: evolved cognition as their foundation. – *Journal of Institutional Economics.* – V. 8. – I. 01. – Pp. 1–25.

City of Burien: Provision of Police Service Assessment. – BERK, Final Report August 5, 2011. – Link: http://www.burienwa.gov/DocumentCenter/Home/View/1785. – Verified: 10.03.2025.

DiMaggio P. 1997. Culture and cognition. – *Annual Review of Sociology.* – V. 23. – Pp. 263–287.

Decker S.H. 1980. The Effect of Police Characteristics on Alternative Measures of Police Output. – *Criminal Justice Review.* – 5 (2). – Pp. 34–40.

Hubin D.C. 1994. The Moral Justification of Benefit/Cost Analysis. – *Economics and Philosophy.* – N10. – Pp. 169–194.

Garoupa N., Klerman D.M. 2010. Corruption and Private Law Enforcement: Theory and History. – *Review of law and Economics.* – V.6:1. – Pp. 75– 96.

Mathis K. 2009. *Efficiency Instead of Justice? Searching for the Philosophical Foundations of the Economic Analysis of Law.* – Springer – 220 p.

Myers, B.J. *Contract Policing In Washington.* – Link: https://digital.lib.washington.edu/dspace/bitstream/handle/1773/20966/Myers%20Capstone.pdf. – Verified: 10.03.2025.

North D.C. *Economics and Cognitive Science.* – Washington University, St. Louis – Department of Economics. O20 Working Paper Series. – Link: http://www2.econ.iastate.edu/tesfatsi/North.EconCognition.pdf. – Verified: 10.03.2025.

Orr S.W. 2007. Values, preferences, and the citizen–consumer distinction in cost–benefit analysis. – *Politics Philosophy &Economics.* – V6. – N1. – Pp. 107–130.

Polinsky A.M., Shavell S. 2007. *The Theory of Public Enforcement of Law.* – Hand-book of Law and Economics. – Volume I. Elsevier. – Pp. 403 – 454.

Shapiro S.A., Schroeder C.H. 2008. Beyond Cost–Benefit Analysis: a Pragmatic Re–orientation. – *Harvard Environmental Law Review.* – V.32. – Is.2. – Pp. 433 – 502.

Skogan W.G. Efficiency and Effectiveness In Big–City Police Departments. – *Public Administration Review.* – Vol. 36. – No. 3. (May – Jun., 1976). – Pp. 278–286.

Scott H. Decker. 1980. The Effect of Police Characteristics on Alternative Measures of Police Output. – *Criminal Justice Review.* – V5. – Pp. 5–34.

Shavell S. 2002. Law versus Morality as Regulators of Conduct. – *American Law and Economics Review.* – V4. – N2. – Pp. 227–257.

Sperber D. 1999. *Explaining Culture: A Naturalistic Approach.* – Blackwell Publishing, Malden. – 175 p.

Stahl T. 2011. *Institutional Power, Collective Acceptance, and Recognition* // Ikäheimo, H., Laitinen, A., eds.: Recognition and Social Ontology, Leiden: Brill. – Pp. 349–372.

Sun R. 2012. Prolegomena to Cognitive Social Sciences. – *Grounding Social Sciences in Cognitive Sciences.* – Cambridge: MIT Press. – Pp. 3–32.

Sunstein C.R. 2000. Cognition and Cost-Benefit Analysis. – *The Journal of Legal Studies.* – Vol. 29. – No. S2. – Pp. 1059–1103.

Veljanovski C. 2007. *Economic Principles of Law.* – New York, Cambridge Universi-ty Press. – 282 p.

Weigel W. 2008. *Economics of Law: a Primer.* – NY, Routledge. – 214 p.

ТРАКТОВКИ ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ

И.А. Иванников
Сочинский филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Аннотация: *Государство является одним из сложнейших социальных институтов. На протяжении своей истории оно претерпело изменение, совершенствовалось, становилось все более оптимальным для развития свободы личности. Цель статьи – попытаться сформулировать наиболее оптимальное определение государства с учётом теории и практики. Дефиниция государства дана после краткого изложения подходов к определению этого явления, выявления его признаков. Государство представлено как исторически сложившаяся суверенная организация публичной политической власти общества, которая призвана защищать установленный правовой порядок, его ценности и регулировать экономические и иные социальные процессы в пределах государственной территории.*

Ключевые слова: *государство, государственная власть, подходы к определению государства, государственный суверенитет, государственная территория.*

Введение

Актуальность изучения понятия «государство» обусловлено факторами политических практик, лежащих в основе государственно-правового строительства, поиска оптимальных форм государства. Учение о государстве имеет давнюю историю. В европейской науке основоположником учения о государстве и первым теоретиком государства является древнегреческий мыслитель Платон. В его диалогах «Государство», «Политик» и «Законы» изложены патриархальная концепция возникновения государства и права, учение о формах государственного устройства, законодательства, взаимосвязи государства и права, рассуждения об идеальном государстве и т. д. Развитие теоретических знаний о государстве связано также с основателями религий Буддой, Конфуцием, Моисеем, Христосом, Магомедом и другими. Некоторые политические мыслители также внесли свой вклад в понимание государства и государственной власти. Знание государства позволяет гипотетически предсказать его прошлое и делать прогнозы о перспективах развития, определить его место в политической системе общества. В России XX века развитие государства находилось в зависимости от идеологии и методов осуществления политики субъектами государственной власти. После плюрализма мнений имперская и монархическая модель государства была насильственно заменена советской рес-

DOI: 10.18522/2949-0707.2025.1.3546

публикой с западной идеологией марксизма, которая изменялась под влиянием ленинско-сталинской-хрущевско-брежневской политики (1917–1985 гг.). В годы «перестройки» в России начались изменения взглядов на государство и его роль в обществе. Был совершён переход от формационного к цивилизационному подходу к понятию государства. В результате государственного переворота осенью 1993 года Советская республика была заменена президентской республикой с вестернизованной либерально-буржуазной идеологией.

Подходы к определению государства в политико-правовой науке

В истории политико-правовой мысли сложилось множество подходов к определению государства. Попытаемся выделить лишь основные.

Теологический – согласно которого, государство и государственная власть есть продукты божественного волеизъявления. Эта концепция потерпела поражение в России в конце 1917 года. Православие и другие религии перестали влиять на реализацию государственной власти. После внесения изменений в Конституцию Российской Федерации в 2020 году в части 2 статьи 67.1 исторические идеалы и вера в Бога получили определённое официальное закрепление.

Классический – согласно которому государство есть совокупность народа, территории и власти. Государство есть продукт общества. Аристотель понимал государство как форму общения граждан. Николо Макиавелли определял государство как организацию, имеющую власть, законодательство, а своей целью ставит достижение всеобщего блага. В немецкой классической юридической науке сложилось представление о государстве как союзе лиц, проживающем на определённой территории и подчинённого единой верховной власти. Стажируясь в Германии, русские юристы заимствовали этот подход, а поэтому и в русской юридической науке до 1917 г. особое внимание уделялось таким признакам государства, как народ, территория и власть.

Юридический, в котором государство представлено как правовая форма организации и функционирования государственной власти, которая определяет порядок использования силы, который регламентируется конституцией и другими законами государства;

Классовый (формационный), в соответствии с которым государство – это разделённое на классы политически организованное общество, пришедшее на смену родоплеменной организации власти, государственная организация общества имела ряд отличительных черт. Население стало объединяться и подразделяться по территориальному признаку, государственная власть стала осуществляться постоянно и не совпадала с населением. Государственная власть осуществляется особыми людьми (бюрократией), которые не занимаются производительным трудом. Государство возникает там и тогда, где происходит разделение общества на антагонистические классы и исчезнет (отомрёт) при исчезновении антагонистических классов при коммунизме. Государственная власть выражала интересы экономически господствующего меньшинства, которое официально выступало представителем всего народа, проживающего на территории государства. Субъекты государственной власти могут использовать органы принуждения, опираться на силу государственного аппарата. Налоги и сборы с населения так же отличают государство от власти догосударственной. Сборы (налоги) с населения необходимы для содержания государственных чиновников, армии, других государственных органов. На протяжении XX века классовый подход развивали неомарксисты Н. Пуланзаз, Р. Милибэнд, К. Оффе и другие [Михайловский 2022].

Нормативисткий, определяющий государство как систему норм, «нормативный порядок». Русские юристы XIX – начала XX века существенным признаком государства считали государственный порядок, который заключался в запрещении применения принуждения частными лицами, в монополизации принудительного властвования государством.

Социологический, исходя из которого, государство определяется как общественный союз людей с принудительно установленным мировым порядком посредством предоставления исключительного права принуждения только органам власти. По мнению немецкого социолога и юриста М. Вебера (1864–1920) насилие со времён родоплеменных отношений являлось нормальным средством осуществления власти. М. Вебер писал, что «государство есть то человеческое сообщество, которое внутри определённой области – «область» включается в признак! – претендует (с успехом) *на монополию легитимного физического насилия*... единственным источником «права» на насилие является государство» [Вебер 1990: 645]. Главными признаками государства являются легитимное насилие и власть. Власть связана с политикой, которая представляет «…стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей, которые они в себе включают» [Там же: 645–646]. Государство представляет «…отношение господства людей над людьми, опирающееся на легитимное (то есть считающимся легитимным) насилие как средство» [Там же: 646].

Цивилизационный подход к пониманию государства исходит от влияния на государство культуры, религии и демократических институтов, которые связаны с ценностями. В XXI веке культурные (цивилизованные) государства непременно являются социальными и правовыми. Ю.Н. Оборотов отмечал, что современное государство связано с преодолением эмпирического подхода в его понимании: «С выделением его трёх признаков – государственная территория, народ и власть». Современное государство служит общему благу и обеспечивает свободное развитие индивида [Оборотов 2011: 341]. Современное государство способствует «достижению общественного компромисса, разрешению социальных противоречий и конфликтов», сохранению личной свободы, которая является высшей политической ценностью «...в легитимном государстве» [Там же: 342]. Современное цивилизованное государство в эпоху глобализаций является противоположностью национального государства. После Второй Мировой войны, в мире было 50 государств, а на первое января 2025 года только в ООН состояло 193 государство, и ещё более пятидесяти были не представлены в этой организации. В условиях глобализации происходило развитие глокализации, то есть упразднения границ, стирания национальных различий, с сохранением свой культуры и особенностей. В первой четверти XXI века в Западной Европе, в государствах, входящих в НАТО, установлены НАТО-режимы, пишется НАТО-история. В Российской Федерации в последнее время популярно рассматривать государство с точки цивилизационного подхода. Утвержденная 31 марта 2023 года Указом Президента России «Концепции внешней политики Российской Федерации» исходит из того, что Россия есть государство-цивилизация[1]. Е.И. Колюшин отметил, что феномен «страна (государство) – цивилизация» ещё неизвестен теории конституционного (государственного) права [Колюшин 2024: 5]. Неизвестен этот термин и теории государства и права, где он должен быть разработан в первую очередь.

Кибернетический подход связан с развитием компьютеризации и характеризует государство как информационную систему (информационное государство). Органы государственной власти собирают и классифицируют информацию, принимают на её основе решения. Возникла новая система государственную управления образованием, здравоохранением и т. д. Одним из направлений развития кибернетики в государственном управлении является искусственный интеллект (оцифровка данных для государственных сервисов в ЗАГС, электронная подача налоговых деклараций в органы Федеральной налоговой службы, исковых заявлений в суды и др.).

Силовой подход в понимании государства делает акцент на его могущество. Государство и право есть продукт социальной силы. Ф. Фукуяма отмечал, что «построение сильного

[1] Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). – Доступно: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/ (дата обращения 1 января 2025 года).

государства заключается в создании новых правительственных учреждений и укреплении существующих» [Фукуяма 2007: 5]. К числу сильных Ф. Фукуяма относил тоталитарные государства XX века. Они были двух версий: право-политическая версия (до 1945 года Германии) и лево-политическая версия (рухнула в 1989 году после падения Берлинской войны) [Там же: 15–16]. Но самое главное то, что государство является организационно – производственной системой, которая способствует развитию народа, проживающего на его территории. Сербский социолог З. Милошевич отмечает, что в XXI веке реально суверенны только те государства, которые имеют ядерное оружие (обладают нуклеарным суверенитетом) [Милошевич 2009: 49].

Практическая значимость проблемы государства

Для граждан любого государственно-организованного общества важно, в каком государстве он живёт, каков его статус и как обеспечиваются его права, обязанности и юридическая ответственность. Существенные изменения в государствах происходят после конституционных реформ. В странах СНГ в 1990-е годы были приняты новые постсоветские конституции, которые закрепили принципы «либеральной демократии» [Масловская 2024: 3] и не подчёркивали связь с социалистическим прошлым. Конституционные реформы 2020–2024 годов в России, Кыргызстане, Беларуси, Узбекистане направлены на закрепление в Конституциях «национальной самобытности, подчёркивающей уникальность народа» [Там же: 8].

Пережив советское и постсоветское время, период модернизации и обретения суверенизации народ понял, что главнее всего наличие такой организации государственной власти, которая обеспечит социальную справедливость и правовой порядок на территории государства. Фактически, как отмечал Филипп Абрамс (1933–1981 гг.), часто оказывается, что «…государство – это не та реальность, которая скрывается за маской политической практики. … Государство возникает как структура внутри политической практики: она начинает свою жизнь как неявная конструкция…», которая потом приобретает свою форму [Abrams 1988: 82]. Ф. Фукуяма отмечал, что важно, чтобы чиновники служили «…государству, народу, обществу» [Авакьян 2016: 6], а «конституционно-правовая политика во всём должна состоять в выработке и осуществлении юридических идей стратегического характера, а также в обеспечении верховенства конституции и приоритета в конституционно-правовой сфере, в принятии или совершенствовании конституции и конституционного законодательства» [Хачатрян 2024: 36]. Однако это вряд ли возможно. Чиновник должен выбирать: служить народу или государственной власти. Не может быть неполитизированного конституционного права. Чего только можно добиться с большим трудом, так это доверия граждан к конституции, легитимной государственной власти. Больше всего под идеал такого государства попадают социально-правовое, социалистическое правовое государство, гуманное, нравственное государство или подобное им. Такое государство должно быть светским, то есть, не закрепляющее никакую религию в качестве официальной или государственной. У правового государства можно насчитать около 30 признаков.

Марксистскую теорию государства продолжили развивать в XX веке Антонио Грамши и греко-французский социолог Никос Пуланцас (1936–1979 гг.). Они стали авторами теории критического состояния государства. Н. Пуланцас выступал против догматизации марксистской теории. В XX веке вступление государства в ВТО, во Всемирный банк и МВФ, приводили к ограничению государственного суверенитета.

С. Регие отмечает, что произошёл отход от идущего от Г. Гегеля утверждения, что государство преследует цель всеобщего блага. В XXI веке «…молодые люди все более скептически относятся к государственной и партийной демократии и сомневаются, смогут ли они проводить политику, направленную на общее благо, и формировать общество в духе соли-

дарности» [Regier 2023: 263]. Более того, «государство продолжает оставаться центральным политическим институтом, усиливающим социальное неравенство» [Там же: 266]. Усиление роли и контролирующей роли спецслужб уменьшает демократию [Там же: 267]. Теория государства, идеология государственной власти, закреплённая в основах конституционного строя и практика осуществления государственной власти находятся в противоречии.

Признаки государства

В настоящее время учение о признаках государства пополнилось новыми знаниями. Все признаки государства можно классифицировать на основные и неосновные, или факультативные. В свою очередь **основные признаки** государства необходимо подразделять на первичные и вторичные. Первичные основные признаки государства – это такие, без которых оно немыслимо: народ, который ведет оседлый образ жизни, государственная власть, государственная территория, государственный суверенитет, духовное единство населения.

1. *Народ,* который ведёт оседлый образ жизни населения в рамках определённых границ. Оседлый образ жизни позволяет развивать производство, создавать условия для нормальной жизнедеятельности. Основу государства образует его народ. Народ можно определить как совокупность людей, живущих в пределах территории конкретного государства. С развитием государства возникает институт гражданства. Каждое современное государство – это союз граждан или подданных, которые находятся в политико-правовой связи со своим государством. Позднее возникает такой общественный институт, как гражданство или подданство (в монархиях).

2. *Государственная власть* – это разновидность социальной власти, представляющей руководство делами всего общества с помощью государственного аппарата и его материальных придатков. Государственная власть в отличие от власти родового общества с населением непосредственно уже не совпадает. Хотя жизнь родового строя также регулировалась публичной (общественной) властью, но эта власть сосредоточивала силы всех членов первобытного общества для достижения единых целей. Но там ещё не было особого слоя людей, которые специально занимались бы только управлением. Эта категория лиц могла появиться только в условиях общественного разделения труда. Функции управления общественными делами перешли со временем к привилегированной касте управителей из среды экономически господствующей части населения. Государственная публичная власть становится таковой тогда, когда сословие профессиональных управителей консолидируется в государственных учреждениях, органах, которые обеспечивают возможность систематического применения принуждения. Такими органами явились армия, администрация, полиция, суд и др. Механизм государства (государственные органы, государственные учреждения, государственные служащие) – это главный компонент государственной власти. Государство стало возвышаться над обществом. Осуществляя управление обществом, оно стало координировать взаимоотношения между различными его частями. Что касается Советской России (СССР), то после 1985 года верховная власть постепенно утратила контроль и способность руководить населением на части территории государства. Это в полной мере не достигнуто в настоящее время даже и на части бывшего СССР – на территории Российской Федерации.

3. *Государственная территория*. Территория государства – это часть земного шара, представляющая собой внутреннее пространство, ограниченное сухопутной, водной и воздушной границами, а также недра до технически доступной глубины, на которые распространяется суверенитет государственной власти. В процессе возникновения государств, внутри самого государства происходило со временем разделение его населения по административно-территориальным единицам, складывались территориальная структура, аппараты публичной власти, т. е. возникали не только центральные, но и местные её органы. Итак, территориальное разделение населения, начавшееся в процессе общественного разделения труда,

заканчивается административно-территориальным делением внутри самого государства. Государственная территориальная целостность – это признак устойчивого суверенного государства, суверенной политической власти. Обеспечение территориальной целостности требует в критические ситуации мобилизации всех сил государства. Территориальная безопасность обеспечивается государством через реализацию его внешних функций. Государственные территории и географические территории проживания народа часто не совпадают.

4. *Государственный суверенитет*. Понятие «государственный суверенитет», т. е. верховенство власти государства внутри страны и независимость ее вовне (в пределах соблюдения суверенных прав других государств и общепризнанных норм международного права), появилось в конце средних веков при отделении государства от церкви. Верховенство государственной власти внутри страны заключается в том, что её властная сила распространяется на все население и общественные организации страны, в её прерогативе (государственная власть может отменить, признать ничтожным любое проявление всякой другой общественной власти), в наличии у неё таких средств воздействия, которыми никакая другая общественная власть не располагает. И последнее, верховная государственная власть внутри страны непосредственно осуществляет властные веления по таким каналам, которые другим общественным властям обычно недоступны (законодательство, государственное управление и т. д.). Наиболее важные права государства закрепляются в конституции. Это вопросы, подлежащие ведению высших органов государственной власти и управления. Советская правовая теория никогда не признавала какое-либо верховенство национального или международного права в отношении друг друга, что соответствует теории государственного суверенитета. Вступление государств в различные международные организации приводит к уменьшению их суверенитета, так как они должны подчиняться нормам этих международных организаций.

5. *Духовное единство народа* или всеобщий интерес. И.А. Ильин считал, что государство невозможно, если нет общего интереса. Это, по его мнению, есть усовершенствование совместной жизни посредством установления и поддержания справедливого правопорядка [Ильин 1994: 112]. Государство, в его духовной сущности, есть не что иное, как родина, оформленная и объединённая публичным правом, или иначе: множество людей, связанных общностью духовной судьбы, и сложившихся в единство на почве духовной культуры и правосознания [Ильин 1996: 234]. Политика «национального самосознания» во второй половине 1980-х годов привела к обострению межнациональных отношений в 1990-х гг., последствия которых являются вооружённые конфликты на геополитическом пространстве бывшего СССР. Духовное единство невозможно без общего образования и воспитания, общих государственно-правовых ценностей, государственного языка (возможно и нескольких языков). Нужно больше писать о былой славе и бедствиях в истории страны и ее народа, о ее великих учёных, политиках, военачальниках и др. Может ли объединяющую роль выполнить религия в многоконфессиональном и многонациональном государстве? Политолог В.П. Макаренко отмечал: «В современном обществе переплелись религиозный праздник и война, ибо в обоих случаях отменяется запрет кровосмесительства и убийства. Война стала клапаном безопасности государственной машины и заняла место религиозного праздника. Идея справедливого Бога в иудаизме и христианстве оправдывает войну, снимая ответственность с инициаторов и исполнителей войны и соединяя силу и право. Возникает проблема отбрасывания всех (религиозных и светских) попыток придать войне законное и легитимное обоснование. Христианский концепт духовной борьбы стимулировал внутренние религиозные войны с инаковерующими, которым приписывался статус «еретиков»» [Макаренко 2022: 9]. Ответ очевиден. Только светское государство способно наиболее прочно консолидировать общество.

Основные вторичные признаки государства

Вторичные признаки государства исходят от первичных, в основном от государственной власти. К их числу следует отнести:

1. *Монополию на легитимное физическое насилие*. Этот признак означает, что право на физическое насилие над людьми принадлежит только государству и не может принадлежать каким-либо иным социальным объединениям или отдельным лицам. В любых социальных объединениях есть соотношение господства одних людей над другими, но легитимное насилие как средство принадлежит только государству. Признак получил обоснование в работах М. Вебера.

2. *Монополию на сбор налогов*. Государству принадлежит монополия на легальный сбор налогов. Объем налогов зависит от уровня развития экономики. Древнее общество не знало налогов с населения, которые становятся возможными лишь в условиях возникновения частной собственности. Налоги отличают государство не только от родовой организации, но и от политических и иных объединений индивидов классового общества. Первый период охватывает государственное хозяйство древнего мира и средних веков. Он отличается неразвитостью и случайным характером налогов. Второй период XVI–XVIII вв., когда денежный строй хозяйства вытеснил натуральный, возросли расходы государства, характеризуется тем, что к концу XVIII в. правила налогообложения оформляются в правовые рамки, а налоги приобретают признак системности. Третий период в истории налогов начинается в XIX в., отличается большим их разнообразием. Формы налогов становятся более определёнными, нормы права более чёткими. Учреждаемые государством налоги стали взыскиваться с населения в принудительном порядке, как правило, в заранее установленных размерах и в заранее установленные сроки.

Налог – это обязательный безвозмездный платеж, взимаемый с организаций и физических лиц в форме отчуждения, принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств, в целях финансового обеспечения деятельности механизма государства и иных властных структур на его территории. Другая форма привлечения средств в государственный бюджет – займы. Они увеличивают государственные долги и неизбежно ведут к росту налогового обложения населения.

3. *Монополия на правотворчество (законотворчество и иное правотворчество).* Законы издаются государством и служат главным образом средством для достижения его целей. Хотя Ф. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» прямо не указывал на законодательство как на один из признаков государства, однако весь ход его рассуждений не противоречит тому, чтобы этот признак считать атрибутом государства. И в этом есть смысл, так как при наличии государства, но при отсутствии письменности право не могло возникнуть вместе с государством. Оно появилось позже и первоначально в устной форме. Поскольку в любом классово развитом обществе законодательство – основная форма бытия права, постольку и право в данном контексте можно рассматривать в качестве одного из признаков государства. Но право при этом обладает относительной самостоятельностью. Конечно, государство может, это подтверждают примеры из истории, осуществлять свою деятельность и не в правовых формах. Но эти не правовые формы больше являются исключением, чем правилом. В деятельности государства это исключение превращается в правило лишь в условиях кризиса политической власти и гражданской войны. С помощью права государство получает своё официальное оформление и закрепление. Право является инструментом государственной власти в регулировании общественных отношений.

4. *Безопасность государства*. Любое государство существует в условиях наличия или отсутствия угрожающей ему опасности. Этот показатель является условием существования и развития государства. Стремление человеческого общества к безопасности также способствует возникновению государства, целью которого является безопасность народа. Обеспе-

чение безопасности предполагает активную деятельность государства по недопущению вредных для населения и природы страны воздействий извне. Безопасность государства – это многогранное понятие, предполагающее территориальную целостность, политико-правовую, социально-экономическую, экологическую и культурную его устойчивость, отсутствие опасности с его стороны для населения страны и других государств. Можно выделить несколько форм безопасности государства (политико-правовую, социально-экономическую, экологическую, культурную и другие). Политико-правовая безопасность предполагает недопущение насильственного изменения правового статуса государственной территории (оккупация, государственный переворот и др.), аннексии и др. Правовая безопасность предполагает защиту правовой системы страны от нарушений как извне, так и внутри со стороны деструктивных элементов.

Социально-экономическая безопасность – недопущение превращения территории страны в сырьевой и энергетический придаток других стран либо в рынок сбыта низкосортной продукции. Огромным достижением политической элиты Советской России было то, что она смогла создать в стране самодостаточную экономику. В настоящее время экономической безопасности угрожает организованная преступность, контролирующая многие рынки, банки, предприятия. Экологическая безопасность территории государства – предотвращение загрязнения окружающей среды (воды, воздуха), обеспечение настоящего и будущего благополучия граждан. Вряд ли можно считать гуманными и справедливыми многие законодательные акты, принятые Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации в начале XXI века. Например, ФЗ РФ «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 N 7-ФЗ в части 4 статье 48 4. «Ввоз в Российскую Федерацию из иностранных государств облучённых тепловыделяющих сборок ядерных реакторов для осуществления временного технологического хранения и (или) их переработки разрешается в случае, если проведены государственная экологическая экспертиза и иные государственные экспертизы… Ввоз в Российскую Федерацию облучённых тепловыделяющих сборок ядерных реакторов осуществляется на основе международных договоров Российской Федерации». Культурная безопасность государства предполагает недопущение навязывания чуждых народу ценностей и образа жизни.

Факультативные (не основные) признаки государства

К неосновным (факультативным) признакам государства следует отнести те, без которых оно может существовать, но современное государство без них не мыслимо.

Государственный язык. Язык является основанием для выделения социальных общностей, инструментом общения, ключ к доступу к культуре, а языковое право есть часть культурных прав человека. По всему земному шару со времён колонизации распространены европейские языки. Признание языков приводит к наделению правами его носителей. Для сохранения целостности государства, единства населения, проживающего на определённой территории, хотя бы один язык должен иметь статус государственного. Его ещё называют официальным языком. Это язык, который используется в законотворчестве и официальном делопроизводстве, судопроизводстве, обучении, в армии и т. д. Их может быть два, три и более, но чаще всего в конституциях закрепляется один государственный язык. В ряде государств различаются понятия официальный и государственный язык. Например, в Швейцарии, по конституции, официальными языками являются немецкий, французский, итальянский, а государственными языками – немецкий, французский, итальянский и ретороманский. Исключение составляет лишь Бельгия, где провозглашена свобода употребления языков. В Конституции ЮАР названо 11 официальных языков. Насильственная языковая политика может привести к гражданской войне и развалу государства. Попытка навязать сербохорват-

ский язык всем гражданам Югославии при Иосипе Броз Тито была из одной из причин, которая способствовала развалу государства.

Государственная символика (знаки). Государственная символика устанавливается конституцией или специальными законами страны. Государственная символика, как правило, учитывает историю, природу государства, олицетворяют его суверенитет, самобытность, идеологию. Примерами государственных символов являются государственный флаг, государственный герб, государственный гимн, государственная печать и др. В России с конца 1991 г. и до декабря 2000 г. не было даже закона о государственных символах. «Символы, памятные даты и атрибуты идентифицируют в формально-юридическом смысле каждое отдельно взятое государство, подчёркивают его самостоятельность в осуществлении своей внутренней и внешней политики, указывают на наличие у него суверенитета» [Марченко 2007: 173].

Наличие национальной валюты (денег), которые эмитируются государством (государственным или центральным банком) для использования в первую очередь на его территории для расчетов и платежей. Возможно использование национальной валюты и во внешнеэкономических и международных расчетах с другими государствами. Страны-члены Европейского Сообщества, введя евро фактически во многом приблизили свою конфедерацию к федерации.

*Признание государства (*его международной правосубъектности) *другими государствами, международными организациями, международным сообществом* государств. В современном мире, в том числе и на геополитическом пространстве бывшего СССР, появилось много территориальных образований, которые фактически являлись суверенными государствами, но не получили международного признания (до 2008 года Абхазия и Южная Осетия, Нагорный Карабах (Арцах) до осени 2020 года, Приднестровская Молдавская республика, и др.). В 1994 году в Абхазии была принята Конституция, а в 1999 году проведён референдум, на основании которого была провозглашена независимость республики. Однако ни Абхазия, ни Южная Осетия не признавались Россией в годы правления Б. Ельцина. Более того, республики находились в экономической блокаде. Такая политика России продолжалась до прихода к власти В.В. Путина. Много проблем в мире вызвало состоявшееся 19 февраля 2008 года провозглашение парламентом Косова своей независимости от Сербии и признание суверенитета этого нового государства США и его сателлитами в мире, что составило 101 государство. Это, не основанное на нормах международного права и даже противоречащее им признание, повлекло за собой проявление нигилизма в поведении целых наций и народов, власти которых пожелают независимости. Безусловно данный факт будет иметь свои последствия. По своему беззаконию он напоминал процесс развала СССР и СФРЮ. В марте 2008 года Государственная Дума России приняла постановление, в одном из пунктов которого было записано: «Рекомендовать Правительству РФ приступить к процедуре признания Южной Осетии и Абхазии в случае, если Грузия прибегнет к силовому решению конфликтов». 26 августа 2008 года Президент России Д.А. Медведев объявил о признании Российской Федерацией независимости Южной Осетии и Абхазии. С 26 августа 2008 года началась новая эпоха в истории Абхазии и Южной Осетии. Вслед за Россией 3 сентября независимость Абхазии и Южной Осетии признала Никарагуа. Обратного процесса признанию независимости Абхазии и Южной Осетии не будет. Абхазия не предусматривала вхождение в состав России, ссылаясь на референдум 1999 года, когда народ республики проголосовал за независимость своего государства. Быть полностью независимыми маленькие Абхазия и Южная Осетия не смогли бы. Это понимали все. Поэтому руководство Абхазии и Южной Осетии приняли решение заключить договор с Россией о создании на территории этих стран российских военных баз.

Итак, современное государство должно соответствовать всем вышеназванным признакам. Отсутствие хотя бы одного из них ведёт к его непризнанию в качестве субъекта между-

народного право, или оно фактически будет являться зависимым от МВФ, других международных организаций или государств. Современная Россия во многом ещё не реализовала все признаки суверенного, заботящегося о своей безопасности государства, средства массовой информации которого не защищают исторически сложившиеся духовные ценности русского народа.

Понятие государства

Понятия государство и государственность не тождественны. Думается, что институты государственности появлялись не все сразу и способствовали формированию государства. При определении государства важно уяснить, что понятия «страна» и «государство» не являются тождественными. Страна – это географическое понятие, а государство – политическое, связанное с суверенной государственной властью. Многие государства в конце XX – первой четверти XXI века лишились своего суверенитета в следствии оккупации или в результате различного рода протестных акций замены суверенных правительств на марионеточные, но при этом оккупации не объявляются и юридически не оформляются.

Ю.Н. Оборотов отметил, что «государство выступает как суверенный институт, отвечающий за целостность территории, контролирующий вооружённые силы, способный изымать достаточные финансовые средства для содержания должностных лиц и обладающий правом принимать общезначимые властные решения». В процессе управления населением государство в современный период «...становится средством общественного компромисса» [Оборотов 2011: 347].

Сущностным аспектом государства является суверенная государственная власть. В силу этого все учения о государстве и его реформировании начинаются с государственной власти. М.В. Емельянов отмечал, что важнейшим признаком публичной власти, отличающий её от семейной и корпоративной власти, является связь с территорией [Емельянов 2019: 16]. Он критиковал систему разделения властей, считая, что есть единый центр верховной государственной власти, который решает стратегические задачи, заботится о сохранении суверенитета и контроля над ресурсами жизнеобеспечения. М.В. Емельянов отметил, что «…верховная власть не должна выбираться и должна формироваться преимущественно элитой» [Там же: 56]. Понимать государство необходимо, отмечает С.А. Калинин, как исторический феномен и теоретический концепт [Калинин 2022: 73].

В самом современном издании дано определение государства как особой суверенной организации политической власти, которая содействует «…преимущественному осуществлению конкретных классовых, общечеловеческих, религиозных, национальных и других интересов в пределах определённой территории» [Основы российской государственности: словарь-справочник… 2024: 29]. Акцент на национальный, расовый и религиозный аспекты свойственны далеко не всем государствам, а в большей степени недемократическим, не светским. Классовый аспект не потерял свою значимость, но обусловлен национальным и иными факторами.

Типы государства рассматривать можно и как образы. С точки зрения формационного подхода выделяли эксплуататорские и неэксплуататорские (социалистические) государства, которое со временем перерастает в общенародное государство (как было в СССР). Положительный образ государства характеризует его как миролюбивое, дружественное, легитимное, гуманное государство, моральное государство. Формированию положительного образа государства мешает расслоение общества на богатых и бедных, на граждан с различными цивилизационными ценностями. Это приводит к созданию разных образов государства [Иванников 2024].

Положительный образ современные государства соответствует представлениям о легитимной государственной власти, которая пользуется поддержкой народа и контролируется обществом. Это государство не рассматриваются как национальные.

В период глобализации начался процесс глокализации (исчезновение различий между регионами, упразднение границ и стирание национальных различий) общества и государства. Однако, идея глокализации, как и идеи мультикультурности и толерантности, потерпела крах из-за сильных религиозных, родоплеменных, националистических, сепаратистских и иных настроений некоторых народов.

Транснациональные корпорации, негосударственные организации, мобильность населения, самоопределение нации разрушают государства. Второе десятилетие XXI века продемонстрировало кризис теории глокализации. Вопрос о государственном суверенитете приобрёл ценность.

Прав А.Д. Кривенков, который отмечает, что с точки зрения узкого методологического подхода при определении понятия «государство», когда ограничиваются рассмотрением этого явления только как организованной структуры публичной власти, нельзя раскрыть его сущность. Необходимо демонстрировать его признаки как высокоорганизованной структуры, оказывающей влияние на экономические, политические, культурные и иные аспекты жизни на своей территории. В его понимании государство – «…это высокоорганизованная, суверенная, политико-территориальная организация, обладающая публичной властью, осуществляющей управление и регулирование многих аспектов общественной жизни как внутри территории государства, так и за ее пределами» [Кривенков 2023: 141]. Видимо за пределами территории государства смогут осуществлять управление многими аспектами далеко не все государства. Практика показывает, что многие демократические государства не могут обеспечить безопасность личности и социума на своей территории и эффективно решать другие проблемы. На основе указанных признаков можно сформулировать следующее определение государства, которое может изменяться с появлением новых признаков.

Государство **– это исторически сложившаяся, обусловленная природно-климатическими и антропогенными факторами, уникальная суверенная организация публичной политической власти общества, призванная обеспечить правопорядок, производство, распределение и обмен материальных благ в пределах государственной территории, защищающая ценности данного общества и официально представляющая весь народ в системе международных отношений**.

Авакьян С.А. 2016. Некоторые мысли о состоянии и перспективах конституционно-политического развития России. – *Вестник Московского университета.* – Серия 11. – Право. – № 1.

Вебер М. 1990. Политика как призвание и профессия. – *Вебер М. Избранные произведения.* – М.:«Прогресс». – 645 с.

Емельянов М.В. 2019. *Тектоника власти.* – М.: Издательство «Весь мир». – 256 с.

Иванников И.А. 2024. Апробация российских мировоззренческих ценностей на международных научных конференциях: вопросы теории и практики. – *Материалы международной научно-практической конференции «Перспективы продвижения российской модели мировоззренческих ценностей в зарубежной социокультурной среде в условиях информационной безопасности» (Екатеринбург, 12 апреля 2024 года).* – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева. – С. 77–81.

Иванников И.А. 2018. *Теория государства и права: современные проблемы: учебник/ И.А. Иванников* ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета. – 356 с.

Ильин И.А. 1994. Общее учение о праве и государстве. – *Собр. соч. в 10 т.* – Т. 4.М.

Ильин И.А. 1996. Путь духовного обновления. – *Собр. Соч. в 10 т.* – Т. 1. – М.

Калдор, М. 2015. *Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху* / Пер. с англ. А. Апполонова, М. Дондуковского; ред. перевода А. Смирнов, В. Софронов. – М.: Изд-во Института Гайдара. – 416 с.

Калинин С.А. 2022. Об исходных детерминантах (презумпциях) при изучении закономерностей государства и права. – *Закономерности развития государства и права в контексте современного правопонимания: материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 100-летию ... С.Г. Дробязко.* – Минск: БГУ. – С. 71–75.

Колюшин, Е.И. 2024. Страна – цивилизация и русский мир: конституционно-правовые вопросы. – *Конституционное и муниципальное право*. – № 9. – С. 4-10.

Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). – Доступно: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/. – Проверено: 01.01.2025.

Кривенков А.Д. 2023. Государство в современных политико-правовых учениях. – *Проблемы развития предприятий: теория и практика.* – № 1-3. – С.139-142.

Макаренко В.П. 2022. Фрагменты контридеологической аналитики. – *Политическая концептология.* – № 1. – С. 6-25.

Марченко М. Н. 2007. *Проблемы общей теории государства и права (государство).* – Учебник в 2 томах. – Т. 1. – М.

Масловская Т.С. 2024. Конституционная модернизация в странах СНГ: современные тенденции. – *Конституционное и муниципальное право.* – № 10. – С. 2–10.

Милошевич З. 2009. «Путинизм» – современная идеология Российской Федерации. – *Вестник Череповецкого государственного университета.* – № 15. – С. 49–54.

Михайловский В.С. 2022. Сущность государства в неомарксистский традиции. – *Закономерности развития государства и права в контексте современного правопонимания: материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 100-летию ... С.Г. Дробязко.* – Минск: БГУ. – С. 143–147.

Оборотов Ю.Н. 2011. Статика и динамика государства. – *Общетеоретическая юриспруденция*. Под ред. Ю.Н. Оборотова. – Одесса: Фенікс. – С. 340–421.

Основы российской государственности: словарь-справочник: справочное издание / коллектив авторов; под ред. А.В. Малько. – Москва: КНОРУС. – 2024. – 224 с.

Ролз Дж. 2010. Право народов. – *Вопросы философии.* – № 9. – С. 79–105.

Фукуяма Ф. 2007. *Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке.* – Москва, АСТ.

Хачатрян А.Г. 2024. Некоторые вопросы конституционно-правового развития государства в условиях современных реалий: реформы или контрреформы? – *Конституционное и муниципальное право.* – № 10.

Abrams Philip. P 1988. Notes on the Difficulty of Studying the State. – *Journal offfistorical Sociology.* – Vol. 1 – No. 1. – Pp. 58–82.

Regier S. 2023. *Den Staat aus der Gesellschaft denken: Ein kritischer Ansatz der Politischen Bildung.* – Bielefeld. – 299 p.

Живое прошлое

ОТТЕПЕЛЬ – ЗАСТОЙ – ВОСКРЕСЕНИЕ – ЗАМОРОЗКИ

С.С. Неретина
Институт философии РАН

Аннотация: *В этой работе размышления о второй половине XX в. и первых двух десятилетиях XXI в. представлены через призму авторских воспоминаний, постольку и поскольку автор был участником описываемого времени. Сказанное стоит соотнести с книгой «Философские одиночества», статьями «Время переломов» (Политическая концептология. – 2023. – № 1) и «Инакомыслящие» (Философские поколения. – М., 2022). Размышления касаются прежде всего проблем отношения к прошлому, изменения и буксования сознания. Задача современности – соотнесение мысли и действия с утраченными в археологическом смысле эпохами и надвигающимся новым, чему мы приписываем свои и унаследованные обычаи, знаки и символы, не зная их собственного значения. Осмысление этих проблем требует различения уровней активности: мгновенной реакции и незаметно происходящей смены образа мысли. Настоятельная потребность в такого рода различениях – знак глубокого общественного кризиса, нуждающегося в критической мысли.*

Ключевые слова: *оттепель, кризис, диссидентство, аутсайдерство, реакция, застой, революция, война, реабилитация, поколение.*

Работа памяти, или что называть поколением

Повторю то, что уже писала в книге «Философские поколения» (М., 2022): людям нашего поколения или поколения, рядом и одновременно с которым мы жили, ставят мемориальные доски. 9 декабря 2016 года в городе Симферополе на доме, где родился и вырос М.Я. Гефтер, была установлена мемориальная доска и проведена первая международная конференция «Гефтеровские чтения», приуроченная к 75-летней годовщине со дня расстрела крымчаков и евреев, среди которых были его мать и бабушка.

За 3 года, прошедших после выхода книги, сумели – стараниями в основном К.В. Павлова – открыть в Бежецке памятную доску В.В. Бибихину, долгое время работавшему в Институте философии РАН

За это же время проводилось множество конференций, семинаров и круглых столов, посвященных и этим и другим достойным людям. Правда, есть «но». Состав конференций, семинаров, круглых столов практически не меняется. На состоявшемся в 2024 г. круглом столе, посвященном памяти Бибихина, одна из участниц спросила: почему в обсуждении не участвуют ученые, занятые исследованиями отечественной философии? Нет ответа. Один из участников готовящегося круглого стола, посвященного Гефтеру, почитав его работы, спро-

DOI: 10.18522/2949-0707.2025.1.4786

сил, изумившись, почему о нем не пишут отечественные историки. Нет ответа. Я могу повторить слова С.В. Ивановой, сказанной ею в рецензии на «Оттепель. События» С.И. Чупринина, что об оттепели мало слышно и хотелось бы, чтобы ее изучали миллионы. Но и здесь решающим словом остается «хотелось бы». Заметны или полная негация прежнего времени, или усталость от его постоянного напоминания. Ведь в общем и написано много, и осмыслено ярко и определенно, особенно в конце 1980-х – 1990-х гг. Но – скажу нечто для меня совершенно страшное – это остается или становится не связанной со знанием *информацией*, тем многознанием, от которого остерегали мудрые и которое никак не связано с той живой жизнью, которую мы проживаем.

Это ведет к тому, что идейная атмосфера советского периода, даже осмысленная некоторыми (многими), но отдельно взятыми людьми, по-прежнему остается всеобщей идеологической схемой жизни. Это означает разрыв реальности: от нее откалывается понимающая ее часть, оставляя пустые кажущиеся рациональными слова, наполняемые каким-угодно смыслом, и привычно-бессознательное следование «потоку сознания». Понимание этого разрыва означает, что произошла мифологизация этого советского периода, усиленная попытками развенчания «культа личности» Сталина, чему противопоставлялась правильная и честная когорта искорененных революционеров. Но это значит, что демифологизация вновь ставит на повестку дня анализ того, что представляет поколение, к которому я принадлежу – родившееся на кромке войны 1941–1945 гг. и прожившее четверть XXI в., то множество событий, сохранившихся в памяти, и эмоциональных состояний, сопровождавших интеллектуальные помыслы и их исполнение/неисполнение. Традиция объяснения происшедшего не оборвана, ее скрепы, каким-то образом понимаемые множеством и представленные *абсолютными,* требуют своего внятного объяснения, хотя не исключено, что при объяснении вновь, как в короткую оттепель, обнаружатся одни фантомы. Однако надо же как-то способствовать возникновению просто желания понять, чем и как живо было время, обосновавшее и наше.

Вопрос в том, способна ли я – свидетель определенных событий – адекватно представить их дух, рассказывая о них людям, в том числе молодым, которые ничего этого не видели и не могут представить себе масштаба каких-то действий, например, репрессивного аппарата. Ведь я могу из-за плохого, к примеру, владения языком, из-за неумения выделить главное, сообщая много попутных сведений, не соответствующих психологическому темпераменту собеседника, сделать рассказ… немым. Надежда лишь на то, что воспоминание – это волевой акт, а следовательно – живой. Он способен вызвать тоже живой акт мышления и привести в действие понимание связей события

Не случайно, что проблема поколений встала во время пандемии, во время вируса, когда sub specie mortis потребовалось вникнуть в то, что философам вроде Ж. Делеза стало очевидным давно. Смерть – критическая фаза жизни, а кризис всегда заставлял разбирать старое и новое, присутствие и отсутствие и не подлежащее времени.

Да и что считать поколением? Не отведенные же ему примерно 20 лет социологами? И не люди же, живущие «в одну историческую эпоху», ибо что считать *одной* исторической эпохой? Археологи по *опыту* знают, что в одном и том же раскопе могут соседствовать разные временные слои.

Х. Ортега и Гассет предлагает называть одним поколением только сверстников. По терминологии В.Б. Шкловского, поколение двоится на синхронистов – случайных спутников определенного времени, и современников – тех, кто живет в свое время. А для Б. Кроче сама современность – «внутренняя составляющая» всей истории, связанной с жизнью «отношением единства» и не абстрактного, а синтетического тождества [Кроче 1999: 176].

Б.В. Дубин считает точкой отсчета поколение моложе 30 лет, олицетворяющее переход от дня нынешнего к дню грядущему, что мало чем отличается – опять же – от средневеково-

го представления о тридцатилетнем Адаме, возраст которого равно отстоит как от жизни, так и от смерти. Дубин определяет такое поколение, «как форму (тип) социальной связи и фокус символической солидарности» [Дубин 2002: 12]. Эту меру простого и общепонятного социального сопоставления он, по-левадовски, считает искусственной конструкцией, в которых взаимопонятны социальные сходства и различия (ориентация, отношение к власти, к культурным предпочтениям, религиям).

Проблема начала – насущнейшая, к которой неизвестно, как подступиться и что принять за начало. Деконструкция и деструкция (воспользуемся этими наработанными терминами) здесь неизбежны, поскольку связаны с самой возможностью мгновенно изменить любое пространство (где могло уместиться 2 человека, теперь 1, при этом четко обозначена граница, где «ходить можно» и где «воспрещается»), в том числе сознание. Можно, помимо того, задаться вопросом, какие правила должны быть в мире, где живет множество людей – красивых и безобразных, социально адаптированных или отчужденных, не становится ли вера в возможность "голого биологического существования", общим топосом которого становится лагерь (для беженцев, детские лагеря, военные, даже туристические) «своего рода религией, востребованной не церковью, а наукой, которая также способна «порождать предрассудки и страх» [Агамбен 2020].

При таком положении термин «поколение», по-прежнему сохраняя метафорический характер (это хорошо показано в «Generation "П"» у В.О. Пелевина), одновременно вновь приобрел и четко возрастной параметр: 65+ жестко без испрашивания на это согласия было заперто в домах, да и остальные, иногда бесконтрольно, ограничены в передвижениях. Меры защиты воспринимались как меры ущемления прав человека. Единственное, что остается в неприкосновенности, это идеология, которая ссохлась до одного деления: *демократы и прочие* (почти по А. Платонову).

Меня всегда удивляло, что со времен Аристотеля мы перечисляем одни и те же способы и типы властвования. Не говорит ли и это о том, что в целом человечество со всеми поколениями, вместе взятыми, консервативно, а то, что принимается за революции, – на деле тяжкое, насильственное спрямление то и дело искривляющегося движения? Сменяются поколения, оставшиеся и народившиеся из обрывков их мыслей и идей (подлинных мотивов их возникновения уже не узнать), сдобренных собственными комментаторскими или новаторскими, творческими интеллектуальными усилиями, создаются мифологии или рациональные системы, представленные как существенный фактор общечеловеческого развития.

Таким образом, говорить о поколении не трудно, а почти невозможно, ибо в каждом возрасте, равно и в индивиде, как в матрешке, собран мир, собрано все. Это чисто концептуалистское утверждение дает мне право говорить о моем поколении или окружении как о двух (трех, четырех) в одном, не говоря уже о бесконечных делениях внутри такого поколения, ибо наряду с людьми, освободившимися или освобождающимися от пут идеологии, были те, кто ее, идеологию, не только поддерживал, но с исступлением преследовал освободившихся или освобождающихся от нее.

1950-е – 1990-е годы – это откровенная сшибка двух (минимум) групп внутри одного поколения. Когда сейчас говорят: лишь пенсионеры голосуют за Ленина-Сталина, за все самое анахроничное, это значит: не делать даже попытки понять смысл и суть происходившего и происходящего в ныне живущих людях. Это такая же неразборчивость в выражениях, в понимании, какая и прежде была у руководителей партии и советского правительства. Но это значит и то, что новые тридцатилетние с нами пытаются распрощаться, даже не узнав нас. Разрыв с традицией в нас сильнее, чем связь с нею. Не исключено, что ее поэтому пытаются восстановить любыми средствами, не зная, впрочем, что именно и как восстанавливать.

Ностальгии.net

Я застала реально семь стадий жизни нашего общества: поздневоенно-послевоенно-сталинскую, оттепели, застоя, перестройки, 1990-х и напоказ-воинственно маскарадную, гибридную нынешнюю. Каждое время имеет свой цвет.

У первого цвет старых фотографий – с нарисованным фоном, с какими-то жардиньерками для красоты, вазонами, позирующими людьми. Эти вазоны и жардиньерки – украшение нашей бывшей, не совсем красивой, а часто и совсем некрасивой жизни. Даже когда мой отец вернулся с фронта, мне показалось, что он стоял в дверях в черной форме, чего быть не могло. Деревянный дом с четырьмя подпорками безо всяких удобств и рядом другие деревянные дома. В окне одного из них всегда стоял Шурка-сумасшедший, вернувшийся с фронта навеки «тронутым». Девушки в беретках вели за веревки аэростаты. Дровяной склад, перегородивший переулок. Кирпичный дом в переулке, один-единственный среди мещанских деревянных с геранями на подоконниках, в подъезде которого на верхней балке торчал кусок обрезанной веревки, на которой повесилась женщина: к ней не вернулся с войны муж, потому что там завел себе другую. Игры в штандор, казаки-разбойники, двенадцать палочек, салки, классики, беговую и круговую лапту, расшибалочку, прыгалки, ножички, которые метали внутрь нарисованного и нарезаемого на секторы круга и мальчики, и девочки на голой дворовой земле без травы. Мячик об стенку, если на улице, или о дверцу гардероба, если дома. Мать ходила на Бутырский или Тишинский рынок продавать или менять вещи, ибо отцовского аттестата не хватало. И на всю жизнь – запах американской тушенки и курицы.

Это – первые, еще «военные» впечатления. К серьезным относился мой поход, видимо, с кем-то из взрослых на Садовое кольцо возле площади Маяковского, чтобы смотреть, как вели пленных немцев. Для меня было как кадры из кинофильма, будто из экрана наружу высыпало много расстегнутых, без погон, в пилотках военных, только не бравых, а индифферентных, которые шли в сторону Курской. Мне говорили: их вели в противоположную сторону. А я узнала, что их вели сначала в одну сторону, потом в другую.

Сейчас военные дети – предпоследнее поколение (а последнего – единицы), что еще помнит войну в ее тыловой форме: жизнь с одинокой матерью дома, с беспризорными детьми на улице. Мы не знали, что мы «военные», поняли только тогда, когда нас стали нормально кормить, когда мы смогли нормально мыться и одеваться, а не раз в неделю в противных банях с обязательными байковыми халатиками.

Старые деревянные дома или каменные с подвалами или полуподвалами были символами нищеты, но эти символы были тождественны реальности. Огромное количество стихов, посвященных Сталину, – тоже символы, но они были откровенной поощряемой лестью и враньем, они были пародией на жизнь, даже если их авторы питали искреннюю любовь к вождю, из которой пытались сотворить миф. «На дубу зеленом да над тем простором два сокола ясных вели разговоры. Один сокол – Ленин, другой сокол – Сталин, а кругом летали соколята стаей». Но дети тоже считали это реальностью. Не удивительно, что в школьных программах по литературе не было символистов, акмеистов, имажинистов, абсурдистов, формалистов, что поколение школьников конца 1940-х – 1950-х годов практически не знало А.А. Блока, А.А. Ахматову, О.Э. Мандельштама, М.И. Цветаеву, С.А. Есенина. В.Б. Шкловского узнали позже. О А.И. Введенском, Я.С. Друскине, Л.С. Липавском, Д. Хармсе и не говорю, их и сейчас мало знают. Они не участвовали в нормальном литературном процессе, и нынешние воспоминания не вернут их участия, неучастие ощущается как дыра на видном месте одежды.

Этот быт хорошо воспроизведен в фильме «Прощай, шпана замоскворецкая» – сатиновые или байковые чаще всего темносинего цвета шаровары с резинками у щиколотки, с курточками на молнии, кепочками у бритых наголо мальчиков и косичками с бантиками, беретками или вязаными шапками у девочек. У шапок были фасоны. Например, шапочка «я у мамы дурочка» была похожа на современные наушники, с вязаным верхом. Или были шапки круглые как шары, белые, с красивым пухом до первой стирки и с длинными ушами. Это внешнее обличье очень бедного быта, в котором была учеба, книги, взятые в библиотеке, подготовка уроков и безудержное фанатичное катанье на коньках.

Французские булочки, печенье «Петифур», множество сортов хлеба, сушек-баранок. «Черная кошка» была не киновымыслом, она располагалась не только в Марьиной роще, но и ютилась, например, в подворотнях Приютского переулка, куда нам запрещали ходить. В нашем переулке возле одного из окон сидел сапожник и брал заказы на тапочки, которые шил из разноцветных лоскутков кожи. Здесь жили рабочие и низшие служащие, среди которых, правда, иногда обнаруживались и средние, и высшие, и даже старые большевики: в доме «Россия» на Лесной улице жил дядя моей одноклассницы – матрос с «Авроры», а неподалеку от серой сплошной стены Бутырской тюрьмы примостился музейчик подпольной типографии, укрывшейся под вывеской «Оптовая торговля кавказскими фруктами», где по семейной легенде работала моя бабушка и откуда я не получила ответа на свой запрос о ней. Это тот случай, когда история предстает сконцентрированной в моей памяти как история поколения. Моя бабушка воплотилась, несмотря на отсутствие документов, утраченных во время эвакуации, в другой документ, документ моей памяти. История и хроника, как считал Кроче, взаимопереходны. «Большая часть истории для нас сегодня – хроника («мертвая история». – [Кроче 1999: 179]), многие документы пока молчат, но под действием витальных импульсов когда-нибудь заговорят» [Кроче 1999: 181]. Рассказ о поколении – такой заданный импульс.

В витринах богатого «Гастронома» № 1 в начале ул. Горького (ныне Тверская-Ямская) лежали серебряные шары, на самом деле – шоколадные, обернутые в фольгу, раз в пять больше современных киндер-сюрпризов, а внутри лежали бирюльки – чайные чашечки, блюдечки, самоварчики. Шар – предмет вожделения, о нем и говорить нельзя было, разве что похвалить, но в принципе это было нечто для многих недосягаемое, хотя многие их и не видели. На лотках в магазине «Грузия» лежали на гофрированных салфеточках трапециевидные крымские яблоки, желто-зеленые с румяным боком. На нас глядела другая жизнь, с нашей не пересекавшаяся. Первый не слишком осознанный намек на социальные различия. Впрочем, не на богатых и бедных, а на элиту и простонародье.

В нашей Зуевке (дом культуры им. С.М. Зуева, а тогда просто ближний клуб, о котором никто не говорил как о памятнике конструктивизма) шли трофейные фильмы, затем в начале 1950-х египетские с прекрасной Фатен Хамама, индийские с РаджКапуром (так его звали, в одно слово): «Бродягу» не знал только ленивый или новорожденный. Это времена нашей дружбы с какой-либо прежде колониальной страной.

И, конечно, итальянский неореализм.

Большинство при переселении из подвалов и ветхих домов получили не квартиры – комнаты в светлых больших домах. В 1950-е годы количество комнат в новой коммуналке не превышало трех. В нашей семье переселение произошло, когда я училась в восьмом классе, и нам дали комнату на троих в десятиэтажном доме (я считала его почти дворцом) на будущем Ленинском проспекте. Он, этот дом, стоял один, напротив деревни Семеновской, где был клуб и куда нас с Галей Польских мальчишки не пустили в кино. Мне иногда хочется найти кого-нибудь из них и спросить, узнали ли они, что снежками отогнали от клуба будущую народную (кино)артистку Советского Союза?

Стою ли я у твердого порога?

То поколение, не знавшее интернета, все еще можно обозначать, как это делается в генетике, буквами P (родители) и F (дети), хотя на протяжении жизни этого поколения технология менялась радикально: телевидение, вызвавшее шок. Любимые радиопередачи «Театр у микрофона» и «Клуб знаменитых капитанов» сменили спутники Земли, Лайка, Белка и Стрелка, а потом и человек в космосе. Цвета колоний, доминионов и метрополий перекрашивались на контурных картах в иные цвета – независимых государств *третьего мира*, – все это не просто увеличивало скорость информации, это увеличивало сам мир: *первым* были США и его, в тогдашней терминологии, сателлиты, *вторым* – СССР и социалистический лагерь. Понадобилось еще лет двадцать, пока К. Поппер не спутал это деление, назвав третьим миром мир культуры, первым – физический, вторым – мир сознания. Но термин «третий мир» и до сих пор остался в политологии. Это сейчас весь мир в зоне доступа. А тогда наше поколение в «большой» мир только начинало входить, удивлять и удивляться, как бы заново рождаясь на свет.

Википедия перечисляет десять имен поколений века, находя им не во всем адекватные названия: *потерянное*, к которому Гертруда Стайн относила поколение после первой мировой войны и к которому некоторые относят почему-то поколение 1880-х – 1899-х годов, затем почему-то *великое* (1900–1919, не из-за участия ли в революциях и гражданских войнах?), и почему-то *молчаливое* (1920–1939), наше (1940–1959) названо *беби-бумным*, включившим в себя сексуальную революцию, а далее последовательно X, Y, Z – хорошо еще не цифры. В.О. Пелевин написал о «Genaration "П"», и мало ли кто еще назовет или уже назвал свое поколение новым словом! «Мое» поколение я бы назвала *инакомыслящим, диссидентско-перестроечным* не потому, что все стали диссидентами, а потому, что именно в нем зародилось это движение, оказавшее огромное влияние практически на все население страны. Главным в этом движении[1] было ощущение и стремление к свободе, свободомыслию, что было фактическим вызовом философии, когда стали интересоваться даже этимологией термина «свобода» в его русском, латинском и греческом изводах[2]. Потому в перестройке 1990-х годов те, кто родился в Тридцатые – Сороковые годы XX в. участвовали полностью.

Как начиналось это поколение (по собственным впечатлениям)?

Я не помню в нашем кругу критических разговоров о происходящем в стране в конце 1940-х, и не потому, что была мала, а потому что первое время была послевоенная эйфория. В застольях поднимали тосты «за Сталина», как «за тебя, Лёль!», ибо его воспринимали как члена семьи, что и было на деле тотальным неосознаваемым проникновением в частную жизнь властного компонента. Сторонники непрерывности исторического процесса называют это атавизмом царских времен. Но тотальность такого рода образовалась вследствие других причин – спайки личного и коллективистского сознания при отрицании индивидуальных свобод, контролируемых государством. Может быть, это и было атавизмом, но тогда надо

[1] Скорее все же направлении ума, заставлявшем активно участвовать, если не политически, то профессионально во внутреннем и внешнем оздоровлении страны.

[2] В то время известность приобрел словарь: [Chartraine 1968–1970]. История греческих слов здесь увидена как бы изнутри, показывались переходы (переводы) терминов из одного региона их употребления в другой, от микенского периода до современного греческого языка. Так, корень слова ἐλευθερία-свобода, от которого происходит и славянское «люди», означал первоначально не отсутствие ограничения для выбираемого пути, а развитие, будучи метафорой (автор словаря ссылается на исследования Э. Бенвениста) вегетативного роста людей, родившихся и развивавшихся вместе. Свобода была принадлежностью людей, этого конкретного народа, не пришельцев и не рабов (выражение «мы – не рабы» не случайно), своим собственным, что было очень важно для понимания самого чувства свободы, проявившегося у поколения, которое сейчас называют Шестидесятниками. Не случайно тогда возникшее внимание к древним культурам. См. об этом также: Romano 2019.

признать, что и индивидуальной свободы, прокламируемой Октябрьской революцией, не было. Случилось перераспределение власти.

Антисемитизм – говорили ли так? «Космополит безродный» – это было, и было – жид. В ходу был стишок «не хочешь быть антисемитом, ругай жида космополитом». В обычных мещанских семьях евреев не жаловали, на улицах дети говорили про детей: «Жидовка пошла». Это произносили так же, как «а у тебя мать толстая!» Не думаю, что дети, которых так дразнили, это воспринимали так же – *почти безразлично*, но я, русская, лишь в старших классах стала давать отпор любителям таких слов и даже не из-за моих подруг-евреек, а потому, что стало очень противно: все же нас воспитывали – хотя бы напоказ – интернационалистами, если принимать всерьез заявленное, например, в Уставе комсомола, а мы в то время это воспринимали всерьез. Я в комсомол вступить хотела, так как хотела быть в первых рядах.

В самом центре Москвы, в доме № 3 по ул. Горького рядом с рестораном «Националь», жила семья моего будущего мужа. Это была добротная еврейская семья с папой юристом и мамой домохозяйкой, все понимающая и имевшая среди множества знакомых таких же все понимающих, хотя никогда громко не высказывавших свое всепонимание. Лозунгом отца было трехзвучие: ЦБТ, «цтобы было тихо». Близкий семье режиссер Тед (Теодор Юрьевич) Вульфович, прошедший войну в разведвзводе, создатель замечательного фильма «Последний дюйм», написавший ряд превосходных военных повестей, ухаживавший за румынской девушкой и приводивший ее *в то опасное время* в их дом, хранил трофейный пистолет. Узнав про готовившиеся вагоны для высылки евреев, сказал: «Не позволю». Более того, создавал, как он рассказывал (в том числе генералу Д.А. Драгунскому), отряд самообороны.

Я не жила среди людей аполитичных, скорее наоборот: бабушка была большевичкой, это в ее квартире мы жили. Ей за ее заслуги дали четырехкомнатную квартиру, и она поделила ее между своими детьми. Но я не помню, чтобы кто-то хвастался ее большевизмом, хотя она вроде бы еще на Красной Пресне отличалась. Спасла семью старшей дочери, моей тетки и одновременно крестной (они были пассивно верующими). Ее мужа отправляли в северную ссылку, и она посоветовала им развестись: «А потом мы как-нибудь его вызволим». Он отбывал ссылку, а моя тетя осталась в Москве с четырьмя детьми. Когда он вернулся, они не стали возобновлять запись актов гражданского состояния и прожили вместе до почтенной старости, забыв, что официально не женаты. Вспомнили, когда тете после смерти мужа надо было оформлять пенсию. Свидетелей к тому времени не осталось: ей было к девяноста. Свидетельствовали по решению судьи дети. Бабушка умерла в 1936 г. своей смертью, от рака.

В семье политику Сталина не осуждали, не восхваляли, но воспринимали как данность. Из детей впоследствии только мы с сестрой стали отщепенцами, т.е. не членами КПСС, ибо членство в партии считалось знаком качества. Я не хотела вступать в эту организацию даже не из-за ее программы или ее действий (примерно до 7–8 класса знала только, что партия – наш рулевой), но я никогда не стала бы в мою личную жизнь вмешивать огромный коллектив: «ты людям все расскажи на собрании» – это не для меня. В школе же были учителя, которые жизнь готовы были отдать сей же час, если партия прикажет.

В эти годы жизнь проходила скорее в некой аморфной среде, среди «большинства», не слишком отяжелявшего голову платоновскими мыслями, какой вид государства лучше. Большинство же принимало политическую жизнь такой, какой ее предоставляло время, пассивность в этом отношении была очевидной, активность проявлялась во внеполитическом выживании: что-то достать, выкроить деньги на ботинки, перелицевать пальто, остальное – «не наше дело, как говорится, родина велела», все были ни в чем не виноватыми простыми солдатами.

Мне было почти 12 лет, когда умер Сталин. Я знала, что он – вождь, но по большому счету не понимала, что это такое, искренне выполняя какие-то ритуальные действия: например, сходить в музей подарков к его 70-тилетию. Я спокойно отнесла его светлый лик из дома в школу, когда учительница спросила, нет ли у кого фотопортрета Сталина: просто сняла со стенки и отнесла, и мама никак не отреагировала. Рыдания по поводу его смерти казались всеобщими. Старая учительница математики сказала, что мы теперь должны лучше учиться. Но я всегда хорошо училась и хотела учиться, мне не надо было стараться. Мои кузены пошли было на похороны, прихватив меня, но я на Трубной потеряла галошу, и мы вернулись. Фанатизма не было, однако была твердая убежденность, что жить надо по-сталински.

Узлы жизни: «мы узнаны и развязаны для бытия»

Все, однако, изменилось сразу. Отпустили уголовников, они распылились по Москве. Мимо меня однажды, как смерч, прошел высокий человек в старой шинели и с угрюмо-вперед-смотрящим лицом, едва не сбив с ног и не повернув головы, так что стало жутковато. Арест Берии, о котором говорили на всех углах, был для меня арестом «еще кого-то». Бóльшее впечатление произвело то, что обучение с 1954 г. перестало быть раздельным и нас стали тасовать по школам.

1956 год. Это была уже оттепель.

В этот год в наш класс поступила очень красивая девочка, вернувшаяся с папой-военным из Венгрии. Мы (несколько человек) обступили ее: что там? как там? Она только улыбалась. Не сказала ничего, кроме каких-то банальностей. Между тем революция в Венгрии перекроила нашу жизнь – жизнь тех, в чьих семьях политика не обсуждалась. Слушали по радио и видели через линзу телевизора, купленного одной из маминых сестер, передачи про кровавого Имре Надя, но зарубка осталась, поскольку это случилось, как считалось, в одной из братских стран народной демократии. Я тогда и слыхом не слыхивала, что за протест против слабого информирования об этом событии был арестован и отбывал лагерный срок будущий ближайший друг Александра Павловича Огурцова, ставший впоследствии и моим другом Эрик Григорьевич Юдин, устроивший меня после разгона сектора методологии Гефтера в Институт технической эстетики на ВДНХ.

Венгерская революция случилась в конце 1956 г. А в его начале, в феврале 1956 г. был XX съезд партии, практически изменивший нашу жизнь.

Семьи стали увеличиваться и распадаться: возвращались из лагерей отцы, которые до того считались – у кого как – пропавшими без вести, погибшими, разведенными, умершими… Они не всегда могли вписаться в существующую жизнь своих близких. Началась, но только началась реабилитация. Мы однажды обступили нашего учителя истории, впоследствии знаменитого по Москве Леонида Исидоровича Мильграма, просили разъяснить нам смысл XX съезда: ничего, кроме затасканного, прочитанного в газетах и уже появлявшегося в рассказах вернувшихся людей, он нам не сказал – лишь про по-прежнему руководящую роль партии, которая признала свои ошибки. К тому же проводил «разносные» комсомольские собрания. Одна из моих одноклассниц, с которой это случилось, до недавнего времени, он еще был жив, хотела ему позвонить из Америки и напомнить про этот никем не требуемый, но почему-то (по инерции?) нужный разнос.

Спрашивали его мнение о книге В.Д. Дудинцева «Не хлебом единым» о разгроме генетики – тоже было одно мычанье. Семья Дудинцевых переехала в соседний дом, его дочка Люба училась с моей сестрой в одном классе (потом даже какое-то время жила в нашей с мамой комнате), он даже приходил к нам в школу, где ожидал вопросов о книге. Обсуждения не получилось, представили его как известного писателя, дочь которого с нами училась. Мы

предпочли ходить к ним домой в надежде кое-что выяснить. Но *о том, что было, все как-то глухо молчали или всё стушевывали* по разным причинам. Одни в силу партийной дисциплины, другие не хотели нас травмировать, третьи хотели, чтобы мы не знали о прошлых ужасах. Мы, школьники, должны были докапываться до всего сами.

Прежде всего хотелось узнать, что это такое: культ личности (это была метафора периода репрессий классовых врагов, не только «буржуев недобитых», но и крестьянства, рабочих, интеллигенции, способствовавших смешению всех слоев общества), почему его разоблачали те, кто этот культ возвеличивал. И откуда вдруг появились люди – не лагерные, их мы уже видели, – а те, кто стал писать неведомые книги о событиях, случившихся при нас, но нам неизвестных, явивших миру имена людей, о которых, если родители или знакомые не говорили, прежде не слышали. Чтение книги Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь» было настолько жадным, что критики его, даже верно указывавшие на ошибки, пропуски и просчеты, не воспринимались или воспринимались неохотно. Мир увеличивался на глазах, как и мысль.

По чтению «Нового мира» (в основном»), по «Юности», по самиздату, а затем тамиздату, по песням (Галич, Окуджава, Высоцкий, Ю. Ким, Н. Матвеева), по кухонным разговорам, по выходу из кухонь на ближайший двор, бульвар, парк, когда кухни стали прослушиваться, узнавали «своих» и возмущались, когда цензура кому-то из них выламывала руки.

Она выламывала руки и старым, уже известным писателям и поэтам, и новым, и в оттепель, и в застой. Что же отличает оттепель от застойных времен?

Оттепель (ее называют «хрущевской») – это ослабление идеологического зажима и репрессивных мер, выразившееся в отмене многих расстрельных статей, ликвидации ГУЛАГа, сопровождающейся освобождением заключенных в том числе по 58 ст., реально – осуждение тоталитарного режима. Но оттепель на то и оттепель, что она – парадоксальна: она успела нас заразить свободой. Хотя черно-белый Хрущев, на XX съезде КПСС выступивший против культа Сталина, все-таки умудрялся вводить высшую меру за преступления, которые он считал непростительными, как это было, например, в случае с фарцовщиками Я. Рокотовым, В. Файбишенко и Д. Яковлевым в 1961 г., а то и войска, как в 1962 г. в Новочеркасске против вышедших на площадь рабочих. Своевольная позиция кнута и пряника.

Повесть И.Г. Эренбурга «Оттепель», давшая имя периоду политической разморозки, длившемуся то ли одиннадцать (1953 – 1964), то ли двенадцать (1956 – 1968), то ли пятнадцать лет в зависимости от точек отсчета – от смерти Сталина и до осуждения Бродского, от XX съезда до вторжения в Чехословакию или от смерти Сталина до вторжения в Чехословакию, вышла в 1954 г. Но еще до этой повести в журнале «Новый мир» (1953. № 10) было опубликовано стихотворение Н. Заболоцкого «Оттепель после метели…», когда до XX съезда, где была произнесена «секретная» речь Н.С. Хрущева о советском терроре, оставалось еще три года.

Об оттепели написано много. Наиболее интересна для меня оказалась только что вышедшая книга С. Чупринина «Оттепель. События. Март 1953 – август 1968 года». Вторым эпиграфом к книге взяты упомянутые стихи Заболоцкого, а первым – десятикратно повторенные строчки «А мы просо сеяли, сеяли… А мы просо вытопчем, вытопчем…» Это – документы, т. е. то, что имеет дату возникновения события (сева ли, вытаптывания).

Перечень писателей и поэтов, откликнувшихся на смерть Сталина, позволяет представить, сколько из них и кто по-разному затем совершал подвиг вытягивания себя за волосы, как Мюнхгаузен, из жуткого, репрессивного, идеологически оправленного морока.

Оттепель не означала умаления советской власти, она означала усталость от крови, от человековычеркивания. Отсюда ослабление узды: смягчение цензуры, изъятие из Уголовного кодекса термина «враг народа» и политические шаги, о которых надо бы помнить нынеш-

ним поклонникам вождя, – вынос тела Сталина из мавзолея и одновременно наступление на церковь: шла двусторонняя борьба с культом.

Мерки социалистического реализма перестали быть нормативными, возник андеграунд. Естествознание и гуманитаристика осознали себя как разные способы мышления (физики и лирики), взаимодополняющие друг друга. Дозволили «ссыльным» народам вернуться в родные края – эта высылка дает о себе знать до сих пор.

Послабления – хотя бы количественно – были очевидны. На ослушников кричали, травили (Б.Л. Пастернак), грозили изгнанием из страны, но не изгоняли. Литераторов «брали» не за смысл писания, а за отказ или приписать себя к какому-либо официальному органу, за нежелание быть крепостным, ибо вольный поэтический труд трудом не считался (И.А. Бродский). Они включали свой мир во всеобщий мир, отвергая и холодную, и горячую войну, делая свое писательское знание достоянием мира, а себя – гражданином мира (Ю.М. Даниэль и А.Д. Синявский, которых судили по принятой в 1960 г. 70 ст. Уголовного кодекса, заместившей 58 ст., за антисоветскую агитацию и пропаганду).

Открытия нового качества существования в мире и информационный вброс, вполне осознанные нашим поколением и произошедшие благодаря здравым силам старшего, родившегося в начале XX в., были грандиозны, усиленные вроде бы внешними, но распахивающими мир событиями. Появились неидеологизированные фильмы, в которых, конечно, героями были комсомольцы или партработники, но не они представляли основной их интерес. Первыми или почти первыми оставившими впечатление были «Разные судьбы», чуть позже веселая, шутливая, радостно-открытая «Карнавальная ночь», вызывавший дрожь и тяжелое молчание «Обыкновенный фашизм», «Девять дней одного года» М.И. Ромма, еще чуть позже «Застава Ильича» М.М. Хуциева. Во время фестиваля молодежи и студентов 1957 г. и во время кинофестивалей показывали гениальные «Восемь с половиной» Ф. Феллини, «Загнанных лошадей пристреливают, не так ли?» С. Поллака, «Благослови зверей и детей» С. Крамера, «Большое колесо» с Отто Фишером, «Мы – вундеркинды» Курта Хоффманна и его же «Привидения в замке Шпессарт», «Затмение» М. Антониони. Шок вызвал музыкальный конкурс П.И. Чайковского, когда взлетело имя Вана Клиберна (sic!). Был почти физически ощутим гул новизны открывшегося «Современника», «Театра на Таганке», поэтических концертов новых поэтов Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Б. Ахмадулиной, Р. Рождественского, от поисков пластинок с песнями Биттлз, от поисков позывных радиостанций «Свобода» и «Голос Америки».

К тому же: американская выставка, чешская, польские ансамбли, открытие магазинов «Ванда», «Лейпциг», «Будапешт» и пр. Все это воспринималось бурно, носило ярко очерченный характер вызова. Стиляги, легкомысленные, но, слава богу, без всякой идеологии песенки типа «Мишка, Мишка, где твоя улыбка» – это реакция на открывавшийся новый мир. Джаз, твист, фокстрот, толстые из белого каучука подошвы ботинок, белые шарфы у парней, брюки, туфли на шпильках у девушек – яркое внешнее проявление иной жизни вызывало яростную критику именно потому, что открывало простор – вполне философски – «жизненному миру». Мой друг-кинорежиссер Файк Гасанов, вскоре, к сожалению, погибший, украл, как ему казалось (хотя никто не запрещал брать), со стенда американской выставки «В поисках потерянного времени» Марселя Пруста и долго ни о чем другом не мог говорить.

В этом, казалось бы, сугубо частном факте (но таких была масса) выразился межпоколенческий прорыв. Пастернак в 1925 г. на форзаце книги «В сторону Свана» сделал выписку из письма Р.М. Рильке о смерти Пруста. А в 1958 г. к своей последней книге «Когда разгуляется» Пастернак возьмет эпиграф из «Обретенного времени» Пруста. Разрыв между этими двумя датами как раз и обозначил культурный провал. То есть *разрыв произошел не между «отцами» и «детьми», а между двумя состояниями культуры, в которых оказались и «от-*

цы», и «дети». Между этими культурами пролегла война, в том числе гражданская – с литературой.

Сохранение старых историко-философских вузовских программ стало перевешиваться программами, мгновенно предложенными писателями и художниками нового концептуального стиля. Слова, произнесение слов, выражение их становились другими, формируя новое сознание. Общая художественная гуманитарность перевешивала ту – специфическую – философию, что по своей природе призвана определять принципы бытия и мышления, показывая силу рассуждения, логику, нравственный поступок. Эта сила еще не пробудилась. Идеологические шоры марксизма-ленинизма были на глазах самых лучших философов [см.: Тищенко 2018: 21–24; Ахутин, Берлянд 2020: 128–134].

Оттепель вызвала к жизни множество журнальных публикаций в «Юности», «Иностранной литературе», «Новом мире», а после разгона его редакции в «Дружбе народов», которые мгновенно становились бестселлерами, за ними охотились, их «доставали», имена Василия Аксенова, Бориса Балтера с его «До свидания, мальчики» стали титульными. Были опубликованы воспоминания неожиданного В.П. Катаева («Алмазный мой венец» и «Святой колодец»), конечно, «Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор» А.И. Солженицына (его имя было на слуху у всех: у левых и правых, коммунистов и антикоммунистов), «Лето в Сосняках» А.Н. Рыбакова (считается, что она была не воспринята читателем, а я ее всегда помнила), рассказы В.М. Шукшина, повесть «Семеро в одном доме» В.Н. Семина, «Мертвым не больно», «Круглянский мост», «Сотников» В.В. Быкова, «Обмен», «Другая жизнь», «Дом на набережной» Ю.Н. Трифонова (эти произведения, правда, появились уже в начале застоя, как и «Сотников», но вспоминаются вместе с теми, оттепельными), драматургия А.М. Володина… Чуть позже появилась едкая проза И. Грековой (псевдоним математика Е.С. Вентцель: она отъединила в псевдониме букву «и» от «игрека»). И, конечно, Б.Ш. Окуджава, его «Возьмемся за руки, друзья» считалась гимном советской интеллигенции. А.А. Галич, В.В. Высоцкий, бардовские песни Ю.Ч. Кима, Ю.И. Визбора и многих других. Но они уже были «нашими», с некоторыми мы были знакомы. У меня хранится книга И.М. Губермана «Чудеса и трагедии черного ящика», подаренная писателю И.И. Дуэлю после нашего переезда на новую квартиру с такой надписью: «Тёзке от тёзки, коллеге от коллеги, большевику от попутчика, клиенту от грузчика – с симпатией». Думали, что уж кого-кого, а Окуджаву будут слушать всегда, но ни по «Арбату» не ностальгируют, ни по прогуливающемуся Александру Сергеевичу. Зато – или мне кажется? – заново всплывает поэзия Д.С. Самойлова, Ю.Д. Левитанского, Б.А. Слуцкого… И уже сорок лет прошло с его смерти, а – поется Высоцкий. Заряд, который сконцентрировал в себе напряжение нашего поколения, оказался забитым туго.

Но еще до них тайными, можно сказать, героями стали люди, не всем известные, в основном ученые, о которых узнали уже в вузе или после его окончания: уже упомянутый философ Эрик Григорьевич Юдин (1930–1976), один из трех основателей (с В.Н. Садовским и И.В. Блаубергом) научной школы системных исследований, был исключен из КПСС и арестован за то, что на партсобрании поставил вопрос о праве на информацию – речь шла о Венгерских событиях 1956 г.; историки Л.Н. Краснопевцев и Л.А. Рендель («университетское дело»), организаторы кружка «Союз патриотов», которые мало что старались адекватно прочитать Маркса – Энгельса: они выступали за право создания рабочих советов на предприятиях, за отмену 58 статьи Конституции, распространяли листовки. Я писала об этом кружке в статье «Время переломов», опубликованном в этом журнале в № 1 за 2023 г.

Эти воспоминания, даже скорее напоминания, оповещения о былом все же могут толкнуться однажды в чью-то взволнованную голову прежде, чем все это, как считал Николай Кузанский, свернется в точку, где не будет домов, улиц, фонарей и аптек, – вещи, как известно, сохраняются дольше их хозяев, воспоминания же, тем более их анонсирование – легкий

нематериальный налет на вечности, не имеющей конфигурации, ей все равно кто кого убил или оживил. Но пока мы живы, конфигурация времени все же зависит от нас. У меня, например, тоска по самой древней ничего по себе не оставившей древности, зато выпустившей нас на волю. Француз К. Романо написал книгу «Быть самим собою: другая история философии» [Romano 2019].

В университет мы поступали в год так называемого «хрущевского» набора: 20 % окончивших школу в этом, 1958 г., бывших десятиклассников и 80 % производственников и отслуживших в армии. Курс набирался после «дела Краснопевцева», получившего реальный лагерный срок, потому отбор был жестким. Проходной балл для бывших десятиклассников был 16, т.е. все четверки, что редкость для МГУ. Среди поступивших была Наталья (Наталья Ивановна) Куренкова (девичья фамилия, которую она потом сменила), отъявленная комсомолка, на третьем курсе вступившая в партию и проводившая четкую большевистскую политику. Когда Пелевин в «Generation "П"» писал о девяностых: «По телевизору между тем показывали» те же лица, «от которых всех тошнило последние двадцать лет. Теперь они говорили точь-в-точь то самое, за что раньше сажали других, только были гораздо смелее, тверже и радикальнее», – то это было как раз о похожих на нее людях. Пелевин сказал грубее, но я веду речь о даме.

Курс разлива 1958 г. вообще как-то сразу разделился на две части. Бывшие десятиклассники были у всех, как кость в горле. На 2 курсе почти все по политэкономии социализма получили тройки, хотя на предыдущем курсе политэкономии капитализма были пятерки. На предложение пересдать ответили отказом все (многое пришлось бы заучивать наизусть, поскольку логики в изложении не было), кроме одного человека – Натальи Куренковой (впоследствии Басовской). Когда она пошла на пересдачу, мы смотрели ей вслед, как жены Лота.

Молодые и немолодые люди часто спрашивают, неужели такими жуткими были комсомольские собрания (недавно меня спросили об этом в медицинском центре глазных болезней, где я делала операцию), неужели нельзя было высказывать личную позицию по злободневным вопросам. О том, как проходило одно комсомольское собрание в 1959 г. или 1960 г. я рассказывала в статье «Инакомыслящие» [Неретина 2022: 385], оно как раз шло под фактическим руководством Басовской и касалась взглядов на «мир, труд, май» студента, который успел поработать на сибирских стройках и записать впечатления в записной книжке, которую зачем-то принес в университет и положил на полку под столом, за которым сидел. Каким-то образом эта книжка оказалась у комсомольского секретаря. А через какое-то время она стала основанием для его, скажем мягко, порицания.

Другой пример касался еще одного нашего весьма незаурядного сокурсника. Как всегда в перерыве между лекциями или семинарами мы стояли стайкой и обсуждали злободневные новости. Дело было весной 1961 г., когда решалась судьба Берлина: быть ему вольным городом или расколотым надвое. Студент не видел особой беды в разъединении и Берлина, и Германии вообще, ибо, как он полагал, Западная и Восточная Германия в принципе принадлежали к разным экономическим зонам – одна больше развита в промышленном отношении, другая в сельскохозяйственном. Кто-то донес в партбюро об этом суждении, и студента вызвали «на ковер», ибо в то время в верхах предполагалось, что Берлин должен единым свободным городом. Мы той же стайкой стояли под дверью партбюро и прислушивались, хотя двери были закрыты наглухо, только время от времени секретарша шныряла то в деканат, где был телефон, то обратно. Через некоторое время после того, как она вошла в кабинет последний раз, дверь внезапно отворилась, вышел растерянный наш коллега и сказал, что его, сперва покритиковав за странные размышления, в результате поблагодарили за верную оценку политической обстановки. Вопрос о статусе Берлина как раз в этот момент решился так, как предполагал студент.

Эти два случая и были реальным началом политического (но и не только политического – экзистенциального, морального, культурного) раскола внутри уже той части поколения, которая не просто признала гнусность сталинского режима, но необходимость изменения и выхода из двуличной позиции, в которой мы оказались.

С Куренковой (Басовской) у меня сохранилась обширная переписка. В 1961 г. я сделала попытку уйти с факультета: были личные причины, и среди них – невыносимость постоянной марксоидной оглядки. Я написала в деканат письмо с просьбой об отчислении, которое мне в конце концов вернули, позволив мне заниматься «латинской палеографией» в Ленинграде, где моим университетом стал Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Вот и случилась переписка. Она, староста группы студентов, занимающихся по кафедре истории средних веков, сообщала мне о каких-то мероприятиях, о том, когда состоятся экзамены (я приезжала их сдавать), переводила мне стипендию и сообщала о состоянии курсовой, а потом диплома. Переписка в отчетно-распорядительском стиле, чем и интересна.

Эти эпизоды я привела не только для того, чтобы конкретизировать способы деления поколения на оппонирующие подгруппы, но и для демонстрации возможности выпадения из массы индивида, ищущего вместе с тем сообщества, связи внутри которого, если оно случится, образуют лишь знаки разрыва с общей массой. На деле в найденном сообществе все особенные. «Собрание разных», скажет через некоторое время М.Я. Гефтер. Это, с одной стороны, рождало своего рода «зеркальность», т. е. все ту же свойственную массе реакцию на те или иные события, но с обратным знаком (автократия наоборот), с другой – высокомерие, которое тогда таковым не казалось, но оно определяло стиль отношения с несогласными: те, кто в будущем назовут себя демократами, считали правой свою и только свою позицию, отчуждая себя от наличного социума, т. е. реально тиражировали властные амбиции. Лишь немногие смогли жить независимо.

В России такая обособленность чаще всего образовывалась из-за огромной роли политики и государственного давления, с чем надо было согласиться или от чего отстраниться. Это было первым и долгое время единственным условием принадлежности к мажоритарной или миноритарной группе и образовало – если воспользоваться термином М.К. Петрова – культурный код, который состоял в пренебрежении благополучием, безопасностью, «грошевым уютом», в следовании принципам героики (в ходу песня, сложенная на стихи П. Когана «Пьем за яростных, за непокорных»). Это считалось жизнью на высших уровнях бытия, которых многие придерживались сознательно. Всех вели лозунги в силу самой сути лозунга: краткого выражения задачи этого момента и призыва к выполнению этих задач. На целину, на тяжелое дело освоения залежных земель многие ехали по зову сердца, по искреннему желанию. В нашем 10 классе несколько девочек, среди которых была и я, планировали после школы пойти работать на стройку, желая внести в рабочий класс свои знания и умения, культуру быта и книжность. Пошли в результате двое: Женя Часовникова и Тоня Томонкина. Про них написали книжку – «Такие не подведут» с обложкой, где они, высунувшись в окно, радостно и весело глядели в будущее. Подвели. Ушли через год с тяжелыми впечатлениями. Но этот же код породил и тех, кому «надоело говорить и спорить, и любить усталые глаза», они стали равнодушными. Третьи оставались в душе со светлыми комсомольскими иллюзиями и жаждой облагородить быт, впрочем, без жгучего желания испытывать физические трудности.

Комсомольский задор – не выдумка. О лживой жизни многих высокопоставленных комсомольцев, давно вышедших из комсомольского возраста, мы в то время знали или мало, или не знали ничего, и не потому, что были тупые, а просто в силу всепоглощающей молодости, жаждущей свободы, равенства, братства. Лозунги о необходимости догнать и перегнать Америку,

связанные с судьбой России, с повышением ее благосостояния, поисками правильного пути к нему, лозунги «атом для мира», «миру мир» играли свою роль, втягивая множество не самых худших людей в систему отлаженного и, казалось, очищавшегося после XX съезда механизма государственного строительства. Впрочем, со временем «догнать и перегнать» стало восприниматься иронически. В ходу был анекдот: на одном грузовике плакат «Догоним и перегоним…», на другом – «Не уверен – не обгоняй!» Такие лозунги, если не включать внутренний механизм критики и остранения, сплетенные с воспитанием готовности подчинения государственной системе и с хорошо налаженной школой державного патриотизма, легко и незаметно обеспечивают – в общем-то невозможное – «возвращение домой», по выражению Л.В. Петрановской, чего, однако, одни политики, желающие возродить советские идеалы, жаждут, а другие опасаются, справедливо ожидая репрессий.

Sancta simplicitas

Попытки возвращения, собственно, никогда и не кончались. Имя и портрет Сталина все время пытались водрузить на старое место, а идеи, связанные с его именем, по-прежнему внедрять в головы молодых людей. Стараниями немногих этого не произошло ни в Шестидесятые, ни в Семидесятые, и это подтверждает правоту выражения «и один в поле воин». Лен Вячеславович Карпинский, окончивший философский факультет и прошедший серьезный путь от комсомольского вожака (был одним из секретарей ЦК комсомола, членом редколлегии газет «Правды» и «Известий») до главного редактора «Московских новостей» – боевой газеты перестроечников, в момент, когда готовилась ресталинизация и едва ли не была уже подготовлена газетная полоса для портрета, на заседании редколлегии «Известий» попросил показать ему решение об отмене резолюций о культе личности, принятых на XX съезде партии. Тогда ресталинизации удалось избежать, но попытки остаются до сих пор.

В 1973 г., через несколько лет после разгона сектора методологии в Институте всеобщей истории АН СССР, в котором я работала, случилось так, что Карпинский пригласил меня к себе в редакцию научного коммунизма в издательство «Прогресс» (я долго стеснялась выговаривать название редакции). Но скоро мы стали иронизировать над этим. Так, в заявке на книгу М.К. Петрова «Язык, знак, культура» я ссылалась на слова Ленина, что-де коммунистом можно стать только тогда, когда обогатишь свою память всеми теми богатствами, которые выработало человечество. В редакции Карпинского работали люди, с которыми мы долго были дружески связаны. В основном это были сотрудники разгромленного ИКСИ (Института конкретных социальных исследований): Д.А. Ханов, Г.Ф. Пархоменко, а с Т.Б. Любимовой, вскоре ушедшей в ИФРАН, мы дружили всю остававшуюся ей жизнь.

Это была странная редакция, в которой, по крайней мере, четверо перечисленных редакторов к научному коммунизму не имели никакого отношения (сам Лен меж тем преподавал эту дисциплину на сценарных и режиссерских курсах), из остальных часть принадлежала к старым коммунистическим бойцам, часть свое отношение скрывала. Мы так и делились на эти группки. Лен же, товарищ Ю.Ф. Карякина, директора издательства Ю.В. Торсуева, Ф.М. Бурлацкого, вместе с ними всерьез занимался планами будущего политического переустройства России и даже набрасывал список возможных будущих министров, каковой список у него, как мне сказали, и изъял КГБ, сняв листок с именами прямо с пишущей машинки. Лена сняли с работы, исключили из партии. Он довольно долго, чуть ли не до Перестройки, работал закупщиком картин и каких-то художеств для разных предприятий. Но вот что интересно: круг оказался действительно узок. Карякин в ИМРД работал вместе с А.П. Огурцовым, Карпинского, который дружил с моим мужем, сотрудником «Нового мира», я познакомила с Гефтером (мне не понравилась одна из его статей, предложенных им в «Новый

мир», но я не решилась рецензировать, ибо была не моя, революционная какая-то тема, и я тогда свела их с Михаилом Яковлевичем).

Многих будущих перестроечников объединяла работа в международном и относительно либеральном журнале «Проблемы мира и социализма», располагавшемся в Праге. «Ленинские» взгляды многих из них («тиран Сталин все испортил») впоследствии стали еще одной причиной поколенческого разлада.

Переходность: пародии и танки

На все иностранно-легкомысленное и повсеместно исполняемое писались пародии. Чешская песенка «Как у нас в садочке», переведенная на русский язык, легкомысленная сама по себе, превратилась в произведение, на которое были направлены критические стрелы, подписанные идеологическими подпевалами или совершенно аполитично-аморальными куплетистами и направленные против безыдейной жизни «золотой молодежи». В этом «садочке», оказалось, пребывала некая Розочка, где было «жить ей сладко, / в доме танцплощадка / в комнате отца, / жоржики стильные, /любвеобильные / пляшут без конца».

Эти пародии воспринимались со смешком, как и сами песенки о «садочках». Но они сменили навязшие в зубах песни вроде «Кудрявая, что ж ты не рада / Веселому пенью гудка. / Не спи, вставай, кудрявая! /В цехах звеня, / Страна встает со славою / На встречу дня…/ Бригада нас встретит работой…» Звонкая оптимистичная музыка Д.Д. Шостаковича долго сопровождала наши утренние подъемы. Но песенные цеховые гудки, с которыми мы реально знакомились на уроках труда, когда нас водили на завод им. Орджоникидзе, где приставляли к какому-то станочку делать дырки на никому не нужной стальной пластине, что иногда воспринималось как оскорбление и всегда как бессмысленная трата времени, надоели хуже горькой редьки. И мы дивились, узнав, что стихи принадлежат репрессированному поэту Б.П. Корнилову, мужу Ольги Берггольц. Чуть позже мой иронически настроенный сын будет меня преследовать вопросами: «Ты любишь свой завод? Нет, почему ты не любишь свой завод?»

Были и «пародии наоборот», например, гениальная пародия Сергея Смирнова «Чего же ты хохочешь?» с героиней Порцией Уиски на «Чего же ты хочешь?» В.А. Кочетова, который пытался высмеять Е.А. Евтушенко, Витторио Страда и пр. Роман и пародия написаны на одном и том же русском языке, но это – разные русские языки с разными мерами опознания действительности.

А на статью Аркадия Первенцева в «Литературной газете», где он писал об испорченной молодежи, сделавшей центром своих безобразий Коктебель, тут же появилась пародия Зиновия Паперного, бывшего в то время для нас столпом свободомыслия. Пишу, как запомнила, опуская понятные рефрены:

Как у залива Коктебля
Такая чудная земля
Совхоза,… колхоза,… природа,
Но портит эту красоту
Ее порочащие тунеядцы и моральные уроды.
Девчонок вид ужасно гол,
куда смотрели комсомол
и школа,…, и школа, …, и школа.
Один купальник лишь на ей,
а под купальником у ей
все голо, …, все голо, …, все голо.

Сегодня парень в бороде,
а завтра где – в НКВД.
Свобода,…, свобода,…, свобода.
Сегодня парень водку пьет,
а завтра планы продает
завода, …, завода, … завода,
родного, …, завода.

Коктебель действительно был центром сбора интеллигенции и студентов. Чтение стихов было обычным делом. Будто и приезжали туда, чтобы почитать стихи. Читали друг другу в домике у Г. Сапгира, на пляже, в парке Дома творчества писателей. Именно в Коктебель мы приехали с мужем, когда советские танки взорвали землю Чехословакии.

В то время многие – независимо от профессии и возраста – внимательно следили за происходящим в Европе, симпатизируя «Пражской весне» так же, как впоследствии польской «Солидарности». Знали, что лидеры СССР не допустят развала Варшавского пакта, и только гадали, где что произойдет. Летом 1968 г. мы ехали в автобусе по Молдавии. По дороге пылили солдаты.

– Запасники, – сказал муж.

– Откуда ты знаешь?

– У них гимнастерки на животе сборятся. Новобранец так бы не смог: собрал бы складки сзади.

Когда приехали в Измаил, увидели, что по Дунаю шастали военные катера. «Румыния», подумали мы. Когда 21 августа прибыли в Коктебель, оказалось – Прага. С этого момента пошла другая, настороженная жизнь. Мой тогдашний друг, ныне покойный историк Владимир Николаевич Малов был в это время в Праге. «Еду в автобусе, – рассказывал он мне, – оглядываюсь, хочу кому-нибудь сказать: "Не все русские такие". Но кому скажешь – ни с того, ни с сего, да и страшно».

Оттепель вовсе не плавно перешла в застой – косную политэкономическую силу, ибо интеллектуальная (художественная, писательская, набиравшая силу философская – заработали семинары!) била мощным ключом. Анекдоты и слова, похожие на анекдоты: одно «членовозы» дорогого стоит.

С нападения на Чехословакию стало ясно: вновь накатило новое время. Оно катило волнами.

Тогда, в Коктебеле, Евтушенко, узнав о событии и взвыв, побежал к телефону на почту выражать какому-то высокопоставленному свой протест. А потом написал стихотворение, датированное 23 августа 1968 г. и напечатанное спустя 21 год, в 1989-м, в альманахе «Апрель».

Танки идут по Праге
в закатной крови рассвета.
Танки идут по правде,
которая не газета.

Танки идут по соблазнам
жить не во власти штампов.
Танки идут по солдатам,
сидящим внутри этих танков <…>

Прежде, чем я подохну,

как – мне не важно – прозван,
я обращаюсь к потомку
только с единственной просьбой.

Пусть надо мной – без рыданий –
просто напишут, по правде:
«Русский писатель. Раздавлен
русскими танками в Праге».

Сплетенно-двойственное поколенческое существование превратилось во вновь расколовшееся напряженное существование, еще раньше усугубленное гражданской казнью Пастернака, получившего Нобелевскую премию за напечатанный за границей роман «Доктор Живаго», судом над Иосифом Бродским и Абрамом Терцем и Николаем Аржаком (Синявским-и-Даниэлем).

Я хочу подчеркнуть единственное число этой, как говорил Библер, двойчатки. Речь не столько о «возвратно-негативной», по Дубину, связи между «старшими» и «младшими», а о единой нити мышления. Она или есть или ее нет, независимо от старших/младших. Конечно, есть и возвратно-негативный процесс, дихотомический челнок ходит туда и сюда, но в целом создает нечто одно, трудно разделимое, никому в голову не придет раздвоить реально вставляемую в иглу швейной машинки нить. Все время надо делать какие-то едва заметные микропереходы. Разрывы внутри поколения проходили через множество капилляров, которые делали чужими людей, даже воспитанных в одной среде. «Мы с вами одни и те же книжки читали, Шекспира», – пробубнил молодой прокурор, когда меня вызвали в прокуратуру, выявляя друзей или сподвижников Сергея Дмитриевича Ходоровича, одно время возглавлявшего Русский общественный фонд Солженицына после его высылки. Что уж говорить о разнице между обывательским и активно-личностным отношением к происходящему. Обывательское отношение базировалось на признании стадности, ее девиз «быть как все», редкие дети не слышали его от родителей. И дети, слушавшие родителей, дававших им такой совет, поколенчески мало от них отличались. Здесь шла четкая трансляция знания, поведения, оценок, отношения от отца к сыну, где отец и сын по сути тождество; здесь действительно нет времени. *Логически* традиционно-профессиональное кодирование вообще исключает поколенческую составляющую, здесь реально воспитываются два в *одном*, род как одно, хотя *темпорально* это и может быть представлено как смена поколений.

Проблема поколения, безусловно, связана с проблемой лидерства, его признания и передачи достижений, как о том пишет Дубин. Это проблема XX в. Но и в XX в. лидерство и передача достижений важны для любой профессии, кроме философии, где признание связано не с достижениями. Здесь важны совершенно другие составляющие: удивление, ум, понимание, диалог, умение его вести. Трансляция знаний, безусловно, происходит, но они являются как бы пролегоменами к пониманию, которое вряд ли транслируется: это глубоко интимный процесс, связанный с внутренним изменением всего человека. Не ты захватываешь знание, знание захватывает тебя. Если брать поколение с этой точки зрения, то здесь нет старших и младших, как и нет соответственно конфликта отцов и детей. Впрочем, на мой взгляд, эта проблема изначально неверно названа, ибо и в том случае, с какого она обозначилась, с «Отцов и детей» И.С. Тургенева, речь шла не столько о дифференции между конкретными отцами и детьми, сколько о проблеме соотношения старого и нового образа жизни, т. е. дело не в возрасте. Отцами могут быть *все* люди, живущие обывательски, по дедовским заветам, а детьми – *все* обладающие способностью преображаться (евангельские слова «будьте,

как дети» обращены к каждому человеку, даже старику). Именно этой проблемой, как кажется, на деле был озадачен Тургенев.

Сомнение в необходимости лидерства, поставленное нашим – философствующим – поколением, сейчас испытывают и некоторые политики, созидающие партию нового типа, требующие не лидерства, оставленного в XX в., а разумного менеджмента, управления с одной платформы разными проектами в условиях риска и неопределенности, представляющие организаторам проектов большую степень свободы в выборе решений. Можно предположить, что в создании такой платформы могли бы найти реальное применение идеи диалогики В.С. Библера, который в нашем вневедомственно сложившемся философском семинаре был не лидером, но несомненным авторитетом и дирижером. Цель семинара, который он вел несколько десятков лет, для его участников состояла в том, чтобы попытаться каждому в своей предметной области постичь логику мышления разных эпох (античной, средневековой, нововременной), показать его возможности, трудности и момент возникновения необходимости одного для другого.

«Я – работник и друг»

Это слова Норы Яковлевны Галь (1915 – 1991). Старшее «наше» поколение – боевое, умное, безоглядное – действительно умело работать и дружить. Сейчас обострилось время воспоминаний, архивных публикаций, время осмысления времени, вот и о Норе Галь вышла книга документов, важных для определения принадлежности «собранию разных» и для микроистории: биография, благодарности, отзывы на переводы (прежде всего Сент-Экзюпери), на постановки «Маленького принца» от самых разных людей: от пенсионеров и студентов до мощных профессионалов, плохие и хорошие.

Девиз Норы Галь: «Работаю с неслыханной охотою / Я только потому над переводами, / Что переводы кажутся пехотою, / Взрывающей валы между народами» (Б. Слуцкий). Девиз странным образом перекликается с «Воспоминаниями о войне» Н.Н. Никулина, которого она не знала, где погибающая пехота именно работала, взрывая валы.

Ее друзья: Фрида Абрамовна Вигдорова (мемуары о ней составляют своего рода книгу в книге), Раиса Ефимовна Облонская, дочь Эдварда Борисовна Кузьмина, внук Дмитрий Владимирович Кузьмин и все, кто написал воспоминания.

Нора Галь – псевдоним, который по сути не псевдоним, а, как она сказала, «просто сокращение: конец паспортного имени» (Элеонора) «и начало фамилии» (Гальперина) [Нора Галь. Мама Маленького принца… 2019: 15]. В этой книге разные разности, документальные бережно сохраненные материальные остатки человеческой жизни, пропитанные ее духом. Например, из издательских заявок на переводы – обширных, с раскрытием характеров героев книги, с доказательством необходимости и актуальности их публикации – можно судить о литературном процессе Франции, Англии, Америки, настолько серьезно, профессионально, деликатно и доверительно они пишутся, – о Дж.Б. Пристли, А. Камю, Р. Брэдбери, Х. Ли, Т. Драйзере, Э.Л. Войнич, Т. Вулфе, Н. Шюте и, конечно, А. Сент-Эксе. Из переписки с редакторами узнаешь, как исправляли огрехи в изданных книгах, придумывались тематические сборники. И, конечно, о долге дружества: «с уходом из жизни старшего поколения переводчиков-кашкинцев Нора Галь принимает на себя миссию – хранить их память, а для этого прежде всего надо напоминать читателям (и издателям!), что Хэмингуэй не писал по-русски, у многих книг, которыми восхищаются в России не одно поколение, есть и второй, по-своему не менее надежный автор» [Там же: 46]. Потом уже друзья Норы Галь предлагают издавать ее книги. Такая круговая порука – свойство этого поколения.

Однажды Эдда, с института дружившая с моим мужем, пригласила нас с маленьким сыном на день рождения Мити, когда тому исполнилось два или три года. Туда же пришел

и друг семьи – с бородкой, небольшого роста, – нежно общавшийся с мальчиком. Разговор зашел о детской литературе, и я высказалась в том духе, что вот-де мы читаем «Приключения Буратино» и «Волшебника Изумрудного города», подписанные именами А.Н. Толстого и А.М. Волкова, которые адаптировали истинных авторов – К. Коллоди и Л.Ф. Баума, имен которых на обложках нет. И этот человек сделал мне строгий выговор, прочитав на детском празднике почти-лекцию о семантических трансформациях в переводе, о том, что это вообще *другое* переложение. Трансформации, разумеется, были, поскольку их не может не быть в переводе, но, по-видимому, акцент был сделан именно на того самого автора-переводчика, «надежного автора», действительно вводившего читателя в более широкий мир, чем его собственная обитель. Стыд от этого выговора сохранился и по сей день, хотя и тогда, и тем более сейчас мне есть что ответить и по поводу двух авторов, и относительно смысловых переиначиваний – я всю жизнь этим занимаюсь.

В щепетильном отношении к слову, к чтению корректуры, к редакторской правке, в подробных объяснениях своих и редакторских вставок и изменений, присутствуют уважение и доверительность, хотя не со всеми оценками Норы Галь можно согласиться. Например, с отказом ввести в однотомник Брэдбери рассказ «Город» не только на основании того, что его мысль о преступлениях, которым нет прощения, выражена «в кровавых и натуралистических образах», но прежде всего потому, что она считала «вреднейшей ошибкой преподносить молодому читателю подробные описания вивисекции… гуманистический лейтмотив заглушают ноты… глубоко нам чуждые» [Там же: 67]. Все-таки кажется, что «молодому читателю» можно бы оставить свободу выбора (не говоря о том, что о вивисекции спокойно пишет сейчас Нобелевский лауреат О. Токарчук).

Это, конечно, еще одно выражение поколенческого слома: одной ссылки на вкус маловато, а вот идеологическая пришлепка – сила. К тому же Нора Галь иногда употребляет когда-то обычные, но для иных из нас и в 1965 г. ставшие уже невозможными выражения вроде «пресловутого "свободного мира"». Употребляет, правда, защищая рассказ Брэдбери, который грозились выкинуть из сборника по фантастике, а потому не исключено, что она использовала их «по необходимости», так же, как я спустя почти десяток лет, предлагая к изданию книгу Петрова, ссылалась на слова Ленина. Как писала младшая дочь Фриды Абрамовны Вигдоровой А. Раскина, «Н.Я. не питала никаких иллюзий насчет Советской власти. Но, осуждая творившиеся вокруг беззакония, она не была диссидентом, не участвовала в публичных протестах. Придерживалась принципа: каждый должен делать свое дело на своем месте – то, что он лучше может и умеет» [Там же: 506].

То же говорит и внук Норы Галь Дмитрий Кузьмин, представитель другого поколения, наших детей, нынешних пятидесяти-шестидесятилетних, и всерьез другого направления мысли, однако не корневого, но более решительного. И это оправдывает мои предположения о смысловом единстве разных возрастных колен, благо что пара бабушка/внук – всерьез свидетельствует именно колено, род. На вечере памяти Норы Галь в 1992 г. Дмитрий, будучи еще студентом, говорил о необходимости бережно относиться к культуре и человеческой личности, потому что «и той и другой недостает» нынешним лицемерам: «смутное время, время дутых величин, первый на Родине сборник стихов Айги со снисходительно-растерянным предисловием Евтушенко (представьте на минуту: Пушкин с предисловием Бенедиктова), – ах, как весело будет смеяться потомкам, как горько приходится смеяться нам» [Там же: 465]. На следующее высказывание хотелось бы обратить особое внимание. «Вот прискорбное следствие давней декларации того же Евтушенко: "Поэт в России больше, чем поэт!" Страшное заявление – и потому, что больна та страна, несчастен тот народ, где поэту недостаточно быть просто поэтом, и потому, что "больше, чем" оборачивается в сущности "уже не"… Бабушка Нора не была больше, чем переводчиком… Она была Переводчиком – и только…» [Там же: 465].

Общество перевода

«Была Переводчиком». Уйдя в полемику о реваншизме графоманов, Дмитрий Кузьмин не заметил, что на деле определил эпоху, в которой и до 1991 г. (Нора Галь умерла на грани эпох: в год краха советской власти) и вплоть до настоящего времени переводчик был не только одним из родов литературной деятельности, но и все роды гуманитарной деятельности стали переводческими. Новые поколения переводят мысли Платона, Августина, Декарта, Канта в собственную мысль, укореняя их там и питаясь ими. Когда-то были, например, кантианство и платонизм как направления исследовательской мысли, сейчас – *общества*, раскрывающие культурный потенциал философских идей *для широкой аудитории*. Будто мы эти идеи щелкаем как орехи. И диссертации чаще всего защищаются о тех проблемах, которые поставил некий замечательный философ, о котором пишущий заявляет, как правило, что он *не претендует* на полное раскрытие идей.

Мы говорили, что у нас хорошая переводческая школа, знали переводчиков. Перевод был повсюду, была радиотрансляция, т.е. радио*передача,* радио*перевод,* учились английскому, чтобы понять песни Биттлз, исследовались различия в трансляции разных культур, ибо трансляция обеспечивала общение, ставшее особенно востребованным после многолетнего отрыва от мировой культуры. Борьба с «культом Сталина», синонимом тоталитарной системы, означала борьбу за *общение* – не только внутриличностное, источником которого является «живущее поколение людей», но и с природой, которая при одинаковых требованиях, предъявляемых живому, позволяет адаптироваться к ней людям с разными социальными установками, наборами знаний и механизмами их передачи или переустановления. К трансляции-переводу относится и обучение с делением учитель/ученик, и Нора Яковлевна, как следует из документов, этим хорошо пользовалась.

Очевидно, что «Культура вообще – не развлечение», но вот утверждение, что «поэт – всегда гражданин», что «далекие от любой социальности Мандельштам и Ахматова – куда больше граждане России и мира, чем наступивший на горло своей песне Маяковский…» [Там же: 465–466] можно отнести скорее к хлесткости и молодому задору Кузьмина. Что например, значит эта всеобщая – с прописной буквы – Культура, если это понятие стало всеобщим лишь в XX в. И хотя оно существовало с Цицерона как определение философии (philosophia – cultura animi), Амвросий Медиоланский в IV в. предложил забыть его, поскольку оно означало языческую традицию, в то время как Христос вечно нов. И на тысячу лет оно было забыто.

Но ведь и правда – что это такое: «поэт в России больше, чем поэт»? Тоже молодой задор! Что может быть вообще больше поэта, точно, в полном напряжении словесных сил сказывающего бытие. «Не знающий Гомера да не войдет!» – точно не войдет в Аристотелев Ликей. «Больше» для Ансельма Кентерберийского было указателем на Бога. «Бог есть такое Иное, больше которого нельзя ничего помыслить». Да и Библия написана стихами. Бог дал поэтическое слово. Поэт в *том* понимании действительно больше, чем в *этом.* Но вот всегда ли поэт – гражданин? Термин «гражданин», а им в древности мог быть только свободный, связан с *политическим* устройством, поэтами же могли быть и рабы (Федр, Эзоп), которые были свободны не политически, а внутренне, и эта внутренняя свобода определяла их поведение. В тех высях, в том одном, где пребывает поэт как родоначальник речи, где речь не подслушивается, а рождается, нет ни гражданина, ни раба. Нора Галь была внутренне свободна, именно это определяло ее способность добиваться вертолета для больного переводчика, переиздания сочинений друзей-переводчиков, переиздания книг и увековечения памяти Вигдоровой.

И Мандельштам, и Ахматова, и, разумеется, Маяковский, поэтический авторитет которого в те годы, когда писал Кузьмин, был поколеблен в немалой степени книгой «Воскресение Маяковского» Ю.А. Карабчиевского, в том же 1992 г. покончившего с собой, были граждане, разно болевшие за страну. Как и Карабчиевский. Он был другом Лины Тумановой, был моим другом, наши дети дружили. Мы с ним ходили в издательство «Наука» на просмотр фильма «Покаяние», который шел тогда по отдельным залам. И он тут же – отчаянный человек – высказался против этого фильма, считая его «птичий язык» (так он назвал символическую идею фильма) свертыванием настоящей проблемы. Мы с Карабчиевским носили передачи Лине, когда она сидела в Лефортово, он ходил к нам на библеровский семинар, где мы специально обсуждали «Воскресение Маяковского», эту книгу поэта о поэзии, настолько она была проблемной. О строчке Маяковского «Я люблю смотреть, как умирают дети» Библер говорил: надо видеть и знать контекст, а мы набрасывались на него, считая, что само содержание строки распространяет в воздухе заразные бациллы. Никогда не отстранявшийся от социальных проблем Маяковский, был, разумеется, гражданином с весьма трагической судьбой. Не случайно Пастернак «Охранную грамоту» закончил эпитафией Маяковскому, жизнь которого испытала воздействие «нашего ломящегося в века и навсегда принятого в них, небывалого, невозможного государства», от тяжелого наступления которого уйти можно было только в смерть. Да и чем одним можно мерять меру гражданственности? Тем более я не стала бы столь решительно утверждать об асоциальности Мандельштама с его «Пора вам знать, я тоже современник, / Я человек эпохи Москвошвея», «арестованный медведь гуляет – / Самой природы вечный меньшевик» или «Попробуйте меня от века оторвать, – / Ручаюсь вам – себе свернете шею!» Строки же Ахматовой «Я была тогда с моим народом / Там, где мой народ, к несчастью, был» очевидно опровергают это утверждение. Причем они, Мандельштам и Ахматова, не только не далеки от *любой* социальности, но очень близки *своей*. Отношение к государству было иным, чем у Маяковского, но социальную реальность они черпали горстями.

Жесткость Кузьмина, родившегося в конце Шестидесятых, успевшего заразиться порядочностью, воспитанностью, ответственностью, дружеством, достоинством, отличавшим определенные круги поколения, к которому принадлежала Нора Галь, вызвана и реваншизмом литературных (и не только) спекулянтов, и брезгливостью к невежеству. Поколение Норы Галь отличало каждодевная профессиональная *работа*, преобладающая над бытом, тем более работа со *словом*, которое может быть живым и мертвым («Слово живое и мертвое» – не переводная, а собственная книга Норы Галь), тождественным *истине*, принадлежащей не прошлому, но *выраженной* в прошлом и представленной в иносказаниях. Так, названия томов энциклопедических словарей можно прочитать озадачивающе «Евреи до Железняков» или «Гравелат до Давенант», «почти в точности повторяя два имени героя романа А. Грина "Дорога никуда"» [Там же: 495]. Это-то и составляло *быт*, от которого некуда деться, поколения. А. Раскина рассказала именно о таком быте, о том, что такие отношения со словом, со смыслами слова, с его тропическими (от слова «троп») возможностями, были в порядке вещей, действительно взращивая культуру мышления, к которой обращаются друзья и даже квартирный кот, приходящий к Н.Я. за духовным общением и, как правило, «лежащий на письменном столе рядом с пишущей машинкой» [Там же]. Лингвистические игры и головоломки, криптограммы и рифмы, шарады и «пазлы» были жизненной необходимостью. Кто бы при загадывании слова «пощечина» «с лёту сочинил такую изящную фразу», как «фрак апостол перемазал: видно, запонки желтеют» [Там же: 499]?! Одни только рифмы к «Европе» («С чем рифмуется Европа?/ Начинаем без поклепа, / Без экзотики и трепа, / В два притопа, в три прихлопа, / Не с попа, так хоть с распопа?/ С Аввакума протопопа…») смогли бы организовать всех знатоков и любителей литературы с XVII-го по XX век.

И если говорить о семье как ячейке-передатчике традиционных связей, то не о той, что базируется на квази-патриотической платформе, а на платформе живой жизни слова [Там же: 484].

Свои – чужие: застой

Про застой тоже много написано, т.е. про закручивание гаек, как говорили, во времена Л.И. Брежнева, начавшееся – особенно – после подавления «Пражской весны». Демонстрация семерых против такого вмешательства на Красной площади 25 августа 1968 г. (Л.И. Богораз, П.М. Литвинов, В.Н. Делоне, К.И. Бабицкий, Н.Е. Горбаневская, В.А. Дремлюга и В.И. Файнберг) произвела шок. Почти невозможно было представить себе горстку безоружных людей против набросившихся на них людей в форме. В 1986 г., не в 1968-м, мы с маленькой дворнягой Митричем пошли на Красную площадь 9 мая, когда гуляющий народ был разделен линиями солдат во избежание беспорядков. К нам подбежал патрульный офицер и потребовал с собакой убраться. Мы убрались, но я помню холодок в сердце от его слов. Здесь же – одни на площади, пахнувшей кладбищем и тюрьмой…

Мир застоя, или развито́го социализма, фактически оформился принятием новой Конституции СССР в 1977 г., в которой была закреплена однопартийная система, а народ скопом стал называться советским. Я помню, как в журнале «Природа», не желая переносить политинформацию, посвященную Конституции, на другой день из-за неявки докладчика, я вызвалась рассказать о ней, забыв при перечислении ее «достоинств» упомянуть пункт про новую общность. Наш художник, П.Г. Абелин, тут же напомнил об этом, считая, что это статья направлена против антисемитизма. Вопреки его желаниям, однако, антисемитизм никуда не делся, но из Конституции все же убрали пятый пункт и давали возможность евреям уезжать в Израиль. Гражданская активность в это время возросла: изменения советского строя уже жаждали не только литераторы, но и ученые (естественники и гуманитарии – Сахаров, В.Ф. Турчин), поднималась волна недовольства и в так называемых «автономных» республиках, особенно в среде бывших переселенцев. Этому способствовала и развязанная СССР война в Афганистане, от которой мы правдами и неправдами спасали наших подросших сыновей.

Но бунтов стало больше, за которыми следом шли какие-то странные послабления. Бульдозерами и водометами растерзали нонконформистскую выставку художников (мы были в Беляево вместе с десятилетним сыном), восстановленную этими художниками тотчас – в квартирах почитателей и соратников: у меня дома три картины из дома на Рождественском бульваре, а уже через год мы выстаивали очередь в павильон «Пчеловодство» на ВДНХ, где она была официально открыта.

О застое были прекрасный цикл песен Галича о Клим Петровиче Коломийцеве. Я их все помню, но особенно «О том, как Клим Петрович выступал на митинге в защиту мира» Галич – драматург, песни драматургически выстроены. Речь о том, как к знатному рабочему Клим Петровичу, работавшему в цехе по производству колючей проволоки, передовом, надо сказать, цехе – он добивался для него звания Цеха Коммунистического труда, – приехал порученец и повез его на митинг, передав заранее заготовленную речь для выступления. Клим Петрович так об этом рассказывает:

Приезжаем, прохожу я на сцену,
И сажусь со всей культурностью сбоку.

Вот моргает мне, гляжу, председатель:
Мол, скажи свое рабочее слово!

Выхожу я,
И не дробно, как дятел,
А неспешно говорю и сурово:

"Израильская, – говорю, – военщина
Известна всему свету!
Как мать, – говорю, – и как женщина
Требую их к ответу!

Который год я вдовая,
Все счастье – мимо,
Но я стоять готовая
За дело мира!
Как мать вам заявляю и как женщина!.."

Тут отвисла у меня, прямо, челюсть,
Ведь бывают же такие промашки! -
Это сучий сын, пижон-порученец
Перепутал в суматохе бумажки!

И не знаю – продолжать или кончить,
В зале, вроде, ни смешочков, ни вою...
Первый тоже, вижу, рожи не корчит,
А кивает мне своей головою!

Ну, и дал я тут галопом – по фразам,
(Слава Богу, завсегда одно и то же!)
А как кончил -
Все захлопали разом,
Первый тоже – лично – сдвинул ладоши».

Меня, когда я это вспоминаю, и сейчас давит смех.

В литературе оформились идейные направления: «военная проза», «деревенщики», «городская проза», «историческая проза», «молодежная проза», «фантастика». Братья Стругацкие и братья Вайнеры шли как бы отдельным жанром. Все это выдавало напряженную работу мысли, слова, дела, исподволь меняющую действительность. Появились очень сильные писатели-очеркисты, которых привлекала злоба дня (Ю.Д. Черниченко, А.А. Аграновский), документальная литература (Д.С. Данин, который заведовал кафедрой кентавристики в РГГУ, Л.Э. Разгон), на телевидении возникла программа «научный театр» (И.М. Губерман, И.И. Дуэль). Тогда на телевидении была поставлена моя пьеса «Четыре дороги к истине», где о восстании Этьена Марселя в Париже 1356 – 1358 гг. рассказывали четыре хрониста: Жан де Венетт, Нормандский аноним, Жан Фруассар и Пьер д'Оржемон. До сих пор жалею, что не опубликовала эту пьесу в книге «Воскресение политической философии».

Из рук в руки передавали произведения Н.А. Бердяева, П.А. Флоренского, конечно, Оруэлла «1984», у меня был перевод Миши (Михаила Константиновича) Петрова, утраченный во время ожидания обыска и ныне, к счастью, изданный. Огромный резонанс произвели «Зияющие высоты» А.А. Зиновьева: философы, начавшие консолидироваться в группы, тоже не выдержали, к тому же книга оказалась под стать литературным произведениям, показав «из какого сора» возникает внутренняя философская жизнь.

Когда еще романы и повести многих из тех писателей, которых я перечислила и не перечислила, трудно или даже невозможно было найти в книжных вариантах (компьютера еще в помине не было – до девяностых еще двадцать лет) – я выдирала из журналов мне нужное и, казалось, нетленное и переплетала как отдельные книги. Среди стихов – вдруг – старые вирши Пастернака, публикацию которых готовили его сын Е.Б. Пастернак и Г.Г. Суперфин, который в 1974 г. станет работать в «Новом мире» и, являясь сотрудником «Нового мира», будет арестован то ли за «Хронику текущих событий», то ли за помощь А.И. Солженицину в «Красном колесе», то ли за сборник материалов об аресте А.И. Гинзбурга, Ю.Т. Галанскова, А.А. Добровольского, В.И. Лашковой, в общем – все за ту же «антисоветскую агитацию и пропаганду». В стихах страница вздрагивает от пастернаковского внушения «опомниться, надеть башлык и выйти / к другим, к потомкам, как из забытья». Стихи, написанные в 1928 г., вновь ожили в конце шестидесятых, пригодившись не только «Маньке из обувного»: поэт осознал себя живущим «в мире в первый раз, на вас и вашу прелесть глядя».

Снова Пастернак, и снова разрыв: настала эпоха, почему-то (видимо, все-таки из-за косной власти) названная застоем, но в которой действовали обогащенные и возмужалые духом насельники оттепели. Конец эпохи драматизировался обещанием Ю.В. Андропова искоренить (пересажать, выслать) всех диссидентов.

Сейчас любопытно смотреть на свои книжные полки, где рядом лежат фотокопии, ксерокопии, какими-то путями прибывшие зарубежные издания и, наконец, типографски изданные книги одного и того же сперва недозволенного, а потом дозволенного в СССР автора; лежат рядом журналы в одинаковых обложках: прежде реакционные «Огонек» и «Октябрь» с теми же, но повернувшимися на 180^0 «Огоньком» и «Октябрем». Такой набор уже мало кого интересует. Ибо «никакой сущности у него [мира] теперь не было. Во всем царила страшноватая неопределенность». И хотя Пелевин написал это о поколении, родившемся от шестидесятников XX в., но ведь и шестидесятники в нем до сих пор участвуют, играя не решающую, но и не малую роль, раз до сих пор говорят о пенсионерах, якобы мешающих жить по-новому. О пенсионерах говорят как о целом поколении, в то время как оно фатально разделено. Те же, кто еще помнит оттепель, внутренне подавлены: мир в хаосе, или в той точке, по Кузанцу, где все смешалось и еще не настало время разворачивания.

«Нетерпение» Трифонова (о забытом и едва ли не проклятом сейчас А. Желябове) начинается: «К концу семидесятых годов современникам казалось вполне очевидным, что Россия больна».

Роль микроистории в определении качества жизни

Моя память переполнена вещами, которые принадлежат ведению микроистории: кухонными драками (вторая половина 1940-х), когда кричащие сумасшедшие женщины, готовые поубивать друг друга, швырялись кастрюлями, летавшими над головой, а немногие мужчины, оказывавшие к этому времени дома, их ловили. Это напоминало игру в лапту. Быт и бытие множества семей были совсем иными, чем в то же самое время в окружении Норы Галь, – от невозможной скученности, переполненности этих самых кухонь людьми, не знавшими другого способа жизни. Когда посадили за воровство нашего соседа Юрку Чуму, его все жалели: безотцовщина, а Фрося, мать, работает, «убивается», с ним не справляясь.

Это было время, когда действительно еще были поколения, были – уж точно – мамы и дети, которые должны были этих мам слушаться, иногда случались и папы (у многих отцы погибли); могли быть бабушки и дедушки. Няни были в очень высокооплачиваемых семьях; мы видели детей из таких семей в начале ул. Горького. В нашем районе даже мысли о няне

ни у кого не возникало. То, что я сейчас упоминаю о нянях, – свидетельство, что я пишу в более позднее время.

«Факты свидетельствуют о том, что "реальный мир" в значительной мере бессознательно строится на языковых нормах данного общества. Не существует двух языков настолько тождественных, чтобы их можно было считать выразителями одной и той же социальной действительности. Миры, в которых живут различные общества, – отдельные миры, а не один мир, использующий разные ярлыки» [Сепир 1960: 77]. В таком случае любая целостная территория мира должна быть испещрена границами с берлинскими стенами.

Во дворе, вопреки Сепиру, соприкасались и понимали друг друга все жизненно-языковые разряды. Мы с сестрой ходили в шляпках и слышали в свой адрес слова, какие и сейчас я не употребляю. Эти же слова я услышала от своего тренера по легкой атлетике, когда, намного оторвавшись от всех в беге на 800 м., остановилась и решила из солидарности подождать остальных, а потом первой прибежать к финишу, потеряв при этом драгоценное время. Я об этой потере не думала, но о ней думал тренер, которому важны были спортивные результаты. В этом языковом вавилоне был отсвет слабо понимаемых идей свободы, равенства, братства и столь же слабо понимаемого, но очевидно присутствующего диалога, не случайно эта теория приобрела вес именно в XX в. Я привела грубый пример, связанный с обсценной лексикой, но и она имеется в виду М.М. Бахтиным в книге «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» [Бахтин 1965].

Сейчас сеть расставила свои ориентиры. Конечно, есть дети, родители, бабушки-дедушки, но в принципе возрасты и речи перемешались. Мой внук меня, отца и мать называет по имени. В приоритете – общность интересов, обмен знаниями, авторитет ума, не элит (слова Т.Б. Любимовой: «элиты много, а авторитет один» – конфликтуют с постоянным журнально-телевизионном указании на некие элиты, которые постоянно опрокидывают здравомыслие), и не авторитет информации. Ибо мгновенно можно оказаться вне пределов досягаемости, просто потеряв мобильник.

Отношение к реальности, соответственно к поколениям начал менять кинематограф. Визуализация способствовала тому, что ощутимо сблизились прошлое и будущее, их представление перестало быть проблемой: они вот сейчас, на экране сначала белого киноквадрата, потом компьютера, мобильника, другого гаджета. Актеров стали называть именами их героев. Историю Александра Невского знают по фильму С.М. Эйзенштейна. Мы не только понаслышке знаем о нашем предке, но вот сейчас получили возможность видеть его таким же молодым или старым, как сам. Мой внук создал своеобразную классификацию: «Мы – разные, – сказал он, – а вы, черно-белые». «Как это?», – удивилась я. «А ты посмотри старые фотографии, они черно-белые». «А XIX век, когда фотографий не было?» – «О, они цветные – были картины…» При этом он не отрицает, что в его «мы» входим и мы, сохраняя в «разнообразии» черноту-белизну, ибо сохранили резкость суждений, стремление дойти до самой сути или «предельности оснований» и на том стоим.

Это черно-белое, конечно, обнажает различие между «нашей» ушедшей и «нашей» нынешней эпохой, но кадры захвата Зимнего, похождений Фанфана-Тюльпана, походов викингов или беспримерного сражения Леонида с персами в Фермопилах рядоположены. Зритель оказывается в ближайшем соседстве не с костями и скелетами, а с живыми людьми, имея дело с одновременной реальностью. В этом смысле весьма показательны экзамены: студенты бегло рассказывают о содержании тех или иных учений, но на вопрос, когда это случилось или где о том сказано, часто затрудняются ответить. Воспоминания, вроде тех микроисторических событий, что я пыталась описать выше, сейчас идут в ряду этого же аудиовизуального ряда.

Реальности перекрещиваются. Нарративы о происшедшем тем и интересны, что они обнаруживают этот перекресток и пограничье, где нарратив, обозначая некое событие, «понимает», что описание –это не событие, даже не его срез, а *другое* его, столь же реальное существование, увиденное другими глазами, глядевшими в другие источники. Оба события возможны как *оба* события при наличии свободы суждения, меняющего представление о времени. Факт, т.е. нечто *уже свершившееся*, когда о нем *говорится*, становится со-временным, где вчера и сегодня начинают слипаться. Если «отделительный» падеж от существительного «вечер» означает «накануне сегодняшнего дня», т.е. прошедшее, то выражение «*сегодня* вечером» ближе к будущему времени. «Ни один момент времени никогда не мог бы перестать быть, и ни один момент никогда не мог бы стать другим моментом» [McTaggart 1927: 52–54, 62, 121–122]. Это ответ на вопрос, зачем нам надо изучать прошлый опыт – он в нас, хотя скрыт в памяти. Нашими языками говорят забытые предки.

В 1990-е годы у историков была дискуссия о роли микроистории относительно макроистории. Многие говорили, что микроистория, сколь бы значимой она ни была, является всего лишь функцией макроистории, ее частью, высвечивающей целое. Я не думаю, что этот взгляд верен. Более того, скажу, что он родом из тоталитарной истории. А микроистория – родом из уже сетевого мира, в каждом его мелком событии «копается анапест» (Пастернак). Капля уже целое. Не то, частью чего является эта капля, но капля сама как то целое, без которого она невозможна. Капля подобна точке: она вне и внутри этого целого. При сворачивании в точку всех вещей, точка вне целого, при разворачивании – внутри его. Вне Сети – тишина почти Гамлетовская. Каким-то образом в ту тишину можно попасть через тишину писания.

Динамика застоя, или «Пеньковая душа эпохи»

Художественная литература дала мощный анализ «нашего» поколения. Помимо опубликованного архива Норы Галь, можно назвать роман А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени», о последнем военном поколении. Когда я прочла книгу, удивилась, что он тоже, как в нашем дворе, употреблял словцо «простонародье». Я, как и Чудаков (в куда меньшей степени!), записывала старые вышедшие из употребления, но каким-то образом всплывавшие слова: «карандух», «упундычился», «капуста осеклась» в смысле «отдала сок», «оговаривать» не в смысле лжесвидетельствования, а в смысле «не делать замечаний», «окапиться». Записывала и случайно оброненные выражения, соединявшие – случайно, конечно же, – две усеченные пословицы, создающие комический эффект типа «Бабушка вилами на воде писала». Даже перечислить трудно те необыкновенно динамичные черты эпохи при политическом застое, не сравнимые с затхлыми нынешними скрепами и жухлыми словами (вроде «сниккерснись») молодых и зрелых современников. Только такая динамика и позволяла идти сквозь, как определял Мандельштам, «пеньковую душу» идейных бюрократов, которые, впрочем, иногда оказывались оборотнями и не в худшем смысле слова.

В Институте всеобщей истории в секторе по подготовке «Всемирной истории» работал М.С. Восленский. Нас с Е.М. Михиной после разгона сектора методологии истории направили туда на работу. После разговора с Восленским вышли с твердым убеждением дела с этим человеком не иметь: в золотых очках, разговаривает вкрадчиво, осторожно. А через некоторое время оказалось, что он, будучи в командировке в ФРГ, стал невозвращенцем. Работал комментатором на радиостанции «Свобода» и написал книгу «Номенклатура».

Многие научились «жить по правде», обходя идеологические препоны: шли в рабочие, как Ю.А. Карабчиевский (1938–1992), в дворники, как его сын Аркадий (Аркан Карив, 1963–2012), преподавать языки. Но социальная и профессиональная жизнь большей части интеллигенции, не способной к таким радикальным переменам, зависела от идеологической

острастки. «Есть в США Пентагон, и мы присутствуем сейчас на докладе одного из его представителей». Так говорил А.Н. Чистозвонов, «не к ночи будь помянутое» имя, заведующий сектором истории средних веков в Институте всеобщей истории, на семинаре, где слушали выступление А.Я. Гуревича, одного из лучших историков страны. Однако способность, хотя и в другом направлении, идти за кем-то, примыкать к чьей-то позиции без рефлексии этой позиции сохранилась и в нынешних поколениях, родившихся от поколения Шестидесятых. Это все та же идеологически отравленная часть его, с которым, правда, уже произошли внутренние перемены. И не является ли бездумное следование авторитету особенностью любого человека, живущего в зоне универсально-понятийного кодирования, т.е. внутренне зависимого от общего (массы), даже если сам он считает себя отличным от нее? Умеем ли мы и по каким признакам, составляя оппозицию масса/отдельный индивид, отличить такого человека от «массового»? Разве только по участию в «комиссиях по нравственности», клеймящих людей *без анализа их взглядов* или не способных к такому анализу? Годится ли вообще такая оппозиция (масса/индивид) для характеристики человека, ибо известно, как он может мимикрировать?

«Масса, – говорил наш современник Ж. Бодрийяр (1929–2007) в «Паролях», – когда она стала объектом социологического исследования, уже была феноменом фрактальности, феноменом виртуальности и феноменом вирусности» [Бодрийяр 2006]. К массе в таком случае уже нельзя относиться просто, как к чему-то обыденно стойкому. Для Бодрийяра эта же проблема цельности актуальна и в отношении индивида, который, как объект исследования тоже оказывается, хотя и «полностью фрактальным, то есть не разделенным… но рассеянным, размноженным до бесконечности. По сути дела, в культурном отношении он уже клонирован, и ему нет смысла клонировать себя генетически… клоны в плане склада мышления и культуры у него, во всяком случае, уже есть – сегодня это не вызывает сомнений» [Там же].

Как возрастное деление может свидетельствовать только о биологической природе, что использует власть в нынешней ситуации, так и человек в разные моменты своей жизни может *быть* (как отдельно мыслящее существо) или *не быть* (принадлежа к массе), или *быть в собрании разных*.

Что было делать?

Те, кого сейчас называют Шестидесятниками и кто на деле равной составной частью входит в одно большое поколение, были интеллектуально жадные, читали и участвовали во всем, что можно и чего нельзя. Складывались «свои группы»: *щедровитяне* (те, кто ходил в кружок к Г.П. Щедровицкому); сектор Ю.В. Левады в ИКСИ; семинары Н.И. Родного, М.Д. Рожанского, Библера, Туровского; была группа историков вокруг М.Я. Гефтера (он называл их «мои молодые друзья»). С его благословения был создан журнал «Поиски» (одну из главных ролей в нем играл Арсений Борисович Рогинский), делавшийся втайне от всех, кроме КГБ. А.П. Огурцов, друг Гефтера, страстный книгочей, как-то спросил его: «Делать-то делаете, но где почитать?» Конспирология была свойственна многим.

Я ходила в семинар к Библеру, и, дружа с ним, была одновременно очень дружна с Гефтером, что вызывало некое недовольство обоих, ибо они были друзья-враги. Гефтер был одним из создателей клуба интеллигенции «Московская трибуна». Он, редко лично на нем присутствовавший, просил меня комментировать происходящее на нем, особенно выступления Библера и еще одного создателя «Московской трибуны», но я оказалась для этого негодной, и он эти «полномочия» передал другому. Люди старшего поколения были или полностью открыты друг другу, или не во всем доверяли друг к другу (иногда, скажу шепотом,

используя нечто вроде шантажа), их долго воспитывали в этом недоверии, и оно вольно или невольно пропитывало их. Иные из них сумели в будущем избавиться от такого наследства.

Поколенческий подход явно обнаруживает меру свободы от языка, пропаганды и идеологии, показывает, годятся ли универсальные концепции свободы для описания сознания разных поколений. Но считая себя свободным, поколение *инакомыслящих,* или, как называл себя Гефтер, *аутсайдеров* было в этом строгим, ригористичным, не терпящим возражений и не принимающим компромиссов. Оно было в чем-то не менее жестким, чем надзирающие органы советской власти. Разумеется, когда я говорю об идеологическом освобождении, речь идет о тех, с кем это действительно случилось, потому конфликты возникали не только внутри поколения, но и внутри каждой разорванной поколенческой группы «своих», внутри каждого из разных. Разрыв был такой силы (притом, что это продолжается много лет, с 1953 г. до сих пор), что впоследствии прежде близкие люди намертво расходились друг с другом (так разошлись «кружковцы» Краснопевцева). Нужно было пройти через венгерские события 1956 г., польские и немецкие возбуждения, вторжение в Чехословакию в 1968 г., через «самолетное дело»[3], диссидентские выступления, чтобы воткнуться в Перестройку, когда выяснилось общее недовольство советской системой (подавляющего большинства) и – всем разойтись, оставив поле меркантильным, технократически устремленным, аморальным, властолюбивым, жуликоватым и попросту бандитским группам.

Диссидентские обращения к Западу означали не только просьбы о помощи, их цель – разрушить стену замалчивания происходящего в СССР. Это означало и самовключение в начинавшуюся глобализацию мира. Но при этом возникала такая групповая сомкнутость (зерцало тоталитаризма), которая негласно препятствовала самостоятельному поступку. Такое однажды произошло с Линой Борисовной Тумановой (1936–1985), которую, очень больную, водили вокруг Чистых прудов две дамы, убеждая ее, что она не имеет права сама по себе посылать письмо «на Запад» с призывом выступить в защиту высланного в Горький Сахарова. Она приехала ко мне, обескураженная и возмущенная попыткой лишить ее возможности личного самовыражения. Приводило это к разъединению собрания разных. К этому же вело опасение говорить искренне о несогласии с позициями своих друзей с риском остаться «товарищем отселенным» (был такой персонаж в фильме «Начальник Чукотки») и не справиться с таким отселением. Было и опасение не согласиться с уже сложившимся мнением о ком-то, кто ходил, например, под вывеской «демократ» или «либерал». Я помню собственное недоумение от разговора с В.Я. Лакшиным, которого считала несправедливо изгнанным из «Нового мира» в момент его разгона и которого в то время не печатали. Когда я работала в журнале «Природа», я позвонила ему и предложила опубликовать что-то из остававшегося в его архиве. И мы напечатали его статью «О деятельности В.К. Тредиаковского-просветителя (Перевод книги о Фр. Бэконе)». У нас установились дружеские отношения, позволившие мне во время Перестройки (уже в Девяностые годы) прийти к нему в «Знамя», где он с 1986 г. занимал пост заместителя главного редактора, с повестью М.К. Петрова «Экзамен не состоялся». Он отверг ее, сославшись на ее якобы плохую стилистику и опершись на слова А.Т. Твардовского, сказанные по другому поводу о том, что часто хорошие темы излагаются суконным языком. Я обиделась за Мишу и попросила вернуть рукопись, но рукопись, оказывается, «пошла по рукам» сотрудников редакции, ее вернули значительно позже: так действовал «суконный язык». Помог Анатолий Иванович Стреляный, работавший тогда в «Новом мире»: он почти мгновенно ее прочитал (чуть ли не на следующий день после того, как я вручила ему повесть), предложил в родной журнал, получил отказ, но когда возникла возможность опубликовать в журнале «Дон», безотлагательно написал к ней прекрасное

[3] Пытаясь перебежать на Запад, поскольку легально сделать это было нельзя, некоторые отчаянные люди (Э.С. Кузнецов, 1939–2024) пытались совершить побег, захватив самолет. Свою жизнь Кузнецов описал в «Дневниках».

предисловие. О достоинствах этой повести, равно как и о философском творчестве Петрова теперь после изданий его работ можно судить беспристрастно, но тогда страх, что «вдруг что-нибудь случится», не позволил авторитетному писателю взять на себя риск публикации. Определял ли Лакшин лицо поколения? Безусловно, но той его части, к которой принадлежать бы не хотелось, ибо налицо – ложный либерализм.

Неложное

Было ощущение блефа. Многие думали одно, говорили другое. Объявляли коммунизм через 20 лет, хотя не было и его первой стадии. Определяли в психушки здоровых людей, в тюрьмы – правозащитников. В 1970 – 1980-х гг. в СССР были самые умные дворники. Философа М.К. Петрова взяли на работу в Ростове-на-Дону с условием не ходить на работу. Дети, отцы которых были евреями, брали материнские фамилии. Молодому человеку, сотруднику Института всеобщей истории, подавшему в комитет комсомола заявление о выходе из этой организации, доброжелательно говорили: подождите немного, вот будет собрание, и мы вас исключим. Они даже не понимали, что это – разные акты: выйти из организации и исключить из нее. В редакции научного коммунизма, а значит – и *атеизма*, мы умудрились издать расширенный вариант «Науки и нравственности», в которой заглавную роль играла статья А.С. Арсеньева о *христианской* морали. Научный редактор русского издания В.И. Толстых кричал на меня: «Я в ЦК пойду», – и стучал по столу. Я пожимала плечами. Все книги А.Я. Гуревича были опубликованы, потому что на требование цензоров положить их вот сейчас на стол редакторы отвечали, что забыли рукописи дома.

И все эти противоположные акции происходили в одно и то же время.

Презрение к «грошевому уюту» вместе с тем порождало – одновременно с высокомерием – пренебрежение к себе и отношение к себе как к средству. Я хорошо помню некую Лену, которая, будучи приговоренной к *ссылке* за диссидентскую деятельность, требовала для себя *тюремного* или *лагерного* срока: диссидент должен сидеть. Все это было искренним, но работало и на авторитет внутри «своих», а потом даже на авторитет среди, если не чужих, то людей нейтральных, внутренне сочувствующих, но интуитивно понимающих, что так дела не делаются, ибо они напоминали тимуровские игры с печальным исходом. «Одна против такой махины?» – удивлялись в онкологической больнице соседки по несчастью только что выпущенной из лефортовской тюрьмы Лины Тумановой, когда она вынуждена была рассказать им, почему ей все анализы делают без очереди. Безусловно, за свободу слова можно отдать жизнь (примерно так говорил Вольтер), помня, однако, о том, что нельзя ее отдавать только во имя признания «своими», щеголяя удалью и невнимательным отношением к себе самому. Это тождественно тому отношению к людям, которое всегда выражало российское государство: человек был расходным материалом, который должен был лечь костьми в фундамент великих побед. Риск – великое дело. Он вообще, как говорят латиняне, присущ делу, alea inest in re.

Что высветило диссидентское движение? Термин «движение» стал привычным, хотя, на мой взгляд, именно он нуждается в определении. Сейчас интересно наблюдать, как пишут иногда о себе люди, волею судьбы покинувшие родину. «Я диссидентом не был», чаще всего сообщают они, «но мне (ему, ей) не давали возможности печататься, снимать фильмы, исследовать это, говорить то», т.е. уезжали от невозможности свободно жить. Даже Гефтер, вдохновитель «Поисков», за которые посадили его друзей, называл себя, повторю, аутсайдером, не диссидентом. Реально диссидентами можно считать тех, кто активно и сознательно действовал против советской власти, воззваниями, книгами, действиями побуждая узнать то, что

знать запрещалось. У Лины Борисовны, например, при обыске забрали том Ницше, который теперь печатается тогда, когда пожелает издатель.

До сих пор говорить о Лине больно. Для нее философия и жизнь были нераздельны. В 1970 г. она защитила в МГУ кандидатскую диссертацию «Понятие свободы и необходимости в философии Гегеля», участвовала в затеянном Библером «Споре логических начал», где выступала от имени Лейбница [XVII век 1991]. После смерти были опубликованы ее перевод книги А.Н. Уайтхеда «Приключения идей» [Уайтхед 2009] и сборник работ «Свобода и разум. Избранные философские работы» (М.: Канон+, 2010)[4].

Она умерла дома, после недолгого пребывания в Лефортовской тюрьме, куда попала за диссидентскую деятельность, хотя не была функционером этого движения, постоянно подчеркивая свой личный интерес к правозащитному движению. Назревшие за годы тотального засилья идеологии и одной-единственной доктрины проблемы требовали разрешения в немалой степени с помощью личного вмешательства человека. Лина была одним из таких людей, действовавших свободно и логически твердо.

«Есть много причин, заставляющих поэпизодно вспоминать не столь уж давнее философское одиночество людей, выталкиваемых из жизни». Я написала это в 2008 г., но и сейчас повторю то, что и тогда: «события последних лет показывают, что не столь уж состарилась память о тоталитарной эпохе, что пиар способен восстановить позиции всеобщей хоровой здравицы, фанатичного желания единодержавия, единодушия и единокандидатствования» с фальшивыми переопределениями, хотя и с совершенно изменившимся социально-политическим климатом. «Мы потеряли великого человека», сказал Библер на ее похоронах. Она действительно отвечала наивысшим чаяниям своего поколения. КГБ прислало соглядатаев и к крематорию, и на поминки. Этот соглядатай, которого мы сумели опознать именно как соглядатая, читал на них стихи Ахматовой.

Бибихин, с которым мы работали в секторе методологии и этики науки, куда его пригласил Огурцов, счастливый этим сотрудничеством, первый, кто попытался понять то новое, неявное на фоне старых требований свобод, писал, что «определение понятий права, имущества, вины выносит систему права из рабочего режима в область интеллектуального выяснения, делает право не естественным образом жизни, а инструментом для особых нужд» [Бибихин 2005: 254].

О секторе Гефтера, имевшего к инакомыслию прямое отношение, я писала дважды: в 1990 г. в ж. «Вопросы философии» [Неретина 1990] и в своей книге «Точки на зрении» под названием «История с методологией, или Конец истории» [Неретина 2005]. Здесь мы познакомились и подружились с Линой, Библером, Арсеньевым. Из философов в нем непосредственно работал И.К. Пантин, который вместе Е.Г. Плимаком, Л.А. Филипповым и Ю.Ф. Карякиным доказательно обвинил в плагиате и доносах таких бывших столпов философского факультета МГУ, как И.Я. Щипанов и М.Т. Иовчук. То есть критически настроенных людей (если еще добавить Е.Э. Печуро) хватало. Но Лина и Гефтер, начавшие, правда, свою диссидентскую и аутсайдерскую деятельность после разгона сектора, представляли две ярко выраженные противоположные тенденции. Гефтер долго сопротивлялся возможностям стать даже аутсайдером, а Лина решительно включилась в диссидентское движение, Гефтер долго сопротивлялся связям с зарубежьем (это потом его окружало множество иностранных коллег: помимо того что он был инакомыслящим, он был известным историком), Лина же – сразу и без колебаний. После разгона сектора связей между ними не было (все-таки библе-

[4] См. мои материалы к ее биографии в книге [Неретина 2008], мое предисловие к книге [Уайтхед 2009], предисловие Библера к книге [Туманова 2010], наши с В.Л. Рабиновичем слова памяти, опубликованные в этой же книге, и рецензию многолетнего друга Лины Борисовны Т.Б. Длугач в [Длугач 2011]. Т. Левина проводила несколько семинаров, посвященных Лине Борисовне.

ровский семинар, даже когда входил в секторский состав, был автономным, Гефтер приходил очень редко, выделил среди участников Ахутина, но тесного контакта между ними не сложилось). Но было упорное, мужественное собирание сектора и не менее мужественное отстаивание его. И даже провалившаяся попытка отстаивания кажется не менее эффективной, чем его работа: после крушения советской власти Михаил Яковлевич (М.Я.) стал членом консультационно-аналитического совета при Президенте России, хлопнул дверью этого совета после расстрела парламента (эти шаги были не только демонстративны, хотя это было в характере Гефтера, но и испытывали степень возможного перевода государственной вертикали в горизонталь народоправства).

Гефтер был человеком, который на себе испробовал, вполне искренне, все жизненные возможности, предоставляемые советской властью: был активным комсомольцем, даже комсомольским секретарем, партийным человеком, который трудно стряхивал с себя все эти шоры. Он об этом сочно написал в книге «Третьего тысячелетия не будет?» Но он нигде не писал, как он был растерян перед сталинским выпадом против космополитов. Как мне рассказывал Библер, как-то придя к нему, он спросил: «Володя, может, мы действительно в чем-то неправы?»

Я пишу сейчас об этом, чтобы показать способы, какими ломалось – что? мировоззрение? да нет – жизнь культурных, образованных, интеллигентных людей, обладающих мощным порывом сделать жизнь достойной. Они и стали потом, уже после войны, круто их перелопатившей (см. вышеупомянутую статью Ахутина и Берлянд), нашими учителями. И именно поэтому «строк печальных не смываю» (эпиграф к статье Ахутина «Дело Библера»). Они много говорят не только о «могучей работе совести, сознания и ума», как Ахутин охарактеризовал эту вылазку Библера, работавшего в СМЕРШе, из болота окутавшей его – мир – сталинщины, но о самом этом страшном давлении на землю со всем ее живым и неживым.

В книгу «Точки на зрении» я добавила очень важный эпизод с обвинением Гефтером (при соучастии коллег-историков) акад. М.Н. Тихомирова и С.С. Дмитриева в буржуазном эпигонстве, что для того времени обеспечивало последним, по выражению Дмитриева, «варфоломеевскую ночь». Хуже всего было то, что обвинители выступили под псевдонимами. В «Литературной газете» 20 октября 1948 г. была опубликована рецензия «Грубые ошибки в "Хрестоматии по истории СССР"», подписанная «Р. Самойлов», а статья (в той же «Литературке» от 19 февраля 1949 г., озаглавленная «По стопам буржуазных историков») была подписана «А. Громовым». Рецензия и статья принадлежали на деле Гефтеру и А.Я. Грунту, которые упрекали, прежде всего, Дмитриева, в объективизме, забвении принципа партийности в науке, отступлении от марксистской идеологии и либерально-буржуазных взглядах. В то время это автору или составителю критикуемой книги обеспечивало конец карьере, может быть, места работы или того хуже.

Я поступила на факультет в 1958 г. и видела там Дмитриева, одного из немногих ходивших в профессорской шапочке, так что, слава богу, его миновали репрессии, но не страх. О том, зачем было Гефтеру и Грунту брать русские псевдонимы, тоже понятно: иначе о публикациях и думать было нечего. «Р. Самойлов» – псевдоним, образованный из имени и фамилии жены – Рахили Самойловны Горелик. То, что написано все это было в начале космополитической кампании, придает этому событию особый колорит. Дмитриев в дневнике пишет об этом. Из прямой дневниковой речи вырастает нестерпимый ужас – не рассказ об ужасах, а сам экзистенциальный ужас – от разворачивающегося «космополитизма», от готовящихся, а затем состоявшихся проработок. Ужас возник после того, как наш же преподаватель Петр Андреевич Зайончковский сообщил Сергею Сергеевичу по телефону о статье в «Литературке», как он, еще не читая, начал гадать, кто автор («А. Грунт? Гефтер? Аврех? Или еще кто-нибудь из их друзей?») [Неретина 2005: 18]. Кампания была хитроумной и направле-

на якобы не только против «космополитизма», но и против «буржуазного объективизма», поскольку критиковались как бы все – и евреи русскими и русские евреями, правда, взявшими русские псевдонимы. Это была зловещая идеологическая шутка, поскольку сохранялась видимость справедливости. Эффект от русских псевдонимов, которыми был наполнен XX век, усилил борьбу с «космополитами» и сделал их к тому же презренными. «Космополит безродный», так их назвал К.А. Симонов.

Михаил Яковлевич, Библер и многие другие были заложниками оголтелой веры в идеологию. Они все прошли войну. Библер работал в СМЕРШе: был приказ, отказа не приемлющий. А что такое СМЕРШ, знают все. Работа была всякой, не только переводческой, хотя попал он туда именно как переводчик. Труд выбраться оттуда после войны можно назвать титаническим. И можно представить себе, сколь тяжек и одинок был их путь к той высоте, на какой оба в результате оказались, обретя возможность своею жизнью стать примером другим.

Вышедшая в 1970 г. в свет статья «Под видом научного поиска», беспардонно шельмующая подготовленный Гефтером сборник «Историческая наука и современность» и прежде всего шельмующая авторов с «пятым пунктом», горьким эхом отозвалась в душе Михаила Яковлевича. Становится более понятной его последующая опека тех его всенародно покаявшихся молодых друзей (считалось, что они должны были продумать меру своих возможностей, вступая на диссидентский путь), поскольку своего грехопадения он не забывал: когда были опубликованы дневники Дмитриева (после его смерти) и Глеб Алексеев, бывший сотрудник сектора, принес номер журнала Рахили Самойловне, она, едва взглянув, тут же спросила: «Дмитриев?» То есть эта рана не заживала в душе.

Долгое молчание М.Я. после разгона сектора (аккуратного разгона – тогда все старались делать аккуратно, если могли: с работы не выгоняли, просто запихивали в места, где для тебя не было работы, сектор переименовывали и вливали в какой-то другой) можно объяснить и горечью этого переосмысления, и чувством страшной старой вины.

Сектор методологии истории формировался во время оттепели, когда все бурлило и шумело: множество политических «дел», открывавшихся в то время, было спровоцировано этим внезапно обрушившимся шумом. С 1956 г. прошло чуть менее десятка лет, но руководящая роль партии оставалась еще много лет, до 1991 г., хотя многое изменилось внутри самой партии. Разброд был очевиден. Появлялись на заседаниях или собраниях прошедшие ГУЛАГ бывшие активные члены ВКП(б), например, Алексей Владимирович Снегов, который, еще не реабилитированный, был приглашен Н.С. Хрущевым на XX съезд партии. Спустя 10 лет он выступил в Институте марксизма-ленинизма в защиту опубликованной в 1965 г. книги А.М. Некрича «1941. 22 июня», материалы которой были (по опубликованным источникам) подготовлены для инициированной Гефтером многотомной «Всемирной истории»[5]. Я видела его в 1967 г., когда он приходил в бурлящий Институт истории: выход книги Некрича вызвал сенсацию, причем сенсационным было не только само критическое исследование подготовки к войне, но массив документов, собранных под одной обложкой: он ошеломил читателей настолько, что, повторю, *опубликованные* прежде, однако, разрозненно то тут, то там появлявшиеся документы, а ныне собранные воедино, спровоцировали верховных деятелей КПСС на очередную ложь: в книге они увидели преднамеренное извращение и самого хода подготовки к войне, и – это основное – линии партии и государства, что работало на руку прежде всего зарубежным антикоммунистическим силам. На защиту Некрича встал и партком (партийный комитет) Института, что впоследствии и стимулировало его раскол надвое: на Институт истории СССР и Институт всеобщей истории. Причем дело

[5] План этого издания, был раскритикован, и материалы некоторых авторов были опубликованы как книги. Степень их глубочайшего профессионализма свидетельствует книга А. Каждана «Византийская культура» [Каждан 1968], до сих пор сохраняющая свое значение для историков, философов и филологов.

доходило до курьезов: в один из этих страстных для Александра Моисеевича дней он должен был жениться на молодой сотруднице нашего же Института, красавице Наде, работавшей научно-техническим сотрудником в секторе Утченко, и в день бракосочетания посылал к ней друга предупредить об опоздании. Мы тогда сравнивали его с Наполеоном.

Но в то время появлялись не только скрываемые документы о событиях Тридцатых годов, в основном 1937 г., но и «пропащие» люди, например, панфиловцы, о которых недавно было столько шума, о были и небылицах панфиловской дивизии была публикация в «Новом мире». По секрету мне Гефтер рассказал, что к академику Минцу приходил некий старик, отрекомендовавшийся Чапаевым, который поведал Минцу историю своего спасения и что его может опознать некто (были названы имена), кто знает его секретные слова. Но потом этот человек пропал. Правда/вымысел этого сообщения не исследована.

С открытием сектора методологии в 1964 г. стало ясно, что «общая методология», под которой в то время понимался марксизм-ленинизм, именно тогда и прекратила свое существование. Для многих ученых она стала всего лишь завесой, под прикрытием которой развивались культурология, социология, системный анализ. Усилиями не мечтавших о марксизме ученых (Ю.М. Лотман, С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров, А.В. Михайлов) произошло одно из великих возрождений гуманитарного знания, и эти ученые будут выступать на секторских семинарах.

Сектор (как и секторы Левады, В.Ж. Келле, группа Щедровицкого, М.Б. Туровского) был одним из *опытов консолидации интеллигенции* нового типа, не скрепленной идеями социального характера, а базирующейся на этико-правовых основаниях как культурная сила. В микросоциуме сектора ставились в центр исторического внимания проблемы не культа, а просто личности, волюнтаризма, тоталитаризма, а основной темой было исследование *альтернативности* (разновариантности) исторического процесса. Книга, изданная в 2019 г., «Философия во множественном числе» [Философия 2019] – потомок того времени.

За 5 лет существования сектора было проведено множество дискуссий (это было основным видом работы) по проблемам методологии истории, проанализированы методы исследования социальных революций и теории общественно-экономических формаций, соотношение всемирной истории и истории отдельной страны, естественнонаучного и гуманитарного знания, плюсы и минусы циклических теорий исторического процесса. Были организованы внутри сектора научные группы (источниковедения под руководством С.О. Шмидта, социальной психологии под руководством Б.Ф. Поршнева, структурного анализа и типологии истории под руководством М.А. Барга, медиевиста, не пришедшегося, как А.Я. Гуревич и я, ко двору сектора истории средних веков), заслушаны доклады Вяч.Вс. Иванова, А.А. Зиновьева, Г.С. Померанца. Перечень имен дорогого стоит!

Для современного читателя это – нормальные темы нормальной работы нормального коллектива научно-исследовательского института. Но в этом и дело: это были темы, впервые возникавшие как «нормальные» – не идеологические и не догматические. Вне опыта группы Гефтера и ей подобных (см. выше), структуралистских школ Ю.М. Лотмана и Вяч.Вс. Иванова, веселых, приветливых, чрезвычайно серьезных школ, собиравшихся на оз. Кярику, где мне посчастливилось быть и подивиться той обстановке доброжелательности, которая, конечно же, была заслугой Ю.М. Лотмана, не произошло бы той огромной культурной и человекообразующей работы, помогающей сопротивляться в том числе и нынешним абсурдным ненаучным поползновениям, уничтожающим творчество, *растлевающим*.

Гефтер при фабрикации его «дела» принял на себя не только груз обвинений, но и грязи. Его имя склоняли на всех собраниях и заседаниях – от Института до ЦК КПСС. Создавались бесчисленные комиссии, ворошившие и старые издания и готовившийся сборник «Ленин и проблемы истории классов и классовой борьбы», за выпуск которого отвечала я и ко-

торый не увидел света. Я даже не уверена, что макет вернули М.Я. Однако впечатление от блестящего им собранного коллектива было таково, что обсуждали и осуждали его, М.Я., не пренебрежительно, а почти подобострастно, что казалось омерзительнее любых обвинений, презреннее открытой вражды – на рубеже 1960 – 1970-х формировался слой людей, равно готовых поддерживать как либералов, так и консерваторов. В это время вырабатывался жизненный аморализм, переданный и части нынешнего поколения. Оттого М.Я. предпочел уйти из Института, продолжая интенсивно работать, чему свидетельством уже множество его книг: «Из тех и этих лет», «Там, где сознанию узко и больно», «Третьего тысячелетия не будет», записанные на магнитную пленку разговоры (фактически – семинары) с его «молодыми друзьями», расшифрованные Г.О. Павловским. Его никто не выгонял, он работал в секторе А.З. Манфреда, который после раздела Института истории стал заведовать сектором истории Франции. Гефтер сказал мне[6]: «Я там был несколько раз на заседаниях. Душно. Тоскливо».

Я не буду посвящать читателя в перипетии сопротивления разным формам давления, сославшись на раздел «История с методологией, или Конец истории» в моей книге «Точки на зрении», где к изложению самой истории добавлена и часть личной переписки, а также к моей статье в журнале «Vox», посвященной 100-летию Гефтера, сопровождаемой публикацией писем Гефтера ко мне. Назову только основные формы давления: это, прежде всего, давление со стороны СМИ (статья А. Корнилова, Н. Прокопенко, А. Широкова «Под видом научного поиска» привела в действие все механизмы давления), это научно-организационные формы давления, грозившие сотрудникам и авторам книг если не увольнением, то нежелательными переводами в другие отделы и, конечно же, – слухи о «подрывной» работе группы историков «из окружения Гефтера», задумавшей якобы организовать бойкот XIII Международного конгресса исторических наук. Люди тратили силы на осуждение на ходу выдуманных проблем. Давление на некоторых историков было, но со стороны совсем других сил. А.Я. Гуревичу, например, запретили присутствовать на Конгрессе, и его иностранным читателям пришлось его разыскивать не в стенах МГУ и даже не на Ленинских горах.

Мы, конечно же, испытывали растерянность от того, что незаконнорожденная мысль, о которой чуть позже скажет М.К. Мамардашвили, оказалась не в состоянии примириться с законнорожденной, настолько последняя была примитивной. Этим я могу объяснить поход в перестроечную власть и чуть позже тех (того же Гефтера), чья интеллектуальная горечь не удовлетворялась признанием близких, друзей, коллег. Ибо желание показать свои возможности перерастало рамки локальных групп. Впрочем, было и тщеславие…

Некоторые сотрудники Гефтера ушли от него, опасаясь травли. Осталось ядро. Но: держались вроде бы вместе, и уже врозь. По-разному думали и о политическом будущем и принципах общественного устроения. Остались некоторые дружеские связи и некоторые деловые. Деловые – с людьми, которых, как он говорил, в сектор бы заново не взял. Что мы могли бы сделать, если бы сохранились? Мой прогноз неблагоприятен. Поскольку начались внутренние разногласия, появилась даже нетерпимость, то скорее всего издали бы свои так и не вышедшие книги и разошлись.

Когда я монтировала хронику сектора методологии, реально сконцентрировавшую в пределах одной структуры историю советского общества 60–70-х годов XX в., историю моего мира и моего поколения, я хотела представить ее в подробностях потому, что есть, как говорил Пастернак, бог деталей, который заставляет подмечать то, что другой не заметит. Как, например, хороших людей, не желавших ни защищать, ни глумиться над Гефтером, втягивали в его дело и вытягивали из них не шедшее ему на пользу. Зачем, например, С.Л. Утченко, античнику, было читать и выносить приговор «Ленину и проблемам истории классов

[6] Меня тогда «определили» в Архив МИДа к послу Костылеву, где мы ножницами вырезали из центральных газет сведения о проходивших в 1920–1930-х гг. процессах.

и классовой борьбы», которых он чурался даже в том виде, в каком их препарировал Гефтер? Он волей-неволей давал, скажем так, некую нейтральную оценку, которую легко можно было засчитать в минус Михаилу Яковлевичу. Михаил Яковлевич попросил меня незаметно вести протокол обсуждения. Утченко заметил и уныло сказал: «Ну, зачем писать?»

Тоталитарность – это не только повсеместный глаз государства, она обязывала и собственные глаза присматривать за чужими. В этом мы не были другими. Только герой способен выколоть себе глаза. Растление делало свое дело. Совок, в том числе и как термин, формировался на наших глазах и нами, наряду с обозначениями отношений к определенным вещам: «Софье Власьевне», «совдепии», «Лукичу», «иконостасу» (портретам членов Политбюро), «протокольной роже», «лапе» (протекции). Краткий толковый словарь брежневского СССР содержит и такие понятия, как зэк, импорт, овощебаза, неликвид, дефицит, авоська, очередь, приписки, фарца, штурмовщина и др. [Краткий толковый… 2017].

История наша была проиграна. Бывшие друзья становились оппонентами, которые прерывали споры не всегда научными окриками. А поскольку делали это авторитетные люди, многие попадались на удочки такого авторитета без проверки доказательств. Когда однажды такого авторитета попытались проверить в не менее авторитетном журнале, количество передержек зашкаливало. На TV были передачи, где бывшие друзья по разного рода демократическим союзам обвиняли друг друга во вранье. Разумеется, можно назвать это неудачами, но лучше назвать болезнью века, атавизмом одного-единственного мировоззрения. Взгляды и внутренне-эмоциональные разногласия были такой взрывной силы, что Гефтер, не желая усиливать позицию одного из коллег, которому прежде помог, не взял в сектор Гуревича, а потом и вовсе написал отрицательную рецензию на проспект его книги «Человек в истории» [Гуревич 2004: 108]. Все эти мелкие разборки (битвы приоритетов) ранили людей, они становились едва ли не врагами, хотя делали одно дело. Могло ли оно быть успешным? Самое близкое мы и не знаем…

Память связана с пониманием. Когда я в далекие уже Восьмидесятые впервые стала писать историю с методологией, к тому времени тоже уже далекую, я, просмотрев свои записи и архив, который Гефтер долго держал у меня, позвонила одной из его старших сотрудниц и спросила, так ли я понимаю смысл одного из ее выступлений. Ответ ее меня ошеломил. Она сказала: так, но лучше бы найти заверенный протокол партсобрания, где обсуждались все эти дела, ибо это – документ. Но ведь протокол – не стенограмма, это хотя и заверенная, но все же краткая косвенная речь, тогда как моя прямая и выражает *мое*, а не протокольное понимание…

В 2017 г., т. е. спустя более тридцати лет после того разговора и забыв его, я написала – с использованием заметок Огурцова – главу для книги «Апории дискурса», которая называется «От апоретики и паранепротиворечивой логики: к докладу и отчету» – *отчету* (почти протоколу!), в который сворачивается живая речь, превращаемая в ритуальный текст и документ. Разными путями возвращается старое. Если бы Амвросий в IV в. полагал, что новое – это уничтожение старого, то мир и не знал бы, что Христос всегда нов. Он нов на фоне старого. Он переключал внимание и значит – переключал время.

Диссидентское движение переключило время. Оно обеспечило кадрами Перестройку – с ее пестротой, с разными партиями, с идеями, как нам обустроить Россию, с выборами, выступлениями Сахарова, с выявленным злопыхательством злопыхателей. А те, кто говорил, что он может все поставить на ноги, вскоре потерял кредит доверия. Их слушали, даже восхищались. Но Галича помнили: «Он врет. Он не знает, как надо».

Крах современной государственной модели: рефлексии на нашу жизнь

Смена государственного статуса, пожалуй, одно из самых сильных впечатлений. Мы не думали, что советская власть и КПСС рухнут при нашей жизни. Участие в митингах, обсуждение социально-политических проблем, радость от выхода на свободу одних политзаключенных и протесты против удержания других – все это воспринималось как начало новой политически регулярной жизни, начало очередного нового мира, тем более что для философов термин «начало» – завораживающий термин. Сейчас мы, очевидно, присутствуем при полном крушении *того* нового мира 1960-х и при постоянном реформировании и *этого* нового мира первой четверти XXI в.

Крушение коснулось, однако, романтической увлеченности революционными преобразованиями, как старыми, так и новыми, и нравственных установок. Недавно кто-то про кого-то сказал: «Он непорядочный человек». Его визави, лет на 30 его моложе, ответил ему: «Вы пользуетесь какими-то неясными понятиями».

Норвежский социолог Й. Галтунг разработал теорию структурного насилия, которое представляет собой способы (невидимого) подавления личности, оно осуществляется чаще и эффективнее всего через СМИ с помощью таких символических формы существования, как религия, идеология, литература, которые его внедряют. Длительное время насаждавшаяся система воспитания вырабатывала, по выражению В.Б. Шкловского, такой «автоматизм восприятия», который не способствовал остраняюще-необходимой рефлексии происходящего. Такое насилие норвежский социолог Й. Галтунг назвал структурным, поскольку оно создается социальными институтами, оказывает огромное влияние на культуру и самоидентификацию народа, испытавшего такое влияние, и воспитывает «такие способы (стереотипы) действия и поведения, которые становятся как бы обычными и непринужденными, «правилами для руководства» ума или эмоций» [Неретин 2024: 87]. Нас долго воспитывали в тоталитарном духе, и большинство из нас сейчас обнаруживает это блестящее воспитание.

До 20-х гг. этого века миру, в котором мы живем, присвоили имя гибридность, хотя старое имя «принципат» не хуже в смысле обозначения политической сущности, правда, оно не содержит даже оттенка ни петрогосударства, ни коммерческого государства, ни, конечно, институтов сетевых структур. Этому миру присущи цифровизация, выражениями которой, наряду с высокотехнологичным производством, стали рост социальной напряженности, возникшей как следствие социального неравенства, разного доступа к образованию, в том числе цифровому, обезличенности в любых сферах деятельности: люди в маске, когда нет лицá, сериалы с одинаковыми сюжетами, неиграющими актерами, бесконечные безумные суды и странные войны, каждая из которых, милитаризуя сознание и делая убийство нормой, становится тотальной. Во всем этом было задействовано старое, советское поколение и первое несоветское, родившееся от наших детей, но участвующее *на других основаниях*. Если первые создавали эти технологии чаще всего *из любознательности, стремления к науке*, то вторые не в последнюю очередь за деньги, которые нередко называются «кровью общественной жизни», которые «циркулируют по телу социума, разнося по его "клеточкам" необходимые для жизни средства» [Любимова 2015: 4]. Если в «нашем» случае осознание репрессивно-партократической природы власти, ведущей к истреблению не только свободомыслия, но самой жизни, повернуло человека в сторону политики с желанием направить ее в цивилизационное русло, то сейчас политика вполне может быть отделена от сознания, человек способен *рассчитать* свою жизнь. Не ум, а расчет (ratio) – ведущее основание нынешней жизни.

Межпоколенческий разрыв, свидетелями которого мы являемся, – одно из выражений *обескураженности*, царящей нынче в обществе, изменивший во многом и личные отношения, и взгляд на государство, которое во многом и сейчас представляет собой *патерналист-*

скую модель социальной политики, в которой тоталитаризм не изжит, а «худшим последствием патернализма является рост социальной пассивности граждан, упование на государство как на высшую инстанцию в решении всех социальных проблем» [Сидорина 2013: 255].

Иногда социологи именно социальную пассивность, существующую и по сю пору в гибридном уже (почти петрократическом) государстве, рассматривают как основное качество государственной стагнации, забывая о новом качестве самого государства, которое в силу того, что добыча нефти не требует большой трудоемкости, становится независимым от налогов, независимым от народа, а потому способно пресекать его активность.

Почему-то иногда считается, что патерналистская модель государства «предопределена исторически, соответствовала особенностям российского менталитета» и в течение десятилетий «давала положительные результаты в разных областях социальной сферы» [Сидорина 2013: 257]. Но она и сейчас так же «предопределяется» верхами! К тому же что именно понимается под «положительными результатами» и в течение каких десятилетий – послереволюционных, сопровождаемых страшными репрессиями и чужих, и своих, долгих послевоенных, растянувших надолго восстановление экономики? Или это 60–80-е годы XX в., когда возникло разнообразное профессиональное диссидентство – экономическое в том числе, когда возникли сообщества, занимавшие относительно «государственного патернализма» жестко критическую позицию, когда даже его защитники сами с собой не могли договориться, боясь утратить начальственные посты, о необходимых намечавшихся реформах? Я помню, как мой свекр, юрист, приглашенный участвовать в обсуждении реформ, намечавшихся А.Н. Косыгиным, пришел к нам – дело было в 1965 г. – и сказал: «Нам (как государству. – *С.Н.*) осталось жить 20 лет». Так оно и случилось к моменту прихода во власть М.С. Горбачева.

Альтернативных патернализму советских моделей не предвиделось, потому что их и не могло быть: коммунизм строился на века. И, видимо, именно из-за представлений о вечности коммунизма иногда делается вывод, что в период оттепели население вообще «не стремилось избавиться от патерналистской опеки государства», потому что «обрело, наконец, хотя бы относительное чувство личной безопасности» [Иванова 2011: 99]. Но вот так ли это?

Хрущев был Генеральным секретарем КПСС с 1956 г. по 1963 г. За это время, вызвавшее, напомним, оттепель, произошла выволочка художников на выставке МОСХа, осуждены на лагерные сроки или поселения историки, поэты, писатели, диссиденты, стиль своего соратника Косыгина Хрущев назвал «неленинским», а «валютчики» были расстреляны. Конечно, «население не стремилось», но оно редко когда «стремится», стремятся люди, каждый в отдельности, группами… Конечно, было сформировано *институциональное* отношение к труду. Художник или писатель обязан быть членом Союза художников, писателей или, в крайнем случае, «членом Литфонда», профсоюза писателей, как Пастернак. Все обязаны были быть к чему-то, как крепостные, приписаны даже к месту проживания. Сформировалось очевидным образом *полицейское* государство с жесткой паспортной системой. Про такое государство мало сказать, что в нем население было деморализовано тем, что в его сознание внедрялась «установка о труде как одной из основных жизненных потребностей», и что «десятилетиями советским детям вбивали в голову идиллические представления о возможной будущей профессии: космонавта, ученого, художника, летчика, разведчика, геолога, полярника и т.д. Матери мечтали, чтобы их дочери стали артистками, а сыновья – героями… никто не мечтал стать предпринимателем, бизнесменом, фермером, политиком» [Сидорина 2013: 273–274]. Кажется, эта позиция имеет косвенное отношение к философии или к науке, ибо упомянутые утверждения не опираются на соответствующие выборки… Ибо: помимо того, что проводилось нравственное растление людей, обязанных, как вспоминала Н.Я. Мандельштам слова З.Н. Пастернак, «больше всех любить Сталина, а потом уже меня», могу выдвинуть личностное возражение: моя мама очень не хотела, чтобы я стала актрисой,

как, впрочем, и философом: основания для такого нежелания лежали не в области престижа или его отсутствия. А М.Б. Ходорковский[7], еще будучи школьником, хотел стать не просто предпринимателем – директором завода [Дуэль 2012: 139].

М.К. Петров, много писавший о традиции и поколениях, объяснял обращения к прошлому иначе, тем, например, что в кризисных ситуациях, в том числе при появлении новых проблем, возникает необходимость найти прецеденты или концепции, «позволяющие "понять" проблему… Обращение к прошлому, к истории всегда имеет для науки смысл… поиска опор для прыжка к пониманию и решению» [Петров 2005: 22–23].

Но если в «той» жизни за опытом прыгали, то в цифровую эпоху вопрос стоит иначе: в какой мере вообще нужен прошлый опыт, ибо скорости сейчас таковы, что целое можно как бы увидеть с высоты космического полета, а на самолете можно за сутки попасть на другой конец света, где иные обычаи, где можно укрыться от правосудия, где вообще оно другое, как и другие нормы быта?

О современном положении дел Петров не размышлял – он умер накануне появления компьютерных технологий и соответственно резкого отставания осмысления жизни от жизни фактической. «На правах постулата» он принимал за основу некую единую «матрицу фрагментирования корпуса социально-необходимой деятельности» [Петров 2005: 87], каждая клетка которой – имя и адрес «закодированной в знаке», т. е. «врожденной, деятельности»; отсюда происходит теория типов, идея безличного всеобщего. Отсюда же «религиозно-мистический характер европейских попыток найти всеобщее знаковое основание» [Петров 2005: 134].

Нынешняя глобализация, однако, не матрица. Откуда же ощущение полного отчуждения от прежней цивилизации или культуры?

В «Паролях» наш современник Бодрийяр пишет о том, что сейчас реальность стала виртуальной не в старом философском смысле этого слова, при котором предполагалось, что виртуальное стремится стать актуальным, а в смысле замещения и разрушения актуального виртуальным. Оно становится одним из вирусов. Чтение Бодрийяра в какой-то степени дает ответ на вопрос, стоит ли ждать помощи от прошлого. Он сравнивает такие поиски с Орфеем, «который слишком рано оборачивается, чтобы взглянуть на Эвридику, и в результате навеки отсылает ее в царство теней. Перед тем, кто прибегает к этому ретроспективному взгляду, работа выступает так, как если бы она предшествовала сама себе и с самого начала предчувствовала свой конец, как если бы она была последовательной и завершенной, как если бы она всегда существовала. Вот почему я в состоянии говорить о ней лишь в терминах симуляции» [Бодрийяр 2006]. Степень социологической истинности, содержащейся в такой позиции, неясна, но и не должна быть ясной, в ней содержится много направлений, которые надо тестировать. Бодрийяр полагает, что, хотя мы постоянно говорим о коммуникации, в реальном мире ее нет из-за того, что «вещи становятся слишком реальными», «некая таинственная сила приближает их к нам вплотную». Мы оказываемся в «чрезмерной близости к вещам, вследствие чего в нашем обществе непосредственной реальностью оказывается всё – и они, и мы… В такого рода мире уже нет коммуникации, зато имеет место заражение [*contamination*] инфекцией вирусного типа при бесчисленных непосредственных контактах. Или, если угодно, здесь царствует промискуитет: всё напрямую, никаких дистанций, ничто не очаровывает» [Бодрийяр 2006].

Когда в самом начале мы говорили об осознании в медицине мутирования вируса, это значит, что он пришел не просто надолго: он сама информация и деструктор информации.

[7] Признан Министерством юстиции РФ иностранным агентом.

Под его воздействие попадает весь мир и государство, оснащенное новыми (пусть в малой мере) технологиями.

Не оказываемся ли мы в той же позиции, как перед нерасшифрованным линейным письмом А сокрушенной крито-микенской культуры? То есть мы оказываемся не наследниками утраченной в археологическом смысле культуры, хотя в чем-то знакомой, скажем, в начертании символов, а полностью новыми, неисторическими существами, приписываем свои знаки и символы другим, не зная их собственного значения. Мы могли бы прийти, как говорил Петров, «к безрадостным выводам о примитивности подавляющего большинства наших навыков, о безграмотном их фрагментировании» [Петров 2005: 133].

Но ответ Бодрийяра другой. «В политическом плане важно не смешивать два уровня поведения: фронтальную реакцию и незаметную со стороны разрядку… Реагировать – значит принимать меры, значит пытаться дестабилизировать систему» [Бодрийяр 2006].

В случае же с разрядкой дело обстоит иначе: разрядка предполагает, что нечто просто исключается, просто-напросто не принимается нами, что мы не боремся с ним и не испытываем никаких иллюзий относительно возможности его уничтожения – оно не удовлетворяет нас, и это все… Сегодня такого рода *abreacting…* знак того распространившегося в обществе глубокого недовольства ситуацией, которое характерно для людей, не видящих своего противника», люди-то в масках, «и которое не может получить достойного выражения в рамках критической мысли» [Бодрийяр 2006]. Сталкиваясь с неуловимым врагом, «нужно самому стать невидимым и неуловимым. И необходимо, чтобы вирулентность была присуща также и твоему мышлению. В этом выводе нет ничего пессимистического», ибо, утверждает Бодрийар, «наша мысль, конституируя себя как вызов, должна соответствовать парадоксальности, неуловимости и алеаторности угрожающей нам системы… Мы слишком часто предаемся иллюзии, будто стоящие перед нами проблемы можно решить традиционными средствами – мы по-прежнему объединяемся в профсоюзы, протестуем, выходим на демонстрации, как если бы окружающий нас мир нисколько не изменился» [Бодрийяр 2006].

Но зачем тогда обращение к прошлой культуре? Не исключено, что «зачем» – это неправильная постановка вопроса. Она просто уже впиталась в плоть и кровь и работает, направляя нас, *вот это* живущее поколение в разные русла, позволяя нам принимать разные решения, она сама «играет» как вирус.

Агамбен Дж. 2020. *Мысли о чуме*. – Доступно: https://www.quodlibet.it/giorgio-agamben-riflessioni-sulla-peste. – Проверено: 11.06.2020.

Ахутин А.В., Берлянд И.Л. 2020. Дело Библера. – *Vox. Философский журнал*. Вып. 29 (http://vox-journal.org). – С. 128–134.

Бахтин М.М. 1965. *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса.* – М.: Художественная литература. – 543 с.

Бибихин В.В. 2005. *Введение в философию права.* – М.: ИФРАН. – 345 с.

Бодрийяр Ж. 2006. *Пароли. От фрагмента к фрагменту*. – Екатеринбург: У-фактория. – Доступно: https://www.litmir.me/. – Проверено: 24.07.2020.

Гуревич А.Я. 2006. *История историка.* – М.:РОССПЭН, 2004. – 288 с.

Дуэль И.И. 2012. Судьба ЮКОСа – судьба России. – *Время и место. Международный литературно-художественный и общественно-политический журнал.* – Вып. 1.

Длугач Т.Б. 2011. Туманова Л.Б. Свобода и разум. Избранные философские работы. – *Вопросы философии*. – № 5. – С. 178 – 181.

Дубин Б. 2002. Поколение: социологические границы понятия. – *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* – № 2 (58).

Иванова Г.М. 2011. *На пороге «государства «всеобщего благосостояния». Социальная политика в СССР (середина 1950-х – начало 1970-х годов)*. – М.: ИРИ РАН. – 282 с.

Каждан А.П. 1968. *Византийская культура X–XII веков.* – М.: Наука. – 233 с.

Краткий толковый… 2017. *Краткий толковый словарь брежневского СССР*. – Доступно: https://germanych.livejournal.com/. – Проверено: 10.03.2025.

Кроче Б. 1999. *Антология сочинений по философии.* – СПб.: Пневма. – 480 с.

Любимова Т.Б. 2015. Война: судьба или злая воля? – *Vox. Философский журнал.* – Вып. 18 (http://vox-journal.org). – С. 1–18.

Неретин А.И. 2024. Джампаоло Панса и его вклад в коллективную память итальянцев. – *Сила, насилие, культурная травма.* – М.: Голос. – С. 87–97.

Неретина С.С. 1990. История с методологией истории. – *Вопросы философии* – № 9. – С. 143 – 151.

Неретина С.С. 2005. *Точки на зрении.* – СПб.: РХГА. – 360 с.

Неретина С.С. 2008. *Философские одиночества*. – М.: ИФ РАН. – 207 с.

Неретина С.С. 2012. *Воскресение политической философии и политического действия. Парижское восстание 1356–1358 гг.* – М.: Голос. – 386 с.

Неретина С.С. 2022. Инакомыслящие. – *Философские поколения.* – М.: Издательский Дом ЯСК. – С. 337 – 428.

Нора Галь. 2019. *Мама Маленького принца. Неизвестный архив Норы Галь.* – М.: Изд-во АСТ. – 512 с.

Петров М.К. 2005. *Язык, знак, культура.* – М.: URSS. – Доступно: www.libfox.ru. – Проверено: 05.07.2020.

Сепир Э. 1960. Положения лингвистики как науки. – *История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях.* – Ч. 2. – М.: гос. уч.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР. – С. 175–181.

Сидорина Т.Ю. 2013. *Государство всеобщего благосостояния: от утопии к кризису*. – М.: РГГУ. – 349 с.

XVII век 1991 – *XVII век, или Спор логических начал* / Отв. ред. С.С. Неретина. – М.: ИФРАН. – 152 с.

Тищенко П.Д. 2018. Биография В.С. Библера как опыт радикального выбора себя. – *Vox. Философский журнал*. – Вып. 24 (http://vox-journal.org). – С. 71–75.

Туманова Л.Б. 2010. *Свобода и разум. Избранные философские работы*. – М.: ИФРАН. – 536 с.

Уайтхед А.Н. 2009. *Приключения идей*. – М.: ИФРАН. – 383 с.

Философия 2019. *Философия во множественном числе*. – М.: Академический проект, 2020. – 529 с.

Chartraine P. 1968 – 1970. *Dictionnaire étimologique de la lange grecque. Histoire des mots.* T. I-II. – Paris: Klincksieck.

McTaggart J.M.E. 1927. *The Nature of Existence*. – Cambridge: Cambridge University Press. V.II. – 332 p.

Romano C. 2019. *Être soi-même: une autre histoire de la philosophie*. – Paris: Gallimard. – 768 p.

РАЗМЫШЛЕНИЕ О ДВУХ РАБОТАХ М.Я. ГЕФТЕРА (К ТРИДЦАТИЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ)

В.М. Розин
Институт философии РАН

Аннотация: *В статье предложены комментарии к работам Михаила Гефтера «Третьего тысячелетия не будет» и «Сталин умер вчера». Отмечается совпадение взглядов автора и М. Гефтера, касающиеся понимания методологии истории. Обсуждаются несколько проблем, возникших при чтении указанных работ: понимание Гефтером истории как нескольких локальных историй с началами и завершениями, разные подходы к реконструкции личностей Ленина и Сталина, предложенное Гефтером объяснение логики русской революции. Намечается методология решения поставленных проблем, предполагающая анализ двух объектов: первый, Гефтер, изучающий историю России и ее героев (Ленина, Сталина и др.), и второй объект, автор данной статьи, анализирующий и осмысляющий работы Гефтера. Автор высказывает предположение, что реконструкция Гефтера открывает перспективу разрешения тупика развития России: не революция, а эволюция, не унитарное государство, а федерация, продуманная и обеспеченная новым социальным порядком и законом. Последняя часть статьи – краткое историческое самоопределение автора. Он, используя материал личной истории и анализ жизни Эмануэля Сведенборга, намечает свое понимание истории и методологии истории, отмечая совпадения с взглядами Гефтера.*

Ключевые слова: *история, время, прошлое, будущее, реконструкция, факты, мышление, методология, вожди, государство.*

Введение

Так получилось, что только недавно прочел эти две работы «Сталин умер вчера» и «Третьего тысячелетия не будет» и был сильно впечатлен: не встречал ничего более значительного и интересного, касающегося исторического и философского осмысления революции в России (ее предпосылок, 17-го года и последующих событий), да и представления Михаила Гефтера о методологии истории выглядят очень современно. Захотелось посмотреть критику и комментарии к работам Гефтера. К удивлению, почти ничего, за исключением нескольких статей С.С. Неретиной и еще двух-трех работ. И это при том что, на мой взгляд, взгляды автора «Третьего тысячелетия не будет» не просто современны (он ушел от нас в 1995 году, т. е. прошло 30 лет), но в определенной степени представляют собой вызов российским историкам, а его соображения по методологии истории и схеме революции в России

DOI: 10.18522/2949-0707.2025.1.8798

относятся не только к истории, но и современной философии и социальной психологии и в силу оригинальности нуждаются в осмыслении.

Поразило меня еще одно обстоятельство. Хотя я познакомился с исследованиями Гефтера буквально в последние месяцы, а до этого только слышал, что есть такой интересный историк и философ, тем не менее, получалось, что некоторые поставленные им задачи (например, объяснение роли открытия смерти в происхождении человека, культурологическая трактовка истории, анализ значения личности, диалектика исторической закономерности и сингулярности), были также и моими задачами, которые я последовательно решал в течение многих лет. Как будто я принял от Михаила Гефтера эстафету. Начну с проблем, возникших у меня при чтении указанных в заголовке двух работ. При этом буду много цитировать Гефтера, поскольку, во-первых, не хочу приписывать ему свои мысли, во-вторых, пусть сами читатели судят, правильно ли я Гефтера понимаю. В данном случае цитаты не столько подтверждение, сколько метод осмысления.

Проблематизация

Гефтер не просто рассказывает о личностях Ленина и Сталина, но предлагает реконструкцию эволюцию этих личностей, включающую также размышления, касающиеся характера их поступков и решений. Бросается в глаза некоторая несоразмерность: эти реконструкции выходят далеко за пределы исторического интереса, здесь налицо психологические и философские нарративы, размышления и обобщения. Выглядит это таким образом, как если бы речь шла не просто о роли личности в истории, а о самой логике истории; история начинает подчиняться поискам решений и поступкам этих субъектов, обладавших огромной властью. Возникают два вопроса: не излишни ли подобные реконструкции для понимания истории, не оказывается ли Гефтер на чужой ментальной территории (психологии и философии), а также, как в таком случае нужно мыслить историю: как историю властных личностей или все же последние востребованы только в той мере, в которой для них сложись объективные (интерсубъективные) условия. Тогда поступки этих личностей всего лишь действия иных, деиндивидуальных (внеличностных) образований и процессов (экономических, социальных, культурных и др.).

«Последней акцией моего сектора, – вспоминает М. Гефтер, – стал сборник о Ленине, рассыпанный в верстке. В нем – моя статья, послужившая окончательным поводом к отлучению от советской науки. Эпиграф из Пастернака сочли по меньшей мере неуместным. «Он управлял теченьем мыслей, и только потому – страной». Сказали, что так писать о Ленине бестактно, а статья, хоть и осталась ими непонятой, была сочтена ревизионизмом. Один важный на Старой площади человек, который мне до этого покровительствовал, Анатолий Черняев, сказал: "Михаил Яковлевич! Это уже не новое прочтение марксизма – это ваше!" И после этого на годы забыл мой адрес и телефон» [Гефтер 2023].

Дополнительный вопрос к теме о реконструкции личностей Ленина и Сталина. Они различны в ценностном отношении: к первому Гефтер относится явно сочувственно, видя в его поисках положительные замыслы и реалистические решения (признание многоукладности российской культуры, введение НЭПа, утверждение отдельного для России и отличного от общего мирового плана пути революции), а ко второму его отношение, хотя и объективное, но достаточно негативное. Ленин, пишет Гефтер, «готов был менять свой взгляд и не раз делал это. Но довести пересмотр до конца означало повторить то, что *почти успел* сделать предсмертный Маркс, — *пересмотреть основания*. На такую ревизию Ленин пойти не мог, хотя шел к ней. Но в особенности не мог другого: он не смел принести главной жертвы. Его новый взгляд на Мир – на этого многоукладного субъекта, с равноправностью его ипостасей, означал, что теперь надо было *принести в жертву Партию*. Такого он сделать не мог <…> *Ленин – убийца поневоле*, а для Сталина убийство станет гигантским жизненным смыслом. И он наполнил этим смыслом нашу жизнь. Исподволь, незаметно нас, совращая *убийством*

как смыслом. Ленин подошел ближе к тому, от чего был поначалу далек, – что пора *освободить людей от революции*. <…> … важный психологический подтекст Сталина: нет уж, голубчики, – резвитесь, но конечный результат не должен принадлежать никому, кроме меня одного. Все обязано уместиться в мой результат, если не уместилось – невместившееся должно *прекратить быть»* [Там же].

Правилен ли подобный подход с разными отношениями к героям истории? И вообще понимание истории Гефтером очень необычное. История не бесконечное историческое полотно, не имеющее ни начала, ни конца во времени, а локальные истории, с началом и концом (а что, спрашивается, до самих этих историй и после?). История законосообразна (детерминирована) и случайна. Ее порождают, и она порождает порождающего. Персоны типа Ленина и Сталина сами образуют историю (становятся историческими «обстоятельствами»). История не столько исторические факты и события, сколько генезис истории, а, следовательно, историй одного и того же исторического процесса может быть несколько. История, если она история, требует осмысления, и вовсе не как объект исторического интереса, а как необходимое условие современности, исправления исторических путей развития.

«С этой точки зрения, – пишет Гефтер, – история возникает единожды. Она однократна. Тогда можно представить, отчего она иссякает в настоящее время. Ведь то, что представлялось высшим для человека – мышление осознавания, принужденное к растворению в повседневности, – неизбежно приобрело зловещие свойства. <…>

Злачные места предопределенности и роль случаев, которые заводят махину истории, распаляя детерминационную похоть. Отсюда родом все суперперсоны политиков XX века. <…>

Историческое начинается там, где вещи, доселе не совместные, оказываются совмещены! Таинственная вещь, но, если этого не понять, не занимайтесь историей. В момент, когда несовместимое станет совмещено, является харизматический лидер. <…> в ЦК готовятся к заседанию 2-го съезда Советов… в последний момент появился Ленин, и вопрос о докладчике отпал: о земле вправе выступить только он, это ясно всем. Ленин идет к трибуне – он совершенно не готов! Тогда он просто достает из кармана эсеровский наказ о земле, добавив к нему пару вступительных фраз, его зачитывает – и все! Игра сыграна. Программой большевиков стал наказ мужиков-эсеров – а в Советской России появился мужицкий царь» <…>

Человек, который извлек из кармана чужой наказ и объявил его всей России как программу советской власти…Действуя индетерминистски, человек формирует ультрадетерминистские реальности. Детерминизм – это детище человека. Он его выдумывает, его лепит, его изобретает – и становится пленником того, что сотворил <…>

Дело в том, что Ленин сам обстоятельство. Громадное, сильное и очень стойкое обстоятельство русской истории. Творя обстоятельства, он сам стал обстоятельством, которое надо объяснить. Вот загадка Ленина. <…>

Человек в огромной степени запрограммирован обстоятельствами, начиная с рождения, воспитанием, унаследованным опытом – с этой точки зрения он почти целиком задан! Но есть в нем щель незаданности. Человек не примиряется, пытаясь раздвинуть эту щель до освобождения от заданности, — это невозможно, это никому не удалось. Но на этой почве выросли утописты, пророки, революционеры, вожди, харизматики. <…>

Опровергнуть до полного исключения ее из человеческого существования! И если заданность – тягота, то история – освобождение, несущее в себе будущие тяготы и формирующее вторичную, от самой истории идущую заданность. Так что, когда мы сопротивляемся заданному, мы видим ее уже не в чистом виде, а в смеси, где трудно различить сорта и истоки заданного. <…>

История есть делаемая история. Потому что человек не только обнаруживает, что он в истории, он ее делает. То, что история делаема, входит в ее определение». <…>

Придя к молчаливому Ленину, я увидел советский мир как русский. И теперь я могу ответить на вопрос, от которого никто из таких, как я, не уйдет, – вопрос о нашей причастности. О том, почему до сих пор мы не смеем ни преодолеть прошлое, ни понять его, ни даже признать. В увиденном мной Ленине, в так открывшейся мне его личности, я нахожу силу и право дать ответ» [Там же].

Гефтер рисует следующую картину предпосылок русской революции. Маркс от всемирной и единой для всех народов истории приходит к идее многих развитий и возможных историй, отводя России в этом пространстве особое место. Ленин повторяет его ход мысли, приблизившись к пониманию фактической неготовности России к смене экономической формации и социального строя (об этом, кстати, писал Александр Богданов). Не в силах отказаться от первоначального замысла, Ленин с одной стороны, отводит НЭПу роль экономической предпосылки, настаивая на его временном характере, с другой – выходит на идею управления (корректировки) истории, чтобы последняя развивалась нужным для большевиков образом. Гефтер убежден, что эта идея корректировки истории и стала источником многих негативных последствий, в том числе концепции и практики тоталитаризма.

Здесь явно схема генезиса, очень интересная, но нуждающаяся в убедительной методологии и подтверждении историческими фактами. Вопрос, можно ли считать исторические исследования Гефтера удовлетворяющими этому требованию?

«Прежде для Маркса, – отмечает Гефтер, – развитие было одно, в единственном числе для всего человеческого земного шара, а теперь возможны развития, во множественном числе. Тогда встает новая проблема того, как это другое развитие, идучи своим ходом и взаимодействуя с классическим буржуазным развитием, создаст собственный вход в коммунистическую цивилизацию? Ведь на промежуточных ступенях между ними возможны тяжкие конфликты развитий — в форме войн, ожесточенных столкновений. Здесь в смутной, первоначальной еще форме, присутствует многое из последующего, что мы переживали на нашем веку. Тогда есть не только развитие, а еще и неразвитие, предразвитие, недоразвитие, отставание и т. п. <…>

У Ленина возникает совершенно новая идея развития. Решение аграрного вопроса создает в ней исходную предпосылку спонтанного естественно-исторического развития России. Эта спонтанность своим ходом не может пробить себе путь – спонтанность вводится. Как капитализм в России первично вводим абсолютизмом, так и свободное буржуазное развитие вводится сверху революцией – в лице революционной власти, которая выступит демиургом спонтанного развития, творцом естественно-исторической эволюции. <…>

В этом парадоксальном нововведении заключены все будущие коммунистические катастрофы – включая коллективизацию и эксперименты Мао. Когда власть, творимая революцией, выступает «демиургом спонтанности», то эта новация невольно может разойтись к своим полюсам. Одним из полюсов станет огромная утопия, питающая порыв миллионов крестьянских масс, а другим полюсом явится гипертрофия возникающей внутри революции власти. Которая из инструмента, предназначенного дать простор развитию, превращается в нечто иное. <…>

Возникает распорядитель развития, который почти изначально, утратив свойство спонтанности, приобретает совершенно другие свойства» [Там же].

Методология решения поставленных проблем

Это тот случай, когда применение готовых методов не является эффективным, требуется наметить методологию, которая годится для рассматриваемого материала и предмета. Такая методология должна ответить на следующие вопросы: с каким объектом, мы имеем дело, и в какой дисциплине будем его рассматривать? Объектов два: первый, Гефтер, изучающий историю России и ее героев (Ленина, Сталина и др.), естественно, меня эта история тоже ин-

тересует, и второй объект, автор данной статьи, анализирующий и осмысляющий работы Гефтера. В некотором отношении я тоже принадлежу к цеху истории, поскольку во многих своих исследованиях реализовал методологию культурно-исторического подхода, кроме того, в 2018 году вышла написанная мною книга «Новая концепция истории: История как образ жизни личности, социальный дискурс и наука» [Розин 2018]. Как методолога истории, а Гефтер, на мой взгляд, не только историк, но и методолог истории, меня интересует удивительное совпадение наших взглядов, ведь я Гефтера не знал, и прочел некоторые его работы только недавно.

Теперь о какой научной дисциплине должна идти речь? Прежде всего, о методологии: и методологии истории и шире вообще методологии, поскольку Гефтер в своих работах выходит на психологические и философские обобщения. Если следовать М. Бахтину, история является гуманитарной наукой, поскольку имеет дело с текстами, их истолкованиями (интерпретациями), рефлексивным знанием, взаимодействием двух акторов (познаваемым и познающим), индивидуальными феноменами. Чужие сознания, пишет Бахтин «нельзя созерцать, анализировать, определять как объекты, как вещи, – с ними можно только диалогически общаться. Думать о них – значит говорить с ними, иначе они тотчас же поворачиваются к нам своей объектной стороной: они замолкают, закрываются и застывают в завершенные объектные образы <…>

Если понимать текст широко, – пишет Бахтин, – как всякий связанный знаковый комплекс, то искусствоведение имеет дело с текстами. Мысли о мыслях, переживания переживаний, слова о словах, тексты о текстах. В этом основное отличие наших (гуманитарных) дисциплин от естественных (о природе) <…>

Науки о духе. Дух не может быть дан как вещь (прямой объект естественной науки), а только в знаковом выражении, реализации в текстах…Каждый текст (как высказывание) является чем-то индивидуальным, единственным и неповторимым, и в этом весь смысл его... он (в своем свободном ядре) не допускает ни каузального объяснения, ни научного предвидения…Возникает вопрос, может ли наука иметь дело с такими абсолютно неповторимыми индивидуальностями…не выходят ли они за рамки обобщающего научного познания. Конечно, может» [Бахтин, 1979: 116, 281, 283, 285, 287].

Если принимать эти различения и высказывания, то для обсуждения сформулированных выше проблем нужно реконструировать, во-первых, понимание Гефтером истории, во-вторых, сравнить это понимание с авторской концепцией истории, образно говоря, организовав по Бахтину «разговор двух духов».

Авторское истолкование некоторых аспектов творчества Гефтера

Творчество сложный процесс, несколько раз возвращающийся к своему началу, чтобы уточнить или переосмыслить его, и снова последовательно выстроить дискурс. Тем не менее, на мой взгляд, он содержит некоторый механизм – *акты познания и разрешения проблем*, который движет, детерминирует разворачивание процесса творчества. Кратко действие этого механизма можно представить в следующей структуре.

проблемные и познавательные ситуации	→	**СХЕМЫ**	→	**новые действия** (деятельность, поступки)

В тексте Гефтера нетрудно увидеть основные проблемы, которые склонили его выбрать профессию историка и понимать историю как способ решения этих проблем и самой жизни. По сути, их три-четыре: детский страх перед еврейскими погромами, осмысление советской истории (гражданской и отечественной войнами, унесшими миллионы, культом Сталина

и лагерями, тупиками перестройки и реформ), попыткой понять слепую веру интеллигенции в социализм и вождей революции, наконец, страхом и переживаниями возможного конца света в эпоху холодной войны.

«Бабушка, – вспоминает Гефтер, – первой приобщила меня к истории. Любимым рассказом детства была ее история о еврейских погромах в Одессе. Каждый раз, когда я просил, ее рассказ повторялся, и я уже знал, что будет дальше. С замиранием сердца ждал момента, когда погромщики приближаются к дому – пьяные физиономии, страшные уличные сцены, вопли, судорожное ожидание и кульминационный момент – с двух сторон дома выходят знаменитые одесские самооборонщики! Их звали *аиды-самооборонщики.* Они в упор стреляют в погромную толпу, та рассеивается. История впервые вошла ко мне с этим рассказом» . <…>

Война для меня из-за тяжелых ранений в августе 1942-го оказалась недолгой. Мучительных воспоминаний немного, вот два штришка. Первый. 1941 год, мы уходим от немцев, те идут по пятам – деревня, высоко стоящий дом. Я, мой друг Валя Вайсман с каким-то майором выходим из окружения. Навсегда запомнил фразу майора. Он был кадровый военный и мне сказал: «Ты думаешь, это Гитлер на нас идет? На нас тридцать седьмой год идет!» А мне нечего было ему ответить. <…>

Холодная война <…> это два поколения людей, выросших в ее рамках, надышавшихся ее воздухом. Это не заблуждение, которое можно отслоить от остальной жизни, <…> это проекция человека как такового. Это человеческая жизнь, которая дышит кровью. <…>

Россия в нынешних границах – огромное пространство, какого история не знала. Тем не менее, это и сверхдержава, обладающая достаточным оружием жизнеуничтожения. Холодная война кончается, не закончившись. <…>

Здесь вдруг вырисовался основной вопрос нашей планеты. Кто обещал, что человек сможет выжить? Кто докажет с фактами в руках, что человек может выжить? <…>

Мы не хозяева всех будущих, спонтанных и адских вещей. С какого боку вырвется магма, не знаем, а если бы и знали, нам ее не остановить. <…>

В XX веке человек возвращается к тому соотношению с Вселенной, которое было сугубо небезразлично его архаическому предку. Он заново ощутил себя смертным родовым существом. Это ощущение вводит его соотнесенность с Вселенной в отношение к текущей истории. Человека озадачивает судьба Вселенной, в пределах которой он стал одинокой фигурой (ср. [Розин 2024])… в XIX веке кому было дело, тысячу или миллиард лет просуществует Солнечная система? Нынешний человек неосознанно ввел поправку на смерть в отношение к сущему и к своему месту в мироздании» [Гефтер 2023].

Уясняя логику истории, восстанавливая прошлое, Гефтер разрешает указанные проблемы. Со Сталиным ему почти все ясно, прожитая жизнь вождя во всех его деяниях известна, к нему невозможно применить никаких определений, кроме негативных: безграничная жажда власти, восточная хитрость, бесчеловечность, чудовищные и грандиозные замыслы, допустимость любых средств, включая убийство, миллионы безвинных жертв. Конечно, это тоже реконструкция, но, кажется, для нее есть все основания: и факты, и логика революции, и подходящая личность.

Иное отношение Гефтера к Марксу и Ленину: здесь он пытается организовать беседу двух духов. «Как вышло, – спрашивает Гефтер, – что век, который, казалось, навсегда отменил рабскую заданность человеческого существования, загнал себя в ловушку коллективного самоубийства? Я хочу это понять. Ленин меня бы не понял, а я его таким образом надеюсь понять. Я должен бы вступить на путь двойной рефлексии, рассказывая о себе, вступившем с Лениным в отношения, которые сами по себе проделали эволюцию. Он человек, который занял кусок моей жизни и расположился в нем» [Гефтер 2023].

В плане этой беседы я бы отметил две вещи. Во-первых, марксистский андеграунд налицо, и неважно, что он Гефтером переосмыслен: это часть тебя, твоего прошлого. Во-вто-

рых, Гефтер как историк приходит к предположению, что Маркс искал выход, поняв, что его концепция единой всемирной (унитарной) истории не верна. «Вывод Маркса – капитализм пережил свой второй "XVI век" и теперь начался сызнова. Значит, капитализм обладает неизвестным коммунистической теории ресурсом – за счет чего? За счет пространства планеты… Марксу очень важно, что на подходе Россия. Но важны и трудности внутреннего движения "Капитала", где предмет заявлен как унитарно-планетарный. А планетарный оказывается не унитарен! Получается, что и коммунизм может быть унитарно-планетарен, а может быть глобален по-другому? Капкан предмета. И с этим Маркс уходит» [Там же]. Именно с этой развилки в 20-х годах, по мнению Гефтера, начинает Ленин, столкнувшись с трудностями построения социализма в России.

Ленин был близок к тому, чтоб понять – мировой революции вообще не будет. Та мировая революция, на которую он рассчитывал, идя к Октябрю, вокруг идеи которой собралось руководящее ядро интеллигентов, эмигрантов и подпольщиков, – мировая революция в той форме, которую ждали, состояться не может… Мировая революция не удалась – где же выход?.. что же – России в одиночку проламываться вперед? Чаадаевский вопрос постучался в дверь к Ленину. Ответ Ленина на него, сокращая до телеграммы, можно выразить словами – мировая революция в одной стране. Формулой, настолько противоречивой, что она не поддается ни развертыванию, ни осуществлению. <…>

Этот человек готов был менять свой взгляд и не раз делал это. Но довести пересмотр до конца означало повторить то, что *почти успел* сделать предсмертный Маркс, – *пересмотреть основания*. На такую ревизию Ленин пойти не мог, хотя шел к ней. Но в особенности не мог другого: он не смел принести главной жертвы. Его новый взгляд на Мир – на этого многоукладного субъекта, с равноправностью его ипостасей, означал, что теперь надо было *принести в жертву Партию*. Такого он сделать не мог» [Там же].

А Сталин мог и, подготовившись, уничтожил старую Партию.

Опять, вынужден согласиться: это реконструкция истории, причем для нее не так уж много подтверждающего материала. Можно понять Анатолия Черняева, сказавшего: «Михаил Яковлевич! Это уже не новое прочтение марксизма – это ваше!». Однако для меня эта реконструкция вполне убедительная, во всяком случае, она многое объясняет. В гипотетическом теоретическом плане (в логике генезиса истории) можно предположить, что Ленин все же не вышел на сценарий отказа от прежней стратегии, также как и на идею естественного, своего пути российской революции, направляемой вождем и партией. Даже если это предположение верно, у нас нет фактов и серьезных аргументов, чтобы считать, что такое не могло быть. Одновременно, реконструкция Гефтера открывает перспективу разрешения тупика развития России: не революция, а эволюция, не унитарное государство, а продуманная и обеспеченная новым социальным порядком и законом федерация.

«Новое государство, – пишет Гефтер, – можно строить только в стратегическом *отступлении*. Оно должно политически отступить в жестко ограниченные, всем известные пределы. Урезав ряд функций, за счет суверенизации или республиканизации России, как угодно. Сильная государственная власть еще возможна, но она уже не "Москва, Кремль". Не располагая ресурсами, чтобы у всех все отобрать, а затем распределять самой, она вынуждена будет вступить в политическую игру с землями и договориться про новые правила. <…>

Сейчас речь идет о большем. О том, что основная тяжесть забот о ведении текущих дел возлагается на сами территории. И процесс суверенизации этих земель, по истории, масштабу, характеру населения растущих в целые страны – *русские страны*! – этот процесс неустраним. По отношению к нему есть только двоякое решение. Либо сила запрета, и тогда превеликая кровь, либо настоящая реформа – доведенный до конституционного основания федеративный союз. Включающий и русские страны, как бы те ни звались: земли, края, республики и так далее. В качестве главы государства, но не главы исполнительной власти президент

должен стать лидером союза стран, образующих Россию. Стражем новой Федерации» [Там же].

Правда, вопрос, удалось бы построить настоящую федерацию, учитывая картину, которую нарисовал Гефтер: традицию авторитетной власти русских царей, утопическое сознание разночинцев и революционеров, многовековую привычку российского населения к беспрекословию и подчинению, неправое сознание, начиная с верхних этажей власти? Мало вероятно. И еще одно соображение. В конце работы Гефтер выходит на предположение, что начинается смена Эона: «Человек-добытчик использовал ресурсы Земли, заданные планетарной и космогонической эволюцией. Из обреченного он стал существом, использующим все, что есть на Земле. Теперь его главным ресурсом станут ресурсы, заключенные в самом человеке. Он переходит в этот модус вынужденно – отступая из эпохи истории, где наметилось уничтожение его вида и высших форм жизни на Земли… выросла опасность конца вида Homo вследствие нивелировки его высшими, "умными" технологиями прогресса. То есть вид Homo sapiens должен будет как-то спасать себя от успехов собственной деятельности, искать новую основу и фундамент для разнообразящейся динамики человеческого… Значит, *с человеком опять что-то случится.* Может, не в последний раз, а может, на этот раз Homo sapiens'у уже не удастся выскользнуть» [Там же]. Трудно сказать, что при такой смене будет происходить с Россией, не смоет, не перекроит ли этот процесс все прежние цели и задачи.

Историческое самоопределение автора

Выше указаны две задачи: понимание Гефтером истории и сравнение этого понимания с авторской концепцией истории. Начну с того, что и для меня еврейские погромы, история России и страх перед концом света были актуальными проблемами. Об этом свидетельствуют мои сновидения. Помню, еще до службы в армии мне приснился сон, что я прячусь от погромщиков, которые меня все же находят; основное переживание – страх. Служил я в Германии в период обострения холодной войны. Командиры настраивали нас на ядерную войну, говоря, что за неделю мы должны на танках дойти до Ла-Манша, причем будем идти через Германию, разрушенную атомной бомбардировкой. Я так уставал, что в этот период мне ничего не снилось. Но после армии начал упорно сниться сон с одним и тем же сюжетом. Я бегу домой к родителям. Вокруг развалины, оставшиеся после атомного взрыва. Они белые и светятся от радиации. Вокруг висит страх. Сон прошел через три года. Безусловно, это была психологическая травма [Розин 2023]. Думаю, у Гефтера тоже.

Светлана Неретина, возражая К. Попперу, утверждавшему, что «не может быть никаких быть исторических законов», а потому подобно многим историкам, рассматривавшего историю как «интерпретацию событий», пишет, что «сама история есть этот универсальный закон мира, приведенного в сознание», что такой закон есть «*мы сами как исторические существа»* [Неретина 2018: 433]. Я бы согласился с поправками. Интерпретация исторической событий получается в результате реконструкции истории («человек, – пишет Гефтер, – это существо, которое изобретает прошлое» [Гефтер 2023]). Отсюда выросла отрасль знания, где эта творческая игра приобретает форму реконструкции прошлого. В свою очередь, реконструкция истории обусловлена «историческим способом жизни личности» и особенностью осознания прошлого, которые характерны вовсе для всех. Необходимость осознания прошлого важна для правильного понимания себя, других и мира. Подлинная история – это всегда история, имеющая начало и конец и ясная в событийном отношении. Не о том ли самом пишет Неретина, утверждая, что миф – это сказ о жизни, как она *вообще* бывает, история – сказ о том, как она бывает в конкретный промежуток времени, возникает и умирает? [Неретина 2018: 20–21, 441].

Говоря об «историческом образе жизни личности», я подразумеваю три момента. Во-первых, исторический образ жизни предполагает жизнь не только со своими современника-

ми, но и с давно ушедшими людьми. Естественно, не со всеми, а со значимыми для нас. Говоря жить, я имею в виду: стараться понять их поступки, включать их в свой круг (люди, мои предки), черпать от них силы или, наоборот, защищаться, предоставлять, как писал Бахтин, им голос, задавать вопросы и прочее, т. е. все, что входит в гуманитарное понимание жизни как общения и единства совместного бытия. Во-вторых, исторический образ жизни предполагает убеждение, по которому прошлая жизнь людей как-то определяет мою настоящую жизнь. Вариантов исторической детерминации, как показывают исследования, существует много: продолжающаяся во мне социальная традиция, разотождествление с ней, отрицание прошлого, переосмысление прошлой жизни, ассимиляция ее, обновление прошлого и т. д. В-третьих, оба указанные здесь момента реализуются с опорой на правильные реконструкции истории, т. е. такие, которые удовлетворяют требованию «тождества и нетождества прошлого и настоящего» [Розин 2019].

Когда я писал свою концепцию истории, еще не читал Гефтера. Прочтя, поразился, как будто я у него учился и решаю поставленные Гефтером задачи. Исторические задачи мне ставил не Гефтер, а мой учитель Георгий Щедровицкий, понимавший историю совсем иначе. Пройдя университеты «Московского методологического кружка», и разойдясь во взглядах со своим учителем, я кардинально пересмотрел его марксистские взгляды на историю. Возьмем всего лишь одну тему, обсуждаемую и Гефтером: начала и концы разных историй, разворачивающихся в лоне исторического времени. Как такое можно помыслить, и почему это не одна история? Не буду приводить аргументы общего характера, а рассмотрю один кейс – жизнь шведского ученого, а потом христианского эзотерика первой половины XVIII столетия Эмануэля Сведенборга. Сначала факты.

Сведенборг вырос в семье Еспера Сведберга, епископа и полкового священника королевской гвардии. Естественно, получил хорошее религиозное воспитание, а потом и естественнонаучное. Окончил Упсальский университет и стал известным ученым и инженером (в пятьдесят пять лет Сведенборг опубликовал двадцать пять томов исследований по минералогии, анатомии и геометрии). Был последовательным христианином, о чем свидетельствуют записи на многих страницах его трудов.

«1. Часто читать Слово Божье и размышлять о нем.

2. Покорять себя во всем воле Божьего промысла.

3. Соблюдать во всех поступках истинное приличие и хранить всегда безукоризненную совесть.

4. Исполнять честно и правдиво обязанности своего звания и долг службы, и стараться сделать себя во всех отношениях полезным членом общества» [Сведенборг 1993: 4].

Неожиданно Сведенборг оставляет науку и меняет образ жизни. «Этим событием, – пишет Хорхе Луис Борхес, – было откровение. Оно снизошло на Сведенборга в Лондоне; как было отмечено в его дневнике, откровению предшествовали сны… В Лондоне какой-то незнакомец шел за ним по улице и, войдя в его дом, назвал себя Иисусом Христом. Он сказал, что Церковь приходит в упадок, подобно еврейской церкви перед приходом Христа, и что Сведенборг должен обновить ее, создав третью церковь, церковь Иерусалима…Он сказал, что Сведенборгу будет позволено посетить мир иной, мир духов с бесчисленным количеством небес и адов. Он сказал, что Сведенборг должен изучить Священное Писание. И, прежде чем что-нибудь написать, Сведенборг посвятил два года изучению еврейского языка, потому что он хотел читать Священные тексты в оригинале. Он снова принялся их штудировать и усмотрел в них основу для своего учения. Это немного напоминает каббалистов, которые основываются в своих поисках на Священных текстах…» [Борхес 2005: 521–522].

«Тайны, открываемые на следующих страницах, – пишет сам Сведенборг, – относятся к небесам и аду и к жизни человека после его смерти. Ныне человек церкви едва ли что знает о небесах и об аде, и о жизни своей после смерти, хотя обо всем этом писано в Слове. Даже

многие принадлежащие к церкви все это отрицают, говоря себе: кто оттоль приходил и рассказывал? Но эта наклонность к отрицанию, преимущественно свойственная многоученым мира сего, не заразила и не испортила простых сердцем и простой верой, мне дано было в течение 13 лет быть вместе с ангелами, говорить с ними как человеку с человеком и видеть, что происходит на небесах и в аду. В настоящее же время мне дано описать, что я видел и слышал в той надежде, что невежество просветиться и неверие уничтожиться. Такое непосредственное откровение совершается ныне потому, что оно то самое, которое разумеется под пришествием Господа» [Сведенборг 1993: 14].

Ферелиус, друг Сведенборга, за год до смерти спросил, не намерен ли Сведенборг «перед смертью для обнаружения истины отречься, может быть, от чего-нибудь из того, что он написал. На это Сведенборг, поднявшись с кровати и положив руку на грудь, отвечал с некоторым жаром, свидетельствуя истину всего им написанного и прибавив, что мог бы написать гораздо больше, если б это было ему позволено». Исповедуясь, перед смертью, Сведенборг сказал: «Все мною написанное, – чистая истина… вы впоследствии с каждым днем будете более и более убеждаться в этом» [Там же: 13–14].

Теперь моя интерпретация. Первая история Сведенборга обычная, начинается с детства и до самой смерти, – это жизнь глубоко верующего христианина. Вторая история уже необычная, Сведенборга эзотерика. Вышел он на эзотеризм, разрешая противоречия двух картин мира – духовной, христианской и научной. Например, в его учении Бог – не Троица, а единое Существо (очевидно, с точки зрения науки, ипостаси Творца воспринимались Сведенборгом как противоречие). Каждый человек в учении Сведенборга – бессмертный дух. В этом отношении смерти нет, а есть духовная трансформация. Так была разрешена невозможность для ученого помыслить воскрешение из мертвых. Со временем Сведенборг выходит на эзотерическую идею двух миров, подлинного, духовного и вторичного, природного.

«Словом, – пишет Сведенборг, – все, что есть в природе, от самого малого предмета и до самого большого, есть соответствие; потому что мир природный со всеми своими принадлежностями заимствует свое бытие и существование от мира духовного, а тот и другой от Божественного…Кто после этого, мысля хоть несколько по здравому рассудку, скажет, что все эти чудеса не от духовного мира, которому природный служит телесной оболочкой или для того, чтоб духовную причину представить в вещественном проявлении» [Там же: 54–55].

Третья история – мистическая. Она начинается с посещения Свебенборгом неба и ада, общения с ангелами, причем все это для Свебенборга реальность, в которой невозможно усомниться. «Теперь, – пишет Сведенборг, – обратимся к опыту. Что ангелы имеют человеческий образ, то есть что они такие же люди, это я видел до тысячи раз: я разговаривал с ними как человек с человеком, иногда с одним, иногда со многими вместе, и никогда я не видел, чтобы внешний образ их чем-нибудь разнился от человеческого; иногда я дивился этому; но чтобы это не было приписано обману чувств или воображению, мне дано было видеть их наяву, при полном сознании чувств и в состоянии ясного постижения» [Там же: 42].

По отношению к этим высказываниям, конечно, можно занять позицию, сформулированную И. Кантом, мол, Сведенборг фантаст и ненормальный. «Поэтому, – пишет Кант, – я нисколько не осужу читателя, если он, вместо того, чтобы считать духовидцев наполовину принадлежащими иному миру, тотчас же запишет их в кандидаты на лечение в больнице и таким образом избавит себя от всякого дальнейшего исследования…в творчестве Сведенборга я нахожу ту самую причудливую игру воображения, какую многие другие любители находили в игре природы, когда в очертаниях пятнистого мрамора им рисовалась святая семья или в сталактитовых образованиях – монахи, купели и церковные органы… Я устал приводить дикие бредни самого дурного из всех фантастов или продолжать их вплоть до описания им состояния после смерти…было бы напрасно пытаться скрыть бесплодность всего этого труда – она бросается в глаза каждому» [Кант 1964: 327, 340, 347].

Однако, на мой взгляд, в данном случае неважно, существует сведенборгианский мир или его нет. Жизнь человека протекает не столько в природном окружении, сколько в семиотике и воображении. Недаром в настоящее время мы так озабочены цифровизацией и искусственным интеллектом.

Итак, три истории: каноническая христианская, эзотерическая, тоже христианская, но не каноническая, и мистическая и, действительно, в одном историческом времени новоевропейской культуры. Для меня понятно, о чем пишет Гефтер: да отдельные истории с началами (становлением) и концами (завершением).

Заключение

В данной статье я коснулся только нескольких проблем методологии истории, затронутых Гефтером. Остальные на очереди. Закончить я бы хотел следующими его высказываниями.

«История – это попытка построить человеческую жизнь, которая не может состоять из одного только сознания и мышления…История есть попытка втянуть всю жизнь в акт ее осознавания и сказывания. <…>

С этой точки зрения история возникает единожды. Она однократна. Тогда можно представить, отчего она иссякает в настоящее время. Ведь то, что представлялось высшим для человека – мышление осознавания, принужденное к растворению в повседневности, – неизбежно приобрело зловещие свойства. <…>

Светлана Неретина отчасти права, называя мои взгляды исторической эсхатологией, что-то в этом действительно есть. Но как бы мне при этом не оттолкнуть свою идею не конца, но исчерпания истории?» [Гефтер 2023].

«Спросят: а к чему это обращение к прошлому? Отвечаю: во имя сохранения очеловеченной Земли и себя – Человеком. Сохранения, благодаря изменению, развитию, у которого главный азимут – не единство на единственной, пусть даже самой идеальной основе, а единство, проистекающее из различий, из диалога различий, из взаимного оспаривания их, как и взаимной заинтересованности в том, чтобы они были, были «вечно» и жили своей жизнью» [Гефтер 2024].

Бахтин М.М. 1979. *Эстетика словесного творчества.* – М.: Искусство. – 423 с.

Борхес Х.С. 2005. Думая вслух // Борхес Х.С. Собр. Соч.: В 4 т. СПб. – Т. 3. – Доступно: http://lib.ru/BORHES/dumaya.txt. – Проверено: 10.03.2025.

Гефтер М.Я. 2023. Третьего тысячелетия не будет. Русская история игры с человечеством. – Доступно: https://predanie.ru/book/220783-tretego-tysyacheletiya-ne-budet-russkaya-istoriya-igry-s-chelovechestvom/#/toc3. – Проверено: 10.03.2025.

Гефтер М.Я. 2024. *Сталин умер вчера*. – Подборка перестроечной публицистики. – Доступно: yadi.sk/i/4g5q3h7ZZbv4Qg. – Проверено: 10.03.2025.

Кант И. 1964. Грезы духовидца, поясненные грезами метафизики. – Кант И. *Собр. Соч.: В 6 т*. – Т. 2. – М.: Мысль. – 511 с.

Неретина С. 2018. *Пауза созерцания. История: архаисты и новаторы.* – М.: Голос.

Розин В.М. 2018. *Новая концепция истории: История как образ жизни личности, социальный дискурс и наука.* – М.: URSS. – 208 с.

Розин В.М. 2024. *Образы и парадоксы Вселенной. Пролегомены к рефлексивной концепции космологии.* – М.: Голос. – 164 с.

Розин В.М. 2023. Понятие и феномен травмы: биологический, психологический и социокультурный аспекты. – *Электронный философский журнал Vox*: http://vox-journal.org. – Выпуск 42 (сентябрь 2023). – С. 50–69.

Розин В.М. 2019. Дискурсы исторического познания и история как способ жизни. – *Электронный философский журнал Vox*: http://vox-journal.org. – Выпуск 27 (декабрь 2019). – С. 34–60.

Сведенборг Э. 1993. *О небесах, о мире духов и об аде.* – Киев: Украина. – 336 с.

Памяти Б.Б. Родомана

От редакции

Борис Борисович Родоман изучал проблемы, соединяющие теоретическую географию с массивом гуманитарного знания, в состав которого входит также рефлексия по поводу государства. Одним из ярких примеров может служить цикл его статей, публикуемых в этом номере[1].

В.П. Макаренко

ОЩУЩЕНИЕ ГОСУДАРСТВА

Б.Б. Родоман

Девиационизм: сошли ли мы с правильного пути?

Характерной особенностью современного российского менталитета является широкая распространённость убеждения, что «мы» (страна, народ, общество, государство, человечество) сошли с правильного пути и должны на него вернуться. Для обозначения этого явления я предлагаю термин девиационизм (от лат. deviatio – уклонение с пути).

Девиационизм в моём понимании есть феномен веры; это дополнение к эволюционизму – вере в эволюцию, в направленное развитие природы и общества, отчасти отождествляемое с прогрессом. Девиационизм есть вера в возможную или действительную социально-историческую девиацию. Если существует (в чьём-то воображении) «столбовая дорога истории», то нетрудно вообразить и того, кто с неё сошёл. Девиационист верит в девиацию так же, как эволюционист верит в эволюцию.

Слово «девиация» в смысле «уклонение от норм и правил» применяется в социологии к так называемому «отклоняющемуся поведению» (извращения, правонарушения, преступления). Те же, кого я предлагаю называть девиационистами, рассматривают в качестве девиантов (отклонившихся) не отдельных людей, а большие популяции – народы, культуры, цивилизации.

Девиацию можно отчасти отождествить с уклоном или считать уклон разновидностью девиации. Русское слово «уклон» богаче оттенками, чем латинское «девиация», потому что двумерно, имеет две смысловые компоненты: горизонтальную – уход в сторону, и вертикальную – спуск, падение, а так как «верх» и «низ» – это ещё и оценочные категории, обозначающие добро и зло, то уклон – это ухудшение.

Если уклон и девиация – почти одно и то же, то уклонизм и девиационизм – разные вещи. Уклонист – тот, кто «впал в уклон», отклонился от предписанной ему основной, главной

[1] См.: Родоман Б.Б. Культурный ландшафт и судьба России / Б.Б. Родоман; под ред. Т.И. Герасименко (Институт географии РАН). – М.: Директ-Медиа, 2023. – С. 149–180.

DOI: 10.18522/2949-0707.2025.1.99124

линии во взглядах, политике. Уклонизм – не только позиция, но и поведение. Девиационист (в предлагаемом мною значении этого термина) есть тот, кто заметил пагубный уклон и тем самым поднял вопрос о необходимости его исправления. Девиационизм – это не поведение, а точка зрения наблюдателя, исследователя, заметившего, выявившего девиацию.

Социально-историческую девиацию можно мыслить как синхронную либо диахронную. Синхронная девиация – уклонение от ныне действующей нормы или курса; при диахронной девиации «нормальное» и «ненормальное» положение существовали в разное время, чередовались «правильные» и «неправильные» фазы развития.

1. Уклонение от «генеральной линии»

До 1953 г., т. е. до смерти И.В. Сталина, в советской официальной идеологии господствовал синхронный девиационизм: временами разоблачались и карались отступники – вредители, левые и правые уклонисты, безыдейные писатели и композиторы, менделисты-морганисты, безродные космополиты (они же сионисты) и т. п. После Сталина кампании травли становились реже и смягчались. На авансцену выдвинулся диахронный девиационизм, включающий постоянные переоценки недавно прошедших коротких исторических периодов. Он выразился в частичной ревизии господствующей идеологии. То, что было генеральной линией, само оказалось уклоном, отклонением от «ленинских норм». Нам объявили, что только при жизни В.И. Ленина, в течение каких-то шести лет, заполненных гражданской войной, разрухой, болезнью и маразмом вождя, советская страна шла правильным путём, затем были сплошные извращения, не изменившие, однако, позитивной природы общественного строя и не закрывшие дороги к его исправлению при Н.С. Хрущеве. В свою очередь, и этого деятеля после его свержения объявили уклонившимся от генеральной линии. С тех пор каждый новый правитель исправляет ошибки предыдущего и валит на него ответственность за все недостатки. Нередко охаивание прошлого хозяина и периода сопровождается одобрением позапрошлого (а это и есть девиационизм).

Как правило, всякий действующий правитель России (по представлению большинства его подданных) ведёт страну в правильном направлении, но для завершения правого дела ему не хватает времени. Так, между прочим, напрашивается вывод о необходимости продлевать срок правления. И не случайно в большинстве стран СНГ президенты правят пожизненно. Девиационизм способствует перерождению умеренного авторитаризма (с которого новый вождь начинает) в тоталитарную диктатуру. Но я бы не сказал, что девиационистская идеология всегда придумывается на вершинах власти и спускается массам через пропаганду. Напротив, в годы идеологического брожения и относительной свободы девиационизм бурно растёт снизу.

К 1991 г. марксистско-ленинская оболочка государственной идеологии, разъеденная молью свободомыслия, окончательно спала и обнажила подготовленный интеллигентами-шестидесятниками идейный плюрализм, крайними полюсами которого стали славянофильский национал-патриотизм и западнический рыночно-демократический либерализм и космополитизм. Девиационизм получил невиданное ранее широкое распространение после того, как упал информационный «железный занавес» и открылся доступ к библиотечному и архивному «спецхрану».

В эпоху горбачёвской «перестройки» доморощенные концепции советско-антисоветских мыслителей всё больше сливались с зарубежными и дореволюционно-российскими, становились их вариантом и продолжением. Девиационисты копали всё глубже, и оказалось, что глубине этой нет конца, что она заводит в головокружительные бездны прошлого. В любом историческом периоде можно было найти моменты, когда наша страна якобы сошла с правильного пути.

2. Как понимать «возрождение России»?

После краха СССР национальное самолюбие россиян было в значительной мере уязвлено впечатлением, что начавшиеся перемены – неумелая погоня за вчерашним днём евроатлантической цивилизации, жадное потребление её отбросов, материальных и духовных, которое приведёт к вырождению России, подчинению её «растленному Западу». У нынешнего «развития» нашей страны патриоты ищут собственные, отечественные корни. На помощь приходят две чисто девиационистские концепции «возрождения России».

- Первая концепция, рыночно-капиталистическая, утверждает, что здоровое развитие нации было прервано большевиками в 1917 г. Вспоминают замечательные традиции российских предпринимателей, главным образом, старообрядцев, носителей особой деловой этики, похожей на протестантскую. А в сельском хозяйстве верный путь якобы нашёл П.А. Столыпин, но ему помешали радикальные демократы и социалисты, расшатывавшие державу.

- Вторая концепция, отвечающая менталитету силовиков и работников военно-промышленного комплекса, считает роковым срывом 1986 г., когда советскому народу была дарована «гласность», подстёгнутая Чернобыльской аварией. Вызванное всеобщим рассекречиванием и свободой слова брожение в обществе привело в конце концов к распаду Советского Союза.

В сознании нынешнего подрастающего поколения царская Россия и СССР всё больше сливаются в некотором нераздельном образе великой, сильной державы, которую надо возродить (в том числе территориально), «чтобы нас все боялись». Но если империя, будучи наилучшей (да и единственно возможной) формой существования России, всё-таки дважды рушилась в течение одного, XX столетия, то по чьей вине? Если это не слабость и некомпетентность самодержца, то происки врагов, внешних и внутренних, которые самодержавную власть ослабили. Такая девиационистская точка зрения является опорой для ксенофобии и конспиризма.

3. Когда сошёл с рельсов царский поезд?

При всей идеализации царской России невозможно забыть, что в начале XX в. почти всё образованное общество, вплоть до придворных аристократов, было резко настроено против самодержавия. Когда же произошло грехопадение царствовавшего дома Гольштейн-Готторп-Романовых? Трагедию можно связывать и с Распутиным, и с Кровавым воскресеньем 9(22) января 1905 г., и с русско-японской войной, и с политикой Александра Третьего (слишком реакционной), и Александра Второго (слишком либеральной). Примитивный девиационизм навязывает нам представление, что до какой-то станции царский поезд шёл нормально, а после покатился под откос.

Есть и такое мнение, что в катастрофах XX столетия повинен… Пётр Первый! До него наша страна и так уже осторожно и степенно шла на сближение с Западной Европой, но нетерпеливый Пётр грубо изнасиловал Россию, окунул ее в холодное Балтийское море (в котором сам потом простудился), отдал на поругание «табачникам». Так мы получили поверхностно европеизированную образованщину, якобы оторванную от азиатского народа. Помещики-дворяне и крепостные крестьяне стали как бы двумя разными нациями (субэтносами).

Но как же это совмещалось с сельским бытом? Помещики спали с крепостными девушками и делали им огромное количество детей. Деревня становилась биологической семьёй своего барина. Законное дитя дворянина сосало грудь крестьянки-кормилицы, училось родной речи у своей деревенской нянюшки и с нею же ставило первые сексуальные опыты. Отнюдь не цивилизованные слуги из дворовых крепостных денно и нощно сновали по комна-

там, не оставляя господам времени на уединение. Интимная жизнь помещичьей семьи обсуждалась в каждой избе. Какая уж тут оторванность от народа?

Если принять во внимание только что сказанное, то картина получится иная – полная классовой гармонии. Знакомство с очаровательным миром русской усадьбы и порождённым ею Золотым веком русской культуры даёт нам основание идеализировать всё столетие классического крепостного права (1762–1861), а его отмену считать первой российской общенациональной катастрофой. Пока крестьян опекали и отечески пороли, они знали своё место, но когда кнут отобрали, а дворян разбавили разночинцами, тогда осиротевший мужик взял реванш и вернул Россию в Азию. По степени варваризации страны Октябрьскую революцию 1917 г. можно сравнивать с Иранской 1979 г.

4. Или всё началось с Киевской Руси?

Позади маячат избитые сюжеты: Смутное время; садист Иван Грозный, нагнавший ужас на все последующие века; монголо-татарское (ордынское) иго, на которое по традиции сваливают многие беды России. Якобы до татар «мы» были не меньшими европейцами, чем французы – даже невесту для короля из блистательного Киева в вонючий Париж вывезли. Но Александр Невский разбил немцев в союзе с татарами, а не татар в союзе с немцами (как полагалось бы «белому» европейцу и христианину), предпочёл хана папе. Владимир принял христианство не с той стороны, т. е. зря взял византийскую ориентацию, или вообще крестил Русь напрасно. Приведём некоторые суждения на эту тему.

- Христианство нарушило экологическое равновесие, отобрав влияние у жрецов-волхвов, регулировавших природопользование. Так называемое язычество (этническая религия) было практической экологией, уставом повседневной жизни в природной среде. Князья и бояре наложили непомерную дань, отобрали охотничьи и рыболовные угодья, вынудили усиленно размножаться (нужны были слуги и воины) и распахивать лесную зону, а затем и черноземы, прежде хорошо кормившие пернатой дичью и мясом копытных. Крестьянам пришлось питаться хлебом и горохом. Для колонизации новых земель (первоначально – в погоне за пушниной) понадобились крепостничество, милитаризм, тоталитарный режим.

- Христианство принесло «византийщину» с её деспотизмом, обожествлением монарха и многоэтажной бюрократией взамен исконно-посконной русской вольницы вроде Новгородской республики с её вечевой «кончанской демократией» (кончане – представители концов, т. е. частей города), которую так любила Валерия Новодворская. Но ещё злейшей причиной нашего азиатского самодержавия считают изрядно мифологизированных татаро-монголов, поэтому авторитарный режим называют также монголо-византийским, а СССР и сегодняшнюю Россию – наследниками империи Чингисхана.

- Христианство зародилось в стране, слишком чуждой для России по духу и климату. Особенно смущает русских националистов-неоязычников этническая принадлежность Иисуса, а Ветхий Завет кажется скучной хроникой склок каких-то ничтожных и не интересных для нас племён.

- Христианство с его проповедью любви к врагам якобы навязало русскому народу излишнюю мягкотелость и слюнявую кротость, чем и воспользовались враги, которые его совратили, споили и продолжают грабить.

- Напротив, любви не только к врагам, но и к своим, ближним у нас явно недостаёт. Православие не восприняло высоких христианских идей, а осталось обрядоверием, перекрашенным язычеством, которое и восстанавливать не надо, так как оно никуда не девалось. Остаётся только русифицировать Христа, отождествив его, например, с Ильёй Муромцем, у которого в одной руке крест, а в другой автомат Калашникова.

- Если бы русские стали мусульманами, то мужики в деревне были бы не пьяницами, а трудолюбивыми многодетными отцами; наша сельская местность не пришла бы в такое запустение; наши солдаты давно бы купались в Индийском океане и поставили бы на колени Америку. Впрочем, для обслуживания авторитарной власти православие и ислам одинаково хороши, и у нас, в отличие от некоторых стран Ближнего Востока, обе конфессии живут дружно. Их деятели постоянно обмениваются любезностями и твердят, что моральные нормы у православных и мусульман одинаковы.

Немало имеется охотников идеализировать не просто языческую, а ведическую (!) Русь и даже говорить об общей для России и Германии древней арийской Индо-Европе, осенённой разнообразными свастиками.

5. Когда свихнулось всё человечество?

Экологический кризис, этнополитический раскол мира и наличие ядерного оружия поставили под угрозу само существование людского рода и весь так называемый прогресс. С точки зрения простого здравого смысла такую ситуацию нельзя считать нормальной. Когда же произошло роковое отклонение от «нормы»? Из множества мнений приведём и самые известные, и самые курьёзные.

Европейцы фактически отпали от Христа, вняв просветителям. Атеизм распространился ещё до Великой французской революции, а после неё религиозность образованных классов стала поверхностной, формальной, номинальной. Просвещению предшествовала Реформация. Протестантизм был серьёзным шагом прочь от религии: буржуа освободился от страха перед Богом, превратил его в покладистого члена семьи и партнёра по бизнесу. Гуманисты и деятели эпохи Возрождения положили начало культу человеческого тела и разума. Люди поставили себя наравне с Творцом и выпустили из бутылки джинна – науку и технический прогресс. Современная Западная Европа – общество, в сущности, постхристианское.

6. Открытия антропологов и ошибки Бога

Христианство и предшествовавший ему ветхозаветный иудаизм – типично девиационистские религии, где то и дело совершаются грехопадения и приходят пророки, мессии, святые, чтобы вернуть заблудших овец на праведный путь. Самое впечатляющее учение, о первородном грехе Адама и Евы – основа всякого девиационизма. Наконец, девиационистом был и сам Господь: однажды он крепко пожалел, что сотворил людей, и пытался исправить свою ошибку при помощи потопа.

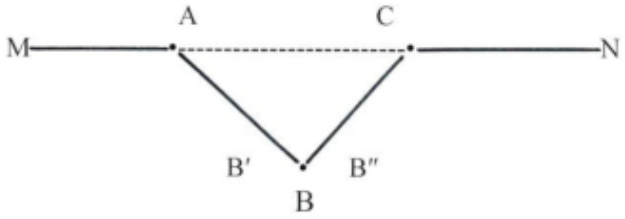
Довелось мне слышать на семинарах по теме «Биология и культура», организованных петербургским универсальным учёным Сергеем Чебановым, что золотой век, оказывается, был в палеолите. Параллельная ветвь человека – неандертальцы, их близкие предки или потомки, достигли высокого уровня эмоционального развития, были красивыми и добрыми, а вся их жизнь была сплошным оргазмом, но завистливый Человек разумный (Homo sapiens), коварно воспользовавшийся гипертрофированным интеллектом как продолжением зубов и когтей, погубил своего беззащитного брата, как Каин Авеля: загнал в леса, горы, пустыни, где этот несчастный долго сохранялся в фольклорных преданиях как леший или снежный человек вплоть до середины XX в., так и не попав в Красную книгу.

В свете грядущих технически возможных катаклизмов вполне можно допустить, что появление человека, всех приматов и вообще всех животных, поскольку они страдают и постоянно грызутся, – жестокий и неудачный эксперимент, самая нелепая ошибка Бога или Природы; что жизнь – смертельная болезнь (передающаяся половым путём), а биосфера –

парша и струп на теле планеты. Вселенной вообще не надо было возникать! Творец, как безответственный террорист, от скуки взорвал окружающее Нечто или Ничто, а мы – только пыль от этого Большого взрыва, которая еще не улеглась…

7. Изломанная траектория «развития»

Девиационистскую картину «развития» общества изобразим ломаной линией MABCN, состоящей из четырёх отрезков и трёх особых точек, не считая начала M и конца N, нередко отодвинутых в бесконечность или вовсе не предполагаемых.



MA – первоначальный правильный путь, золотой век в прошлом.

A – точка (момент) девиации; схождение с правильного пути, обычно незаметное, как начало болезни. С этого момента общество движется в сторону или, если угодно, катится вниз.

AB – линия (процесс) девиации; удаление от правильного пути; нарастание зла, углубление кризиса.

B – надир, нижняя кульминационная точка «развития», предел падения, момент прозрения. Осознание ошибок, появление новой идеологии и программы, нового пророка, вождя, лидера, спасителя.

BC – линия (процесс) ревиации – возвращения к правильному курсу. Общество идеологизировано, мобилизовано, устремлено к целям, ведóмо харизматическим лидером, вождём.

C – точка (момент) стабилизации. Исправление недостатков закончилось, и теперь можно расслабиться, отдохнуть, почить на лаврах.

CN – окончательный правильный путь, золотой век в будущем.

«Мы», т. е. желающие исправления ситуации, обычно находимся возле точки B. При этом пессимисты, диссиденты, оппозиционеры, считающие, что падение в пропасть продолжается, а рецепт спасения не найден или не принят, полагают себя находящимися позади надира – в некоторой области B'. Оптимисты, сторонники власти, ортодоксы, считающие, что рецепт спасения найден и принят, т. е. уверовавшие в вождя-спасителя, ставят себя впереди надира – в области B".

8. От сотворения мира до всеобщего спасения

Вышеприведённой схеме соответствует прежде всего христианская концепция истории.

M – сотворение мира и человека.

MA – жизнь перволюдей в раю.

A – грехопадение.

AB – вся ветхозаветная история, дальнейшее погружение в грехи.

B' – пророки-увещеватели, предшественники Христа.

B – пришествие Христа-Спасителя.

B" – отцы церкви.

BC – вся христианская эра, ожидание Страшного суда.

C – Страшный суд.

CN – вечная жизнь праведников.

9. Под флагом рыночной демократии

Той же схемой описывалась новейшая история России с точки зрения сторонников рыночной демократии в 1990-х годах.

M – отмена крепостного права.

MA – развитие капитализма в России.

A – социальный кризис после поражения в русско-японской войне. П.А. Столыпин пытается спасти Россию, но его убивают. Страна ошибочно втягивается в Первую мировую войну, воспользовавшись которой большевики сталкивают Россию с правильного пути.

AB – Россия, СССР строит социализм и коммунизм, т. е. роет себе могилу, удаляясь от столбовой дороги цивилизации и общечеловеческих ценностей.

B – кризис общественного строя, прозрение интеллигенции, крах коммунистической идеологии, мимикрия номенклатуры, выход на сцену «спасителей», вооруженных либерально-рыночными теориями.

BC – построение рыночной экономики и правового государства, ценою некоторых неизбежных жертв при «шоковой терапии» (по Егору Гайдару). Страна возвращается на свой «российский маршрут» (выражение философа Игоря Чубайса).

C – стабилизация экономики и торжество прав человека.

CN – вкусившая сладость частной собственности, Россия благоденствует в сонме передовых демократических стран.

10. Красно-коричневая перспектива

Иной по содержанию, но подобной по структуре, выглядела оценка истории XX в. сходившими со сцены коммунистами, мечтавшими о реванше, и поднимавшими голову национал-патриотами в тех же 90-х годах.

M – брожение народных масс, направляемых разными внутренними и внешними силами, привело к революции 1917 г. и закончилось гражданской войной.

MA – великий народ решает грандиозные социальные задачи, укрепляет, защищает и прославляет свою державу, ставит её во главе «социалистического лагеря» – мировой суперимперии, простиравшейся от Гаваны до Ханоя.

A – воспользовавшись временными трудностями, ошибками, предательством части руководства, враги расшатывают и разваливают СССР.

AB – Россия криминализуется и разворовывается диким капитализмом.

B – очередной, на сей раз удачный переворот или выборы приводят к власти сторонников Национального Спасения.

BC – восстановление, укрепление, расширение великой державы и управляемого, государственного народного хозяйства.

CN – социальное государство народного благоденствия, соборная православная Россия процветает, внушая всему миру почтение и страх.

Возможность изобразить этой схемой текущий этап отечественной истории (с 2000 г.) я предоставляю моим читателям.

11. В поисках экологического земного рая

Типичной девиацией кажется и глобальный экологический кризис – с точки зрения радикальных экологистов.

MA – равновесное состояние, отмечавшееся в традиционных, экологически сбалансированных культурах и до XX в. сохранявшееся, например, коегде у народов Севера и тропических островитян,

A – нарушилось взрывной экспансией европейской цивилизации и инициированным ею глобальным колониализмом.

AB – ускоряющееся истощение невозобновляемых природных ресурсов, загрязнение и деградация среды обитания.

B – учёные открывают нам глаза, указывая на пределы роста и необходимость восстановления баланса в биосфере.

BC – человечество под руководством учёных и просвещённых правительств перевоспитывается, изменяет своё поведение и структуру потребления; быть может, даже уменьшает свою численность до экологической нормы.

C – экологическая ситуация стабилизировалась.

CN – человечество вечно процветает и наслаждается счастьем на поверхности Земли, превращенной в райский сад, в сплошной природный парк культуры и отдыха, в любви и дружбе с дикими животными и растениями.

Ситуациям, описываемым нашей ломаной траекторией, несть числа. В них субъект уподобляется блудному сыну, который в точке A покидает отца, в точке B раскаивается и поворачивает домой, а в точке C кушает мясо упитанного тельца. Уж не имеем ли мы дело с всемирным сказочным сюжетом? Религиозное, в частности, библейское происхождение девиационизма кажется вероятным.

12. Блаженны продвинутые!

В обществе прогресса и конкуренции девиация и ревиация однозначно связываются со злом и добром, получающими темпоральную (временну́ ю) характеристику. Уклониться значит отстать, а вернуться на правильный путь – догнать. Отсталость – зло, передовизна – добро; отсталый – плохой, а передовой («продвинутый») – хороший. AC – правильный путь образцовых, примерных, не отставших, в то время как шедшие по ломаной линии ABC ошибались, заблуждались, страдали, маялись дурью.

Слово «отсталый», сказанное в глаза, воспринимается почти как ругательство и оскорбление, поэтому заменяется каким-нибудь эвфемизмом. Так, большинство стран мира называют «развивающимися». О культурах, не похожих на современную евроатлантическую, нередко говорят, что они находятся на относительно низких ступенях развития, т. е. предполагается, что лестница прогресса для всего человечества одна. Моральный долг «развитых» – помогать «развивающимся», поднимать их до своего уровня, распространять среди них свой менталитет и образ жизни, чтобы их осчастливить…

13. Взгляд с высоты унитаза

Мне кажется, что одно и то же явление можно считать прогрессом и регрессом, подъёмом и упадком, стабилизацией и дестабилизацией, и т. д., в зависимости от того, какие факты принимаются во внимание и в какую цепь они нами мысленно выстраиваются. Простейшая концепция прогресса, по-видимому, формируется следующим образом. Утверждаются

какие-то ценности, а события, необходимые для их торжества, отбираются и упорядочиваются путём проецирования на некоторую линию. Так, если считать высшими достижениями цивилизации автомобиль, компьютер и ватерклозет, то прогресс – те события в истории науки, техники, хозяйства, общественного строя, которые привели к появлению этих замечательных вещей.

Формулируя концепцию прогресса, сидящий на унитазе ищет в истории «ступени, ведущие к себе», по которым его предки и он сам поднялись на сегодняшний уровень бытового комфорта. Но аналогичным методом Сидящий мог бы выявить и регресс, увидев себя, например, в экологическом тупике, если бы задумался, какова площадь канализационных отстойников и сколько чистой питьевой воды употреблено. На что?!

14. От геометрии к картографии

Обычно спорят, линейно то или иное развитие или циклично (подобно окружности), а из сочетания прямой с окружностью строят спираль, но почему только две фигуры берут за основу? Мне думается, что гуманитарии недостаточно знакомы с методами моделирования многомерных пространств. Если бы историки, философы, экономисты освоили хотя бы те способы изображения, которые применяются на тематических географических картах, профилях, блокдиаграммах (геологических, почвенных, геоботанических), то модели социально-исторических процессов были бы ярче и нагляднее.

Существуют ли настоящие исторические карты? Не те географические карты территории, на которых отображены явления и события прошлого, например, размещение древних культур, государств, места сражений, а карты многомерного времени, в поле которого протянулись фактически осуществлённые маршруты, преодолевшие сопротивление среды, прошедшие через точки бифуркации, отклонившиеся от той или иной осевой линии, и т. п. Какие-то простенькие, как в учебнике геометрии, и разрозненные чертежи в трудах учёных-историков изредка встречаются, но где же комплексные многоцветные карты потенциального исторического поля?

Другая (или почти та же) причина примитивности общепринятых представлений о ходе истории, прогрессе, эволюции состоит в том, что массовый потребитель отголосков науки и философии не способен воспринимать сложные схемы, не обладает для этого достаточным воображением. Даже такая простая модель развития, как пресловутая «диалектическая спираль», оказалась для обыденного сознания слишком сложной. Одни видят архимедову спираль, а другие – винтовую линию, как у пружины для весов-безмена.

Вопрос, включённый в заглавие этой стать, вероятно абсурден и не может иметь разумного ответа. Наука, видимо, должна выяснять не то, каково развитие общества «на самом деле», а какие получаются картины при разных методах моделирования.

Образы государства, внедряемые в массовое сознание

Вопреки расхожему мнению о деидеологизации российского общества я берусь утверждать, что в нём сохраняется стойкая квазирелигиозная идеология – культ государства, этатизм, играющий роль религии. Древнекиевский культ Перуна, великокняжеское и имперское православие, пролетарский интернационализм, животворный советский патриотизм, народный патриотизм и православный фундаментализм наших дней с церковью в роли ДОСААФ – всё это формы сакрализации, обожествления конкретной, земной, государственной власти. Культ государства не всегда позитивен; имеет место и отрицание Бога, богоотступничество, богохульство, ересь, бунт. На Бога ропщут, от него отпадают, к нему возвращаются; на него возлагают наде-

жды, поэтому разочаровываются. Российский этатизм амбивалентен, любовь и ненависть в нём – взаимозаменяемые проявления более постоянного чувства горячего, заинтересованного неравнодушия. Миллионы людей в меру ущербности своей личной жизни и частной деятельности с тревогой следят за пароксизмами государства. К нему обращаются с молитвой «хлеб наш насущный даждь нам днесь» не только работники госбюджетной сферы – в более широком смысле «дай» значит «не отнимай». И те, кто рискнул заняться частной деятельностью без государственной крыши, прекрасно понимают, сколь ненадежно их будущее. Бог дал, Бог и взял.

1. Традиционные образы государства

Представления о государстве, внушаемые на школьных уроках истории, в речах политиков, официальной пропагандой и средствами массовой информации, опираются на простые, хорошо знакомые образы.

1. Государство – транспортное средство; корабль, повозка, а в XX в. ещё и самолет. Глава государства – кормчий, штурман, возница, пилот; если он выпустил руль, упустил бразды, то государство стало неуправляемым, неизбежна авария. Опасения и страхи, правда, смягчаются представлениями об автопилоте, поезде метро без машиниста, лифте без лифтёра. Убедившись, что и без вождя жизнь идёт своим путем и ничего страшного не происходит, кое-кто начинает сомневаться в необходимости центральной власти, а она, чтобы не показаться совсем не нужной, провоцирует различные события и формирует образы врага, призванные подтвердить её незаменимость и значимость. Обыватель убежден, что повседневные беды в его жизни проистекают от того, что государством плохо управляют.

2. Государство – дом. Один общий дом для всех его граждан. Отсюда лозунг «Наш дом Россия» и ладони, сложенные крышечкой, жест, пригодный в качестве партийного приветствия. Если Россия – дом, то изъятие любой детали грозит разрушением, будь то угловой кирпич (Курилы) или одна из центральных опор (Татарстан). Боязнь социального взрыва тоже относится к архитектурно-строительному представлению о стране, отождествляемой с государством. Жилые дома взрываются ежедневно, поэтому легко вообразить, что произойдет, если взорвётся весь «Наш дом Россия», тем более что держится он почти исключительно на нефтегазовых трубах. Россияне убеждены, что если государство рухнет, то все будут погребены под его обломками. Особенно важное, почти мистическое значение приобрело слово «крыша». Миллионы рабочих, гражданских и военных служащих живут в основном за счет того, что возделывают садовые участки (огороды со свинарниками и курятниками), разворовывают свои предприятия и учреждения, занимаются челночным извозом и уличной торговлей, берут взятки, но при этом числятся казёнными работниками, даже если не получают зарплаты. Что же будет, если государственная «крыша» над ними рухнет или «поедет крыша» у правительства?

3. Государство – вотчина, поместье, усадьба, дачный участок, крестьянский двор, семейное хозяйство, а граждане – члены большой семьи, пользующиеся её коллективной, не вполне разделенной собственностью. Советский человек, если он не имел автомобиля и дачи, удовлетворял свой собственнический инстинкт тем, что ощущал себя совладельцем государственной территории и природных ресурсов: «зато Курилы наши и якутские алмазы наши». Величием державы компенсировалось ничтожество рядового пролетария. Вполне понятно «широким массам» и вызывает у них сочувствие стремление государства иметь на своей территории «все свое»: свои месторождения всех видов полезных ископаемых, свои морские порты. Пусть недогружены эстонский порт Новый Таллин, латвийский Вентспилс, финский порт Котка, – России нужно строить свой порт в Усть-Луге, свой нефтяной терминал около Геленджика или Абрау-Дюрсо. Вот так же крупный помещик имел своих крепостных парик-

махеров, портных, художников, артистов – им можно меньше платить, их можно и высечь. И это так понятно, так близко любому рабочему, выращивающему в «санитарной зоне» промышленных предприятий, под дымом из труб родного завода свои «бесплатные» овощи и ягоды.

4. Государство – живое существо, родное, близкое, требующее любви, как мать и отец. «Как невесту Родину мы любим, бережем, как ласковую мать». Правда, образ невесты уже не соответствует современной практике, но зато сохраняется двуединое, двуполое божество «Родина – Отечество». В XIX в. слово «Родина» было запрещено цензурой, воевали «за Цари и Отечество», в СССР до войны с Германией было запрещено «Отечество» как напоминавшее о царе. С 3 июля 1941 г. (день обращения И.В. Сталина к народу) Бог и богиня успешно работают в одной упряжке; с тех пор патриотизм стал официальной идеологией. Мужское и женское начала российской государственности, разумеется, неравнозначны: мы, как никак, живем при патриархате. Отечество, которое защищают вооруженные силы. – это прежде всего сам Отец Отечества, а Родина – вверенная ему страна, земля, почва, более пассивная, страдающая, беззащитная, жертвенная. Отношение между партнерами напоминает супружество, но отнюдь не договорное, не западного типа, а традиционно-российское, патриархальное, идеально-домостроевское. Иной муж бывает суровым и ревнивым «учит» жену (плёточкой и танками), заточает в терем (за железный занавес), шпионит за ней (ставит «жучки» в телефон). А то попадётся развратник, Образы государства, внедряемые в массовое сознание пьяница, мот: изменяет жене с растленной Европой, закладывает семейное имущество во Всемирном банке, проматывает деньги в Монте-Карло. Жена ропщет, жалуется, ищет, в какой бы партком заявить, в какой бы монастырь уйти; сама пытается изменить, но в общем терпит, как и положено русской женщине. И, как водится при семейных конфликтах, часть детей принимает сторону отца, а часть сочувствует матери. Россию как существо женского рода можно любить и жалеть, к ней можно испытывать чисто мужскую ревность, питать не только сыновние, но и отцовские, братские, дядины чувства. «Синеглазая девочка Русь…» То ли над ней и в самом деле хотят надругаться чужеземцы, то ли она сама готова продаться им за доллары – обе альтернативы приводят мужественного патриота в неописуемую ярость. Постоянный страх, что с Россией что-то случится, приобретает характер массового психоза. Если страна живая, то отторжение хотя бы маленького кусочка воспринимается как ампутация или травма. Используются термины из хирургии, анатомического театра, морга; картины из ежедневных сообщений об убийцах, расчленяющих трупы. Регионализация, сепаратизм, территориальные претензии соседей толкуются как расчленение и умерщвление; боязнь потери какого-нибудь крошечного, но важного «ключевого» региона напоминает страх кастрации (по З. Фрейду). Традиционные образы государства сыграли свою историческую роль в междоусобной борьбе народов и царств, но для отдельных граждан в наши дни эти идолы смертельно опасны, потому что они кровожадны; представляемый ими Молох требует человеческих жертв. И такие жертвы были принесены совсем недавно, когда десятки тысяч людей погибли ради «территориальной целостности» России. Напряженно-эмоциональное отношение к сакрализованному государству – постоянный источник тревог и страхов. Совокупность фобий позволяет говорить о состоянии российского общества как о коллективном психозе. Имперская паранойя органически сочетает манию величия с манией преследования.

2. Боязнь потери территориальной целостности

Как географ я обращаю особое внимание на ст. 4, п. 3 Конституции: «Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории». В этой фразе все вызывает недоумение; мне, в частности, непонятно, нарушает ли само государство неприкосновенность своей собственной территории, если отравляет ее радиоактивными выбросами

или бомбардирует её своей же авиацией? Обеспечит ли государство неприкосновенность территории при десанте инопланетян (в существование которых большинство россиян верят) или метеоритном дожде? А загрязнения с ветрами и течениями из-за границы – это нарушение территориальной неприкосновенности? Вопрос не праздный, ибо в XXI в. экологические конфликты кажутся более вероятными, чем этнополитические. К числу распространенных фобий, внушаемых политиками-государственниками, относится боязнь потери Россией ее территориальной целостности. В связи с этим понятием поставлю два вопроса:

1. Теряется ли территориальная целостность России от любого уменьшения ее территории, т. е. от уступки, потери хотя бы «пяди Русской земли»? Нас уверяют, что это так, иначе бы не жалели отдать чеченцам Ичкерию, а китайцам какие-то островки в пойме Амура. Похоже, что потеря целостности трактуется патриотами как потеря девственности при дефлорации. Отдав Чечню, Курилы и Абренский уезд, отнятый у Латвии, Россия потеряет честь и дальше ей придётся уступать всем сепаратистам и зарубежным претендентам, разлагаться не только морально, но и в более буквальном смысле – на территориальные части. Вместе с тем, если от однократного акта изменения границ территориальная целостность теряется раз и навсегда, то исчезает проблема, так как больше терять нечего.

2. Уменьшается ли территориальная целостность от потери островов или анклава? По-моему, наоборот увеличивается. После присоединений к СССР в 1945 г. северной трети Восточной Пруссии РСФСР потеряла свою территориальную целостность, поскольку стала состоять из двух кусков. Теперь, если бы Россия отказалась от Калининградской области, то восстановила бы свою целостность, во всяком случае, повысила бы ее уровень. Разве не очевидно, что монолитность, непрерывность, компактность территории – признаки её целостности? Если ещё рассмотреть степень удобства управления страной, возможность обратной связи и многое другое, то чем меньше и компактнее территория, тем легче обеспечить её целостность. Сегодняшняя Россия по очертаниям своих границ самая некомпактная из крупных стран мира и похожа на не разобранный остаток после раздела земель. Если страна – кусок картона, нагруженный тяжестями, то Россия разорвётся скорее всего по двум перемычкам – Волго-Донской и Западно-Сибирской. Однако сомнительно, что территориальная целостность такая уж серьёзная ценность сама по себе, независимо от транспортных условий. Вот, например, совсем не целостна территория США, включающая Аляску и Гавайи.

3. Нетрадиционные образы государства

Кровожадным идолам государства можно противопоставить более гуманные образы, адекватные политическому либерализму и конкурентной рыночной экономике, отвечающие представлениям о правах человека, правовом государстве и т. п.

1. Государство – служебный, вспомогательный аппарат общества, его слуга, а не хозяин; совокупность печально необходимых служб, связанных с «несовершенством человеческой природы», возможностью стихийных бедствий, экологических катастроф и т. п. Правительство нанимается налогоплательщиками и им подотчетно; оно не командует гражданами, а управляет ограниченной сферой их обслуживания. Это государство частичное, минимальное, не тотальное и не сакральное; оно может иметь своих поклонников и болельщиков, но никого не заставляет себя любить; предполагает не эмоциональное, а рациональное отношение к себе.

2. Государство – административно-территориальная единица мирового сообщества, не самая высшая (над ним межгосударственные союзы и ООН), с суверенитетом, ограниченным международными договорами и законами. Глобальный процесс интеграции—дифференциации двойствен: с одной стороны, великие державы теряют свою таможенную, валютную, военную

самостоятельность и становятся как бы провинциями своего континента Образы государства, внедряемые в массовое сознание и Всемирного государства; с другой – повышается статус, усиливается автономия прежних внутригосударственных областей; многие из них добиваются «полной независимости», чтобы на деле убедиться в ее иллюзорности; реален не «суверенитет», а способы разграничения полномочий между органами власти и политиками административных таксонов разного ранга. Государственные границы теряют свое значение для передвижения и расселения законопослушных граждан; изменения границ не драматизируются. Что следует из этого для «простого человека»? Вот, к примеру, я живу в Коптевском районе (муниципальном округе) Москвы. Наш район не имеет выхода к Большому Садовому пруду, хотя его пляжем больше всего пользуются коптевцы. Несправедливо? Пожалуй. Тем более, что заманчивый пруд виден из окна моего дома, как Арарат из Еревана. Но жители Коптева не формируют вооруженный отряд для завоевания пляжа, а соседний Тимирязевский округ не дрожит за свою территориальную целостность. Люди просто идут и едут, куда им нужно, не замечая никаких границ. Вот так же и жители Западной Европы без всяких эмоций пересекают государственные границы. О России наших дней можно было бы сказать, что она не созрела, не доросла до рациональных и гуманных моделей государства, если бы была уверенность, что страна хотя бы движется в этом направлении. На самом деле наблюдается обратное. Традиционные, архаичные образы государства переносятся на регионы – субъекты федерации, не только этногенные республики, но и «чисто русские» области и края. Они приобретают черты авторитарных тотальных государств с присущим им окостенением границ. Степень этатизаций страны увеличивается. Для минимального государства в сегодняшней России по-видимому нет экономических и ментальных предпосылок; нет у нас и сколько-нибудь известных политических партий и движений, нет авторитетных личностей, «властителей дум» (на уровне А.Д. Сахарова, А.И. Солженицына, Д.С. Лихачева), которые бы стояли за государство минимальное и суверенное; напротив, почти все хотят иметь государство всеобъемлющее и сильное, но «хорошее». За разговорами о «возрождении России» скрываются прежние надежды на государственную власть, а недавно спущенное верноподданным интеллектуалам задание спешно разработать на основе «русской идеи» новую идеологию «в целях национальной консолидации российского общества, утверждения патриотизма и демократических ценностей» означает курс на реставрацию традиционного силового государства, быть может не тоталитарного, но вполне тотального, т. е. такого, которое за всё берется, всё обещает, но, как и прежде, скорее всего будет неспособно стать для своих граждан полноценной «сферой обслуживания» «на уровне мировых стандартов».

Патриотизм без шовинизма

Трагическая практика XX в. скомпрометировала такие понятия, которые сто лет назад казались миллионам людей вполне положительными, например, «социализм» и «демократия». Для многих наших сограждан эти слова в разное время стали чуть ли не ругательными.

К числу пострадавших понятий относится и патриотизм, который все русские словари толкуют почти одинаково: «Любовь, преданность, привязанность к своему отечеству, к своему народу», из чего, казалось бы, должно следовать, что это чувство естественное, здоровое, нормальное, широко распространённое, как привязанность к семье, к родному дому, к своим вещам и привычкам, а стало быть, оно никаким особым личным достоинством не является. Однако в современной России о своём монопольном праве называться патриотами громогласно заявляют воинствующие националисты-ксенофобы, поэтому тем, кто не вошёл в их компанию, рассуждать о патриотизме стало как-то неприлично.

Хотелось бы очистить понятие «патриотизм» от налипшей на него грязи и тем самым его отчасти реабилитировать, но не столько восстанавливать старый смысл, сколько посмотреть, ка-

ким может быть его новое, более позитивное, продуктивное, гуманистическое содержание. Положительный идеал трудно рисовать без отрицательных примеров, поэтому мишенью моей критики будет своеобразный, на мой взгляд, односторонний и неполный патриотизм, который до 1991 г. назывался советским, а теперь именуется российским или русским, но по духу остался прежним. Понимание и воспитание патриотизма ещё в советской школе страдало многими недостатками, уводившими его от гуманизма и общечеловеческих ценностей. Воспользуемся перечнем этих изъянов, чтобы привязать к ним позитивные представления и предложения.

1. Патриотизм без уроков «патриотики»

В советское время патриотизм был искусственно выделен из прочих человеческих качеств, сконцентрирован в образах выдающихся и полумифических героев-патриотов, поставлен на идеологический пьедестал для преклонения и подражания, вплоть до проведения особых уроков патриотизма. В этом сказались особенности примитивного тоталитарного мышления.

Если сущность патриотизма заключается в любви к родине, то любовь – чувство интимное и стыдливое, не предназначенное для публичного обозрения. Поэтому обсуждать, является ли тот или иной человек патриотом и в какой степени, – это, пожалуй, неприлично. Тем более неприлично называть патриотом самого себя. Это всё равно, что заявить: «Я – умный, хороший! А вы какие?».

«Вера без дел мертва», говорят христиане. Если суть патриотизма в значительной степени заключается в любви и вере, то доказывается он не словами, а делами, не столько отдельными мероприятиями, сколько всем образом жизни. Если можно «преподавать патриотизм» детям в школе, то не на особых уроках «патриотики», а на каких-то других – думается, что на всех уроках, по всем предметам, но тактично и скромно, без выпячивания и утрирования, и без употребления самого слова «патриотизм».

2. Патриотизм может быть не только военным, но и мирным

Советский патриотизм был чрезмерно воинственным, но в таком же качестве он возрождается и в наши дни, если воспитание называется не просто патриотическим, а военно-патриотическим. Против связи патриотизма с военной подготовкой возразить трудно, но логика требует: если есть патриотизм военный, то должен быть и мирный. Война и мир – такие же антиподы, как смерть и жизнь. Получается, что два разных патриотизма – противники, которые могут столкнуться, как демонстранты-пацифисты сталкиваются с полицией у ворот военной базы.

Примитивная пропаганда не обходится без образа врага. К сожалению, общий враг или только страх перед воображаемым врагом сплачивает людей больше, чем положительные идеалы. Если врага нет, то его надо выдумать или сделать, например, напасть на соседа или объявить врагами какую-то часть соотечественников. В советское время нам внушали, что наша страна – лучшая в мире, а мы – самый свободный и счастливый народ, и указывали на врагов, которые якобы хотели у нас это счастье отнять.

В военно-политических академиях защищались диссертации о том, как воспитывать ненависть к врагу. Диссертанты сетовали: в повседневной жизни наш солдат, задавленный рутиной, совсем не вспоминает о закордонных врагах. В этом видели недостаток патриотического воспитания. Но не таков ли подход к патриотизму и сегодня?

Сторожевых и бойцовых собак искусственно злят, превращая их в опасных для общества душевнобольных, в грозное и не полностью контролируемое оружие, на владение кото-

рым следовало бы выдавать разрешение. Но западноевропейские законы запрещают так издеваться над животными. А милитаристское воспитание подростков – разве не то же самое? По-моему, распространение военного психоза – такое же преступление, как намеренное заражение СПИДом.

Но если вправду положительный идеал невозможен без жупела и нам никак не обойтись без врагов, то может быть и мы, старающиеся быть гуманистами, воспользуемся образом врага, но перенесём его с внешней стороны вовнутрь, из военно-политической сферы в экологическую. Самые опасные враги родной земли – мы сами! Это мы загубили Волгу, избороздили вездеходами и завалили металлоломом тундру, залили тайгу нефтью, отравляем Байкал. Это мы направляем в канализацию целые реки чистой питьевой воды. Это мы переводим леса на газетную, рекламную и офисную макулатуру, чтобы небрежно пробежать глазами по заголовкам и выкинуть, не читая, чтобы бросить в корзину только что напечатанный чек, и не нашлось среди нас ни одного, кто отказался бы от гаража и дачи в интересах охраны природы.

Мы все, живущие за счёт невозобновляемых природных ресурсов, – соучастники великого, всемирно-исторического экологического преступления. Но, несмотря на тяжесть злодеяния, мы уверяем себя, что любим свою землю. Что ж, может быть ещё не всё потеряно. Мы повинимся, раскаемся, прислушаемся к голосам своего здравого смысла и к тем учёным, которые давно нас предупреждают. Так станем же под знамёна экологии, сплотимся и ударим по злейшим врагам России, сидящим в нас самих – по нашей лени, расхлябанности, алчности, эгоизму, неряшливости, невежеству!

3. Можно любить страну, но не любить государство

Советский патриотизм был чрезмерно государственным. Он был направлен не столько на общество, сколько на ту казарму, в которой оно жило, особенно же на её толстые стены – государственные границы, «священные рубежи Родины». Культ колючей проволоки и охранников – замечательная религия, придуманная для страны ГУЛАГа.

В пограничную зону, фактически находившуюся на военном положении, была превращена чуть ли не бóльшая часть страны (особенно Дальний Восток и Крайний Север, все острова и берега морей). Пограничными считались целые области и республики. Если подходить сегодня к России с прежними советскими мерками, то из 85 «субъектов Федерации» не пограничными окажутся только три десятка. Так что ж, в остальных вводить особо строгий паспортный режим и ловить ночью голеньких на пляжах? (Любимая игра сексуально озабоченных солдат-пограничников.)

Государство с его «силовыми структурами» по-прежнему играет выдающуюся роль в нашей жизни. Прямолинейная попытка развести россиянина с государством, т. е. научить его самого себя кормить и обслуживать, с первого наскока не удалась; вместо плавной и законной передачи полномочий и функций от бюрократов в частные руки и общественным организациям получились криминальные структуры.

Теперь уже ясно, что бракоразводный процесс личности и государства в России растянется надолго, однако рациональное зерно в первоначальных замыслах реформ (1991–1993 г.) заключалось всё-таки в том, чтобы поставить гражданина юридически наравне с государством, а у последнего свести функции к минимуму – сделать государство ответственным наёмным слугой самоорганизованного общества, а не циничным хозяином людского поголовья; какой-то комплексной санитарно-судебно-пожарно-налоговой службой, не более того. И у пожарных команд могут быть свои любители и болельщики, присутствующие на их соревнованиях, но большинство населения вспоминает о спасателях лишь когда

случится авария. Таким должно быть и государство в его роли «ночного сторожа». Такова заимствованная из Западной Европы теория, но в России она не работает.

В эпоху глобализации мировой экономики и возрастающего господства транснациональных корпораций государство могло бы взять на себя многие социальные функции, чтобы защитить малоимущих и слабых и тем оправдаться перед народом за своё (бюрократического аппарата) существование, однако ничего подобного мы в своём отечестве пока не наблюдаем. Сегодня Российское государство всё больше отворачивается от «населения», чтобы обслуживать «элиту».

В такой ситуации я плыву, по-видимому, против течения, поскольку считаю: быть патриотом – значит ценить, любить, сохранять, украшать, изучать, обогащать прежде всего родной ландшафт, язык, культуру, и только во вторую очередь и не обязательно – те институты и учреждения, которые демократическому обществу всё ещё печально необходимы, как протезы инвалиду – бюрократию, армию, государственные границы.

4. У большого патриота много отечеств

Россиянам, по-моему, всегда не хватало местного патриотизма, регионального самосознания. Виной тому, думается, централизация самодержавной власти, не терпящей конкурентов; частые принудительные и вынужденные переселения и перемещения по службе, практиковавшиеся в нашей империи, её колониальный характер. Тем более заметны редкие и яркие исключения. Так, художник И.К. Айвазовский был трогательным патриотом родного города – Феодосии (ныне утратившей многоязыкий средиземноморский колорит). Он подарил ей водопровод, помогал проектировать железную дорогу (и даже точно нарисовал её заранее).

В советское время заметным местным патриотизмом отличались ленинградцы, одесситы, потомки архангельских поморов; о своих регионах с гордостью говорили дальневосточники, сибиряки, уральцы. И всё же это было скорее исключение, чем правило. Даже крупные части СССР обычно не назывались родиной, и уж тем более отечеством. Считалось само собой разумеющимся, что отечество у всех советских людей одно – Советский Союз. Цензура запрещала называть странами даже такие крупные союзные республики, как Украина и Казахстан.

Лишь в самом конце советской эпохи было сделано послабление: наши идеологи поняли, что для полноценного гражданского самосознания необходимо и чувство малой родины. Ею отныне могло считаться родное село, город, регион. С тех пор выражение «малая родина» вошло в моду, оно часто употребляется и в наши дни. Таким образом, причитающихся каждому гражданину родин стало две, но не больше, а, по-моему, и этого очень мало. Оседлого жителя окружают контуры множества территориальных единиц, и каждая может быть для него своей, родной, любимой.

Россия – не единственная родина для человека, родившегося и живущего в нашей стране. Его родина – это и регион, природная зона, город или деревня, часть города, микрорайон и т. д. Патриотические чувства по отношению к этим объектам имеют право на существование и должны рассматриваться как равноценные, должны быть равноправными, как разные формы собственности, без всякого подчинения патриотизму якобы главному – великодержавному. Такое вот новшество, в виде новой грозди старых терминов, я предлагаю: многоуровневый, многоступенчатый, иерархический, многогранный патриотизм.

У человека, духовно и душевно развитого, чувство родины многогранно и многоярусно: он ощущает себя гражданином Вселенной, как В.И. Вернадский и К.Э. Циолковский; европейцем, как А.С. Пушкин и Ф.И. Тютчев; сыном «богоизбранного» отечества, как Ф.М. Достоевский и В.С. Соловьёв; частицей родной природы, как И.И. Левитан

и М.М. Пришвин; москвичом, как П.Д. Боборыкин и В.А. Гиляровский; «сыном Арбата», как А.Н. Рыбаков и Б.Ш. Окуджава.

Территориальные области, считающиеся своими, родными, не всегда вложены одна в другую, как матрёшки. Они могут быть однопорядковыми по размеру и пересекаться (частично накладываться), как диаграммы Эйлера – Венна, имея общий участок там, где находится мой дом. Объектом патриотизма не обязательно должна быть казённая административно-территориальная единица или иная область, значимая для большинства окружающих людей. Ощущение родины у каждого может быть своё, различны и её границы; в этом и проявляется личность.

5. Патриотизм без чванства и высокомерия

Если человек постоянно хвастается, хвалит самого себя – это вроде бы не хорошо; так, по крайней мере, учили нас в детстве. А если хвалится государство, народ? Самовосхваление личности или большой группы людей – что это, глупость или нормальная самореклама, необходимая для успеха?

Советский патриотизм был пронизан чванством и высокомерием, ощущением головокружительного превосходства своего над чужим. «Последний советский человек» считался лучше, чище, морально выше самого высокопоставленного «зарубежного чинуши, влачащего на себе ярмо капиталистического рабства». Эти слова И.В. Сталина в наших школах заучивали и выкрикивали хором, но не без иронии; среди ребят и тогда находились юродивые, вышучивавшие официальную идеологию: «Правда ли, что наш советский жулик лучше ихнего генерала де Голля?».

Конечно, не такой разъединяющий, подавляющий, ксенофобный патриотизм имел я в виду, когда предлагал моим читателям сделаться патриотами не только большой, но и малой родины. Нетрудно представить, к какому разобщению людей приведёт чванливый патриотизм, если он будет исходить не только от государства, но и от малых территорий и групп – от каждого города, улицы, школы, рода, клана, банды. Собственно говоря, так оно отчасти было, есть и наверно будет всегда: раскол толпы, особенно молодёжной, на враждующие группировки; драки и походы стенка на стенку, бои за свою улицу, школу, деревню. Нельзя запретить людям, особенно мальчикам, юношам, бороться между собой тем или иным способом, но надо, чтобы эта борьба не была кровавой, не направлялась преступниками и не касалась тех, кто не хочет в ней участвовать.

Для упорядочения, смягчения, сублимации неустранимой природной агрессивности человека цивилизация придумала много каналов, прежде всего спортивные и зрелищные игры, различные турниры и состязания. Футбол в наши дни – серьёзная замена войнам между цивилизованными странами. (Замена несовершенная, так как из футбольных болельщиков чаще всего формируются отряды всякого рода погромщиков и боевиков.) Демократия, политика, парламент (буквальное значение слова – говорильня) – тоже способы обуздания драчунов, превращения оружейной и кулачной борьбы в словесную.

Принципиальная новизна, которую культура внесла в вечную междоусобицу людей – возможность для соперников не сталкиваться лбами, а бежать наперегонки по параллельным дорожкам. Демократия, рынок, спорт гуманны постольку, поскольку заменяют насилие состязанием; они же антигуманны, если приводят к кровавым столкновениям.

Того, кто уверовал в свой непреклонный патриотизм и жаждет его продемонстрировать, всегда ждёт множество дел, полезных и приятных. Позитивным и мирным выходом для группового и местного патриотизма может быть уход за ландшафтом, художественная самодеятельность, парады и фестивали, организация выставок, краеведческие исследования, сочинение гимнов, изобретение и изготовление эмблем, флагов, гербов, форменной одежды, сувениров, худо-

жественная демаркация всех значимых для патриотов территориальных границ, установка монументов в геодезических центрах различных областей, украшение домов и автомобилей местной символикой и многое другое, чем можно извлекать доход и от туризма. Кстати говоря, и сам туризм может быть трудовым, когда любители походов и путешествий собираются, например, очищать лес или реставрировать исторический памятник.

6. Люблю и знаю

Нескромные заявления о своей любви и преданности родине сплошь и рядом уживаются с её недостаточным знанием, а то и с грубейшим историкогеографическим невежеством. Рациональная основа патриотизма – понимание уникальности и специфики своей территориальной, этнической или иной общности. Если ты не знаешь, чем твоя родина лучше или хуже других стран, чем она от них отличается качественно, и даже не хочешь этого знать, чтобы не расставаться с привычными иллюзиями, то грош цена твоему патриотизму.

Соотношение между любовью и знанием может быть прямым и обратным. Любовь и знание иногда помогают, а иногда мешают друг другу. Это известно на примере человеческих отношений. Эмоции отчасти заменяют информацию, необходимую для принятия решения. Без иррационального внушения (и самовнушения) человек бы постоянно колебался, как Гамлет или Буриданов осёл. Ибо разум и наука в чистом виде ни к чему не понуждают, а только описывают возможные варианты. Решение и выбор диктуются верой, надеждой, любовью.

Подталкивая к необходимому выбору при недостатке информации, эмоции помогают заменить точное знание мифическими представлениями, но это и требуется для решения задачи. Так, например, при романтической любви какая-то одна девушка кажется «лучше всех», хотя разум намекает, что это может быть и не так. Однако без первоначальной мифологизации не было бы оснований остановиться на «даме сердца» и блюсти верность ей достаточно долго.

Любовь к родине сродни этой ситуации; здесь знание тоже часто заменяется аффективной привязанностью, основанной на иллюзиях и мифах. Но родину не выбирают; её узнают постепенно, в течение всей жизни, а иногда и специально изучают. По отношению к объектам сознательного изучения правомерна и противоположная позиция: люблю, потому что знаю, и знаю, потому что люблю. Об этом хорошо сказал в своём стихотворении географ Ю.К. Ефремов.

> Глубь недр пойму, и сроки углублю,
> И с гордостью скажу родному краю:
> Люблю и знаю, знаю и люблю.
> И тем полней люблю, чем глубже знаю.

Для полноценного патриотизма нужна не слепая, а зрячая любовь к своей земле.

7. Долг патриота – критиковать родину

Патриотизм чаще всего понимается как безоговорочная любовь к родине без всякого критического к ней отношения, и уж тем более без порицания, тогда как мне представляется, что глубинная сущность патриотизма заключается не столько в любви, сколько в горячем неравнодушии к своему отечеству. В межличностных отношениях бывает, что сначала ощущается неравнодушие, и только потом оно принимает одну из противоположных форм, иногда

переходящих одна в другую; например, отвергнутая любовь часто превращается в ненависть; раскаивавшаяся ненависть может стать любовью.

Патриотизм как чувство амбивалентен, т. е. допускает противоположные проявления. И не случайно у многих выдающихся деятелей нашей страны отношения с нею были не простыми. Об этом свидетельствует длинный ряд изгнанников – от А.И. Герцена до А.А. Тарковского.

Патриотизм как вид неравнодушия предполагает способность страдать от явлений общественно-государственного уровня, которые лично тебя и благополучия твоей семьи как будто не задевают. Ведь мог же А.Д. Сахаров спокойно продолжать свою смертоносную работу в недрах военно-промышленного комплекса, как никто из учёных обласканный правительством, но что-то заставило его порвать со своей средой, обречь себя на опасность даже физического уничтожения.

Один из самых знаменитых президентов США, Дж. Кеннеди, сказал: «Долг патриота – критиковать родину». Более того, мне кажется, что настоящий патриотизм начинается там, где появляется способность критиковать и, поднявшись над предрассудками, смотреть на отечество как бы со стороны. «Я предпочитаю бичевать свою родину, предпочитаю огорчать её, предпочитаю унижать её, только бы не обманывать», писал П.Я. Чаадаев. Но именно за критику и попытки объективной оценки предавали анафеме, изгоняли, вынуждали эмигрировать тех, кого мы теперь считаем патриотами.

8. Нет родины без деревни

Советский патриотизм был в значительной мере индустриально-урбанистическим и технократическим, его гордостью стали большие города, великие стройки, полёты в космос. О разорённой деревне умалчивали; малые города, деревянные дома, умирающая провинция стыдливо игнорировались.

Положительные стороны советской жизни подавались как достижения социалистического строя, в то время как недостатки можно было списывать на природно-географические особенности: в упадке сельского хозяйства виноват климат, да и реки Сибири текут не туда – главным образом на север вместо того, чтобы орошать пустыню и помогать нам получать из хлопка ещё больше взрывчатки.

Между тем, писатели-почвенники открыли глаза на деревню, пострадавшую от коллективизации; их патриотизм зиждился на деревенской культуре, бесцеремонно вытесняемой космополитичным городом. Если любовь выделяет любимый объект из всех прочих, то любовь к территории основана на географической специфике. Особенности страны проявляются не столько в городах с многоэтажными зданиями, лишёнными местного колорита, сколько в сельской местности, не заслонившей своего природного фона; поэтому без знания, сохранения, возрождения деревни не может быть настоящего патриотизма. Без загородной местности и пронизывающего ее природного ландшафта, без понимания того, какое наследие оставили нам на земле исчезающие крестьяне, а также помещики с их усадьбами, – не останется питательной почвы для любви к своей стране, к родному региону.

9. Что значит «любить» по-русски?

Советский патриотизм не мешал, а скорее помогал людям уничтожать ландшафт своего отечества: превращать реки в сточные канавы и каскад грязных водохранилищ, затоплять целые уезды, ликвидировать болота и поймы, вырубать сверх меры леса, распахивать и превращать в пыль кормилицу скотоводов, засушливую степь – этими «подвигами» народу было

положено гордиться. Политический режим в 1991 г. вроде бы изменился, но мания великих строек не исчезла.

Сегодня над Центральной Россией по-прежнему висит как дамоклов меч проект высокоскоростной железнодорожной магистрали Москва – Петербург, которую нарочно постараются провести в стороне от существующей железной дороги, чтобы захватить побольше земли, вырубить и продать под застройку ценнейшие леса Валдая, возле истоков великих рек, влияющих на экологическое благополучие не только России, но и многих других стран (от Балтики до Ирана) – всё это вместо того, чтобы реконструировать имеющуюся Октябрьскую железную дорогу, построить на ней новые, скоростные пути, например, на втором этаже – на эстакаде.

Во второй половине XX в. произошёл массовый, хищнический захват горожанами даровых пригородных земель под огороды, сады, дачи, коттеджи, виллы, дворцы. Большинство жителей городов стали мини-землевладельцами задолго до формальной приватизации земли. Богатые и бедные, интеллигенты и рабочие, чиновники и научные работники – все оказались одинаково алчными и бесцеремонными по отношению к окружающей среде.

В результате в пригородных зонах (вокруг Москвы – в радиусе до 200 км) деградировали или погибли целые классы природных территориальных комплексов (биогеоценозов), вырублены и застроены водоохранные леса, питьевые водохранилища и реки окованы самодельными набережными и причалами «новых русских», утрачены красивые пейзажи, исчезла традиционная деревня, а всё товарное сельское хозяйство в Нечерноземье стало пригородным. И этот грандиозный социально-экономический, экологический и ментальный переворот, не замеченный учёными и журналистами, совершался во имя горячей любви к «природе», на лоне которой горожане желали жить хотя бы летом и в выходные дни, но не стеснялись замещать и подавлять естественную зелень асфальтом, бетоном, кирпичом.

В такой экологической ситуации патриотизм становится половинчатым: чем больше любишь землю, на которой родился, тем отвратительнее кажутся люди, которые её захватили и загадили.

Мне кажется, русскому языку не повезло с понятием «любовь». Зато в нём не меньше тысячи способов выразить одно простое действие – ударить человека по лицу: дать по морде, врезать по физиономии и т. д. Я помножил 20 синонимов со значением «лицо» на 50 синонимов «ударить». Круглой цифры достаточно, чтобы подтвердить концепцию: сам русский язык засвидетельствовал, что в несчастной стране было много насилия, но мало любви.

Для обозначения «чувства самоотверженной, сердечной привязанности» (например, к родине, к родителям, к своим детям) и «склонности, пристрастия к чему-либо» (например, к музыке, к искусству) у нас есть только одно приличное слово. В русском языке даже нет разных эквивалентов греческих слов «эрос», «агапэ», «филео», испано-португальских amo и quero. Одним словом, ребёнок любит маму, папу, кошку и мороженое. А кошка постоянно влюблена: она любит рыбу, колбасу, молоко.

Так что же такое «любовь» вообще? В моём саркастическом «Словаре российских реалий» написано: «Страстное желание что-либо присвоить, получить, потребить, удержать». Думаю, что и любовь самозванных патриотов к своему отечеству подходит под это определение.

10. Наука против шовинизма

Оплот наступательного национализма и шовинизма – невежество: в истории, географии, этнографии, антропологии, религиоведении, топонимике. Шовинизм преодолевается гуманитарным образованием, но не только потому, что наука вскрывает те или иные факты, воспитывает плюрализм мнений, демократична по своей сути и т. д. Образование изменяет

интересы и структуру личности, даёт новые поприща для самоутверждения, позволяет расширять духовный мир, ничего не отнимая у других людей.

Наука – не только систематизированная совокупность знаний и деятельность интеллектуалов, но и всемирное сообщество свободных людей; она самим фактом своего существования противостоит мракобесию. В борьбе с шовинизмом можно опираться на этику учёных, о которой я писал во многих своих статьях (есть и в Интернете).

Мораль личности и мораль государств: quod liced Jovi, non licet bovi?

В обыденном сознании и в средствах массовой информации (СМИ) государства (страны) нередко выглядят как некоторые живые существа, наделённые специфическими интересами и действующие для осуществления своих целей и задач [Родоман 1997]. Поведение государства как юридического лица в отношениях с другими государствами и с физическими лицами (гражданами и подданными) регулируется не только правом, но и бывает объектом моральной оценки. В какой степени применимы к государству те же моральные нормы, которые бытуют в оценках межличностных отношений?

1. Нравственные начала у высших животных

Современная наука не обнаруживает между людьми и прочими высшими животными такой глубокой пропасти, которая присутствовала в христианской и марксистской картинах мира. Об общей природе живых организмов свидетельствуют впечатляющие достижения медицины и генетики. Автор данной статьи придерживается гипотезы, или постулата, о естественном, эволюционно-биологическом происхождении нравственности. Альтруистические компоненты поведения необходимы для выживания той или иной группы особей/индивидов как функционирующего целого [Эфроимсон 1971]. Среди животных это виды, популяции, стада, стаи, семьи и т. п. В человеческом обществе – прежде всего семья, а также более реликтовые, но во многих странах влиятельные группы – род, племя, этнос, клан. И, наконец, одно из самых высших, целостных и живучих объединений – государство, которое тоже рассчитывает на то или иное самоограничение своих граждан, а в предельных случаях жертвует ими для поддержания своего статуса.

Вульгарное представление о жизни животных как о сплошной и непрерывной борьбе за существование, о «войне всех против всех», то и дело переносимое на людей в виде социального дарвинизма и ему подобных учений, несостоятельно, потому что в органическом мире борьба, агрессия, хищничество постоянно уравновешиваются противоположными факторами, такими, как симбиоз, кооперация, солидарность, взаимопомощь, которые также служат двигателями эволюции [Кропоткин 1922].

Рассуждая о человеческих качествах на фоне общих представлений о поведении всех животных, мы сталкиваемся с этимологическим несовершенством, а если выразиться резче – с непригодностью многих терминов. Прежде всего, совершенно неприемлемо различение и противопоставление двух начал – биологического и социального. У большинства животных есть социум, весьма сложно устроенный, а человек – один из многих видов млекопитающих. Вместо «люди и животные» надо говорить «люди и прочие животные». Знатокам и любителям диких животных не нравятся такие слова, Мораль личности и мораль государств: “Quod licet Jovi, non licet bovi”? как «зверство», «волчьи законы», «бесчеловечность» и пословица «Человек человеку волк». В отличие от человека, «звери» (прочие млекопитающие) не тратят так много сил и ресурсов на истребление особей своего вида, не наслаждаются жестокостью, не практикуют пыток. У собак и обезьян есть стыд и совесть, они способны страдать от несправедливости, призна-

вать ошибки и раскаиваться в своих поступках [Бекофф 2010]. И, наконец, слово «мужество» неудобно с феминистской точки зрения.

2. Нравственность и мораль на личностном уровне

В человеческом обществе, как и в некоторых сегментах прочего животного мира, существует двойная нравственность и/или мораль: для своих и для чужих. Положительные моральные качества, или добродетели, такие, как верность, взаимопомощь, доброта, чувство долга, искренность, самоотверженность, справедливость, терпение, щедрость воспитываются в малых коллективах, где все знают друг друга и общаются постоянно. Это прежде всего семья как институт для выращивания потомства (особенно – многодетная, многопоколенная). Вместе с тем, многие добродетельные поступки для «своих» могут негативно оцениваться «чужими», если благополучие группы достигается за счёт других групп.

Другая, после семьи, школа и поприще для проявления добродетелей – временный коллектив, действующий в экстремальных условиях в изоляции от внешнего мира. Таковы в недавнем прошлом некоторые экспедиции в не населённой людьми местности, военные отряды в окружении, альпинисты и спортивные туристы в походах высокой категории сложности, когда ещё не было мобильных телефонов, страховки, надёжных спасателей, возможности благополучно прервать поход при несчастном случае. Туристские коллективы не столько воспитывали в своих взрослых членах выносливость, товарищество, взаимопомощь, скромность, сколько принимали людей, уже обладающих этими качествами, путем многолетнего отбора, начиная с самых легких походов и прогулок [Родоман 2005].

Формированию коллективистских добродетелей способствует суровая географическая среда. (В прошлом она же нередко вынуждала убивать стариков и новорождённых.) До середины XX в. сохранялись остатки «северной морали» у народов Субарктики (взаимопомощь, честность, отсутствие воровства).

За пределами коллективов, спаянных родственными и товарищескими отношениями, на первое место выходят правила этикета, вежливость, любезность, презумпция доброжелательности. (Ожидание враждебности от незнакомых людей было нормальным в «доисторических обществах» и на колонизуемых фронтирах, слабо охваченных государственной властью; в наши дни оно присуще маргиналам и девиантам.) В странах с резкой социальной поляризацией и низкой степенью законопослушности распространены межличностные отношения типа «хищник – жертва».

Прогресс нравственности (действительный или желательный) можно толковать как экспансию позитивной человеческой морали, её распространение на новые категории живых существ путём перевода их из чужих в свои: отказ от людоедства, убийства пленных, рабства, расизма, сословно-кастового деления, эмансипация женщин, этнических и сексуальных меньшинств, признание права на жизнь за многими животными и растениями, всесторонняя охрана природы. В данном примере экспансия морали идёт сверху вниз – от «высших» существ к «низшим». За моральным признанием следует законодательство.

Многое, но далеко не всё из вышесказанного применимо и к юридическим лицам. В отношениях между фирмами ценятся доверие, честность, надёжность, обязательность, но никто не ждёт от них доброты, щедрости, искренности, правдивости, скромности, самоограничения, самоотверженности, дружбы, взаимной любви. Конкуренты скрывают свои стратегии, не делятся бескорыстно всякого рода методами и рецептами. Рыночную экономику двигают жадность и агрессия, стремление уничтожить конкурентов. Ложь – важное средство достижения успеха в рекламе, у политиков, адвокатов, в СМИ. При построении пирамиды власти иногда действует

негативный отбор. Для политической карьеры благоприятны коварство, хитрость, предательство, а лидером нередко становится гнуснейший.

3. Мораль государств

Запасшись длинным списком добродетелей, применим его к юридическому лицу высшего уровня – государству. Отношения государства с гражданином при всех режимах далеки от равноправия, что само по себе аморально. Не отучив своих граждан от злодеяний, государство взяло на себя право их совершать. Убийца, насильник, грабитель нарушают монополию государства на совершение аналогичных действий, – репрессии, войны, экспроприации, налоги (согласно крайней, анархистской точке зрения).

В межгосударственных отношениях стала нормой взаимопомощь при стихийных бедствиях, многие страны состоят в военно-оборонительных союзах, но прочие альтруистические добродетели им не свойственны. Им не присуща щедрость и уступчивость, когда речь идёт о территории; напротив, не редка патологическая скупость, нежелание отдать даже крохотный клочок земли, аннексированный при прежнем режиме, от которого нынешняя власть отмежевалась. Боязнь государства потерять свою честь и достоинство иногда напоминает нравы дворян-дуэлянтов. На уровне межличностных отношений как-то не принято хвастаться учинёнными насилиями, кровопролитиями, грабежами, но многие государства такими достижениями гордятся, строят на них свою идеологию, внедряют в учебники истории, учреждают в их память праздники.

В отношениях между собой государства широко пользуются презумпцией враждебности. Они охвачены гонкой вооружений, запасаются оружием, имеют планы военных действий на территориях своих соседей, какими бы хорошими не были их отношения в данный момент. Правда, в некоторых частях света межгосударственная настороженность считается уже невозможной, но на большей части остального мира она сохраняется.

Государствам, как и прочим лицам, могут быть присущи отклоняющееся поведение, необъяснимые реакции, грубо противоречащие реальной ситуации; свойственны некоторые психозы, например, имперская паранойя с маниями величия и преследования, фобии потери территориальной целостности и распада территории [Родоман 1999], немотивированная агрессивность, имперский реваншизм, историческая амнезия и т. д. За недостатком обычных человеческих добродетелей государство выглядит в среднем менее нравственным, чем личность.

4. Мораль промежуточных юридических лиц

Если сравнение государства с личностью по их моральным качествам некорректно, если государству по его природе дозволено то, что запрещено гражданину, то как мы оценим разнообразные институты, занимающие промежуточное положение? Эти промежуточные объекты в воображаемом социальном пространстве выстраиваются в две линии, простирающиеся большей частью параллельно, но концами сходящиеся в двух точках – наверху (в государстве) и внизу (в гражданине).

Первая линия – экстерриториальная. Это вмещающие личность (гражданина) группы, обладающие разными размерами (людностью) – половозрастные, социально-классовые, профессиональные, а также родоплеменные, этносы, этнические общины в диаспоре и т. п. Эти институты хорошо изучены, их слишком краткая и неизбежно дилетантская характеристика в данной статье была бы непродуктивной.

Вторая линия – территориальная. Это вмещающие каждого из нас единицы внутригосударственного административно-территориального деления (АТД) – области, края, провин-

ции, губернии, федеральные земли и т. п. Из них наиболее близки к суверенным государствам моноэтничные автономные области, стоящие в очереди на получение независимости (как правило, в результате референдума) и членства в ООН. У них есть свои государственные языки, флаги, гимны, их футбольные команды выступают самостоятельно, их граждане охвачены местным патриотизмом. Иную картину являют собой неэтногенные административные единицы – субъекты федераций или области в унитарных государствах. Каким поведением они обладают, и какой может быть его моральная оценка? В оставшейся части данного раздела нашей статьи будет больше вопросов, чем утвердительных суждений.

Во многих странах граждане чувствуют себя совладельцами принадлежащей государству территории. Они радуются аннексиям, осуществлённым своим государством, и страдают от его территориальных потерь. Такие патриотические чувства в патерналистском обществе небезуспешно заменяют гражданам отсутствующую у них значительную земельную и прочую собственность. Вот так же и ребёнок гордится имуществом своих родителей, хотя формально оно ему не принадлежит.

В какой мере гражданское чувство совладельца распространяется на отношения населения к своим административно-территориальным единицам? В каких случаях жители неэтничных областей страдают от передвижки их границ? На каком уровне территориальной иерархии государственнический патриотизм сменяется более безразличным отношением к АТД? Или, иными словами, где на таксономической пирамиде стран и регионов проходит граница, «выше» которой отношение гражданина к территории строится по государственному типу, а «ниже» – по-иному?

Страны обладают своими государственными тайнами, у них есть служба разведки, они посылают друг другу шпионов. Аналогично действуют и многие юридические лица в сфере экономики, там есть промышленный шпионаж и коммерческая тайна. А как обстоит дело с единицами АТД? Могут и должны ли области и края засылать шпионов? Возможна ли муниципальная и микрорайонная тайна?

5. Разобщённость и единение человечества

Разобщённость мира на «независимые» государства, способные безнаказанно воевать между собой, распоряжаться жизнью своих граждан / подданных и бесконтрольно расточать на своих территориях и акваториях природные ресурсы, доставшиеся им случайно, препятствует решению глобальных экологических и социальных задач и является главной угрозой дальнейшему существованию человечества. Эрой разобщённого мира (ЭРМ) называл нашу эпоху писатель-фантаст И.А. Ефремов (в повести «Туманность Андромеды» и в романе «Час Быка»). Политическая разобщённость мира свидетельствует о незрелости человечества, о том, что формирование вида Homo sapiens, по-видимому, не завершено [Родоман 2010], из его личинки не вылез взрослый Homo humanus, и мы живём в состоянии неотении.

Множество суверенных государств, коих сейчас на Земле почти две сотни, – это типичное самоорганизованное анархическое сообщество, в котором нет верховной власти, все члены номинально равноправны, все отношения регулируются договорами, а не принуждением сверху (чем не розовая мечта теоретиков анархизма?), но это только формально, а фактически в данном коллективе нет равенства, есть свои гегемоны, существует сложная иерархия и всякого рода подгруппы. Как в любой стае животных, господствуют свои вожаки, но, в отличие от многих стад и прайдов, сообщество государств раздирается междоусобицами до такой степени, что давно напрашивается потребность в международной полиции и всемирной верховной власти.

Безвластные сообщества рано или поздно обзаводятся начальством: 1) выбирают вождя из своей среды; 2) приглашают «варяга»; 3) завоёвываются, покоряются, замиряются внешними силами. Принудительное включение племён и народов в ту или иную империю не всегда трагично, оно может быть меньшим злом и спасением от гибели в междоусобицах. Напротив, деколонизация, обретение «суверенитета» нередко приводили к возобновлению межплеменных и межгосударственных войн.

На жителей Земли не нашлось способной их сплотить угрозы или разумной управы внеземного происхождения, им приходится управляться собственными силами. ООН как прообраз мирового правительства оказалась слабой, но не безнадёжной. Этот наполовину дремлющий институт ещё может оказаться эффективным. (Так, например, конституционное право союзных республик на выход из СССР было спящим институтом, в который никто не верил, но в 1991 г. оно сработало.)

Завоевание в смысле построения каким-то государством-гегемоном своей всемирной империи не обязательно означает вооруженный захват, оккупацию и т. п. Цели, которых ещё в прошлом столетии пытались достичь военными средствами, ныне достигаются достаточно мирно и бескровно. В некотором смысле все страны мира уже благополучно завоеваны англоязычным Интернетом, автомобилизацией, стандартами потребления. Они в том или ином смысле добровольно или вынужденно присоединяются к лидерам, обладающим экономическим и социальным превосходством. Преодолевать пороки всемирной империи алчных производителей и потребителей надо совместно, без разгораживания железными занавесами, через неправительственные международные организации гуманистической направленности. Объединению мира препятствует небольшое число государств-изгоев, обладающих средствами массового уничтожения и бряцающих оружием, – не только для международного шантажа, но и для сохранения образа внешнего врага у своих граждан, а также для поддержания офицерско-генеральской касты и военной промышленности.

Позитивная эволюция мировой политической системы видится как постепенный отказ от военных и грабительских компонентов суверенитета при увеличении социальной роли государств как защитников людей, в том числе и от некоторых транснациональных сил. Национально-освободительные движения, сепаратизм, стремление множества регионов стать самостоятельными государствами не препятствует, а способствует политическому объединению человечества. Если в течение XXI в. количество государств на Земле достигнет тысячи (так, что их даже учитель географии не сможет запомнить), то это означает окончание ЭРМ. Чем больше будет государств, мнящих себя независимыми, тем крепче окажется их зависимость от будущих надгосударственных международных организаций (сверхгосударств) – конфедераций типа Европейского союза (ЕС). Таким образом, традиционные государства нашего времени превратятся в единицы АТД – в провинции Всемирного государства, которое уже не будет государством в привычном смысле слова – хотя бы за отсутствием других, себе подобных. Пресловутое «отмирание государства» изза кардинальной смены его функций осуществится само собой.

Сегодня принято говорить об ослаблении всякого рода иерархий, о замене иерархического сообщества сетевым, в немалой степени благодаря Интернету. Но АТД не может не быть иерархичным. Между традиционными государствами и ООН располагаются промежуточные группировки, обладающие единой территорией или соединённые общей акваторией – ЕС, АСЕАН, СНГ и т. п. Если некоторые из них эфемерны и нежизнеспособны – значит, возникнут другие, более живучие. Иерархизация территориальной структуры мира продолжается.

В Западной Европе традиционные государства (в том числе бывшие «великие державы») немного уступили свой суверенитет по двум направлениям: 1) вверх, в сторону ЕС,

ставшего конфедерацией; 2) вниз – внутристрановым регионам, становящимся всё более автономными и «суверенными». Не исключено, что эти процессы охватят в XXI столетии весь мир так же, как в XVII–XX в. распространилась европейская модель государств и международных отношений. Внутристрановая регионализация и глобальная интеграция не исключают одна другую, а являются, по-видимому, двумя сторонами одного процесса [Покровская 2004]. В этой связи можно говорить о социализации государств и о дальнейшем превращении их из господствующих, которые в первую очередь удовлетворяют потребности своих правителей, в служебные, обслуживающие своё население.

Альтруистическая нравственность, необходимая живым существам для выживания своей популяции, должна по тем же причинам (для выживания всего человечества) распространяться по территориальной иерархии снизу вверх и в идеале охватить всё мировое сообщество гуманистическими нормами, сформировавшимися в малых человеческих коллективах. Сегодня многие единицы АТД подражают государству, заводят у себя те же министерства и департаменты, а надо наоборот, чтобы государства подражали муниципалитетам и коммунам, брали пример с семьи и других малых групп, спаянных тесным сотрудничеством.

После краха СССР наши соотечественники выбросили на свалку слова и выражения «интернационализм», «дружба народов», «всеобщее и полное разоружение», «мир во всём мире» как надоевшие клише советской пропаганды, но это не повод отрицать обозначаемые явления и признавать неизбежность вечной вражды. Альтернативой «утопическому» братству народов может быть вполне реальная гибель человечества от военной или экологической катастрофы. В единении – спасение!

30 марта 2012 г.

Бекофф М. 2010. *Эмоциональная жизнь животных.* – М.: ИГ «Весь».

Кропоткин П. А. 1922. *Этика.* – Пг. – М.

Покровская Н. Н. 2004. Глобализация и регионализация. – *Личность и культура.* – № 1. – С. 18–19.

Родоман Б. Б. 1997. Образы государства, внедряемые в массовое сознание. – *Здравый смысл.* – № 5. – С. 48–52.

Родоман Б. Б. 1999. Фобия потери территориальной целостности. – *Неприкосновенный запас.* – № 6 (8). – С. 10–15.

Родоман Б. Б. 2005. Досуг вне государства: самоорганизация походных туристов. – *Отечественные записки.* – № 6 (27). – С. 206–213.

Родоман Б. Б. 2010. Мы уже не обезьяны, но ещё не люди. – *Здравый смысл.* – № 3(56). – С. 21–25; www.intelros.ru 21.XII.2011.

Эфроимсон В. П. 1971. Родословная альтруизма (Этика с позиций эволюционной генетики человека). – *Новый мир.* – № 10. – С. 193–214.

Переводы и рефераты

ГЛАВЫ 14–20 ИЗ КНИГИ «ВОЙНЫ, РЕВОЛЮЦИИ И ДИКТАТУРЫ: ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ И СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ С КОМПАРАТИВНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ»[1]

Станислав Андрески

Глава 14. Неэффективность вооружённых сил Италии

Данная глава является предварительным анализом неэффективности вооруженных сил Италии, поэтому цель ее не сводится к проверке, расширению или уточнению известных фактов. Если приведенные данные окажутся неверными, анализ потеряет всякую актуальность. Большинство описанных фактов, которые рассматриваются как причины, уже хорошо известны, однако между ними существуют определенные причинно-следственные связи, которые ранее не были зафиксированы. Мы попытаемся определить природу этих связей и предложить аргументы в поддержку нашего вывода.

Оценка военной эффективности целых армий на протяжении войны представляет собой сложную задачу, открывающую возможности для глубокого исследования, особенно если речь идет о количественных показателях. Простого знания о том, кто победил, недостаточно: множество примеров свидетельствует, что численное превосходство нередко уступает качеству. Чтобы адекватно оценить эффективность, необходимо проанализировать соотношение между наличными ресурсами и поставленными задачами. В контексте Второй мировой войны лучше согласиться с точкой зрения, широко распространенной среди солдат союзников: они считали немецкие войска грозными противниками, тогда как итальянская армия такой не считалась. Личные мнения и опубликованные материалы подтверждают эту оценку. Хотя популярные стереотипы нередко содержат крайние преувеличения и могут быть оскорбительны, как правило, в них содержатся моменты истины, если они базируются на непосредственном опыте и включают вопросы, которые содержат минимум эмоций, обычно влияющих на оценку. У военных часто встречается завышенное мнение о собственных возможностях и нереалистичная оценка сил противников или союзников, что ведет к упрекам в недостаточной эффективности последних; и все же военные достаточно объективны в оценке относительной силы своих врагов. Поэтому можно полагать, что общепринятые мнения о боеспособности итальянской армии отражают реальную ситуацию.

[1] См.: Andreski St. 1992. Wars, Revolutions, Dictatorships: Studies of Historical and Contemporary Problems from a Comparative Viewpoint. – London: Frank Cass. – Pp. 147–225.

DOI: 10.18522/2949-0707.2025.1.125176

Неэффективность армии Муссолини проявилась в ее неспособности победить хуже вооруженных и малочисленных врагов, например, войска Британии в Египте в 1940 году (до прибытия подкреплений) и Греции. Итальянский экспедиционный корпус не смог победить даже плохо вооруженных республиканских ополченцев в гражданской войне в Испании. Эти случаи подсказывают, что у неэффективности итальянской армии были более глубокие причины, по сравнению с быстрым поражением армий Польши, Югославии и Греции под натиском немцев, которое стало следствием недостатка и качества вооружения, а также общей технической и организационной отсталости. В 1940 году итальянское командование едва ли было менее опытным или более отсталым, чем польское командование в 1939 году, хотя польские солдаты были готовы сражаться. К тому же, несмотря на посредственную промышленную базу, длительная подготовка к войне позволила Муссолини мобилизовать войска, которые были достаточно современными и хорошо оснащенными по сравнению с армиями Югославии, Польши и Греции. Но, к большому разочарованию Муссолини, вскоре стало ясно, что его солдаты не желают воевать. Это подтверждается поведением военнопленных: если (вплоть до самого конца войны) немцев приходилось тщательно охранять, то итальянцы почти не стремились к побегам, а большинство из них, скорее всего, были рады не участвовать в боях.

Такое настроение итальянских солдат свидетельствует о том, что идеологическая обработка может оказаться неэффективной, даже если она продолжается на длительном периоде времени, охватывает широкие слои общества и сопровождается жестким подавлением альтернативных мнений. По крайней мере, частичной причиной нежелания французских солдат воевать в 1940 году было беспрепятственное и активное распространение пацифистских идей на протяжении предыдущих 22 лет. Однако ни одна другая страна (за исключением Японии) не столкнулась в 1940 году с таким массивом милитаристской пропаганды, как Италия. Праздник войны был одним из краеугольных камней фашистской идеологии с самого начала, а идея военной подготовки молодежи была введена Муссолини. Но все же число итальянских добровольцев во Второй мировой войне было намного ниже числа добровольцев в Первой мировой войне. Характерно, что все усилия по идеологической обработке населения оказались контрпродуктивными: в Великобритании пацифистские идеи свободно распространялись и пользовались широкой поддержкой, однако накануне войны возникла характерная военная агрессивность, что, разумеется, не имеет никакого отношения к нынешнему положению вещей.

Не менее примечателен контраст между Германией и Италией. Хотя в Италии тоже распространялся антисемитизм, он был занесен туда под давлением Гитлера лишь в конце 1930-х годов, после принятия первого антисемитского указа в 1938 году. Различие между итальянским фашизмом и немецким национал-социализмом охватывает несколько ключевых принципов, однако Гитлеру хватило шести лет для подготовки своей нации к военным действиям, тогда как у Муссолини было целых 18-ть лет. Несмотря на это, во второй мировой войне немецкая армия показала лучшие результаты по сравнению с первой мировой войной, а вооруженные силы Италии сражались намного хуже. Устойчивое различие между двумя армиями нетрудно объяснить наследием Пруссии, но оно не может полностью исчерпать изменения в их поведении между мировыми войнами. Сложившиеся традиции могли сыграть роль в формировании таких изменений, поскольку попытка навязать милитаризм населению с традиционно мирным мировоззрением может в итоге вызвать антивоенные настроения. Однако было бы ошибкой считать неизменными укоренившиеся представления, основанные на национальной традиции. Например, французская армия потеряла боевой дух после победы в 1918 году, тогда как израильская армия доказала, что отсутствие военной традиции не яв-

ляется препятствием для достижения высоких результатов. Почему же попытки Муссолини изменить представления своих сограждан оказались столь контрпродуктивными?

Наиболее заметным, хотя и не ключевым, аспектом стало различие личностей двух лидеров: Гитлер был сдержанным фанатиком, тогда как Муссолини был сибаритом и оппортунистом. Характер двух главных лидеров сформировал свойства партийных элит.

Контраст в репрессиях между различными режимами также проявляется в количестве жертв и отношении к ним. За исключением последнего периода своей власти (когда он зависел от Гитлера) Муссолини проявлял относительную мягкость по сравнению с такими диктаторами, как Гитлер, Сталин и Пол Пот, а также с другими, которых ныне принимают в ООН. В мирное время число политических заключенных в Италии никогда не превышало 7000, а в отдельные годы было менее 200. Условия содержания в лагерях на Липари были вполне сравнимы с обычными тюрьмами, а не с ужасами Дахау и Колымы. Подобно Ленину, во время ссылки Антонио Грамши смог написать в тюрьме множество трудов, чего не удалось ни одному заключенному во времена Гитлера и Сталина. Всепроникающее насилие сыграло решающую роль в сохранении Красной армии и продолжении немецкого сопротивления. Однако в армии Муссолини не было столь жесткого давления, и похоже на то, что принуждение в ней было менее суровым, чем во времена Первой мировой войны.

Как объяснил Роберт Уэлдер, крайнее насилие может привести к подлинной вере с учетом следующего процесса: если человека заставляют притворяться верующим, он ощущает собственную беспомощность и унижение вместе с опасением: его оговорка или непроизвольный жест могут привести к жестокому наказанию. Избавиться от этого страха можно, если убедить себя: то, во что тебя заставляют верить, есть действительная истина. Наиболее эффективно этот процесс работает тогда, когда люди боятся даже своих близких друзей – либо из-за угрозы предательства под пытками, либо из-за повсеместного присутствия шпионов. В таких условиях родители вынуждены притворяться даже перед своими детьми (ради опасения за них и за себя), что верят в те или другие определенные вещи. Но в отличие от режимов Гитлера и Сталина, репрессии в Италии никогда не достигали такой уровня жестокости, которая могла бы запустить этот процесс.

Не менее важным является другое глубокое различие, которое скрывается за сходством между итальянским фашизмом и другими авторитарными движениями: итальянский фашизм намного более соответствовал марксистскому стереотипу фашизма как «преторианской гвардии капитализма». Хотя это соответствие нельзя назвать идеальным, поскольку у партийной машины и самого Дуче были корыстные интересы, которые не всегда совпадали с интересами традиционных привилегированных классов. Однако фактом остается то, что фашисты выходили на политическую арену как частные вооруженные формирования, подавлявшие восстания фабричных и сельскохозяйственных рабочих в моменты, когда государственная машина казалась слабой. Повиновение мобилизованных солдат не всегда было гарантировано, хотя премьер-министр Джолитти действовал осторожно. В отличие от этого, в Германии штурмовые отряды активно участвовали в уличных столкновениях с коммунистическими ополчениями; однако немецкие промышленники и землевладельцы не нуждались в их военной защите, поскольку государственный аппарат Германии был намного более устойчивым. Немецкий рейхсвер, хотя и численно небольшой, был высокопрофессиональным и чрезвычайно эффективным; он мог обеспечить немедленное выполнение любых приказов, полученных от президента, фельдмаршала фон Гинденбурга. Возможно, именно поэтому значительно меньшее число промышленников финансировало нацистское движение в Германии по сравнению с Италией. Тем не менее, представитель крупных землевладельцев фон Папен убедил Гинденбурга назначить Гитлера рейхсканцлером, но их надежды на манипуляции

с амбициозным политиком вскоре оказались обманутыми, хотя Гитлер и очистил партию от «уравнителей» во главе с Ремом.

Вклад Гитлера в устранение угроз безопасности привилегированных классов заключался в использовании аппарата насилия, который значительно превышал необходимые меры для достижения этой цели, а не во влиянии на коллективные настроения. Его антисемитизм служил громоотводом, перенаправившим недовольство бедных на евреев вместо богатеев. Назначив небольшую, но заметную группу, на роль козла отпущения за все беды и несправедливости, Гитлер смог стимулировать чувство национальной солидарности гораздо эффективнее, чем Муссолини, что увеличило число его искренних сторонников. На последних свободных выборах в 1932 году нацисты получили 33 % голосов, что на 50 % больше, чем доля следующей по величине партии (социалистов). Для сравнения: на последних свободных выборах в Италии в 1921 году фашисты получили всего 35 мест из 535 по пропорциональному представительству, что составило около 6 % голосов.

Хотя Гитлер не занимался экспроприацией, он предпринял значительные усилия для уменьшения ассоциативных барьеров между классами, что способствовало снижению сдержанности буржуазии по отношению к рабочим. Владельцы и управляющие фабрик были обязаны участвовать в экскурсиях, организованных партийными ячейками, маршировать, петь и устраивать пикники совместно с рабочими под руководством членов партии, которые могли занимать довольно низкие позиции в корпоративной иерархии. Эти члены партии также получали право голоса при найме, увольнении и продвижении по службе, что, наряду с расширением централизованного планирования, привело к значительному сокращению полномочий владельцев и управляющих. Напротив, одним из первых шагов Муссолини стало отмена налогов на наследство и богатство, введенных Джолитти в 1919 году.

Гитлеру повезло в том, что он пришел к власти в послекризисный период, когда мировой экономический кризис уже прошел свой пик, и принятые ранее Брюннингом меры уже начали приносить плоды. Благодаря интуитивно кейнсианской политике министра финансов Шахта, масштабным общественным работам, перевооружению и быстрому росту вооруженных сил, Гитлер смог существенно сократить уровень безработицы и взамен за это достижение возросла его популярность среди благодарного населения. В то время как Муссолини уже прочно обосновался на своем посту, когда разразилась Великая депрессия, ему приходилось справляться с резким увеличением безработицы, падением цен, банкротствами и сокращением реальной заработной платы на 25 % по оптимистичной официальной статистике, а также с падением промышленного производства на 28 % в период с 1929 по 1932 год. В 1935 году объем промышленного производства по-прежнему составлял лишь 81 % от уровня 1929 года. Неудивительно, что Муссолини оказался гораздо менее способным изображать себя волшебником, чем его ученик.

Отношение к пролетариями стало возможным благодаря плебейским манерам, речи и образу жизни Гитлера и его сторонников, которые, кроме Геринга, не стремились интегрироваться в традиционные высшие классы общества. В отличие от этого, в Италии ситуация была совершенно иной: пышная свадьба дочери Муссолини с графом Чиано, который занял пост министра иностранных дел и стал близким советником тестя, демонстрировала тесные связи с аристократией. Такое явное сближение с высшими слоями общества усложняло для фашистов возможность представлять себя в качестве защитников простых людей.

Нацисты не только косвенно усилили чувство национальной солидарности, что сказалось на эффективности вооруженных сил, но и устранили некоторые слабости армии кайзера. Так, они смягчили классовые барьеры внутри армии и изменили взаимосвязь между доступностью военных чинов и социальным происхождением. Это привело к тому, что *юнкеры* утратили монополию на высшие должности, и талантливые представители среднего класса

с новыми идеями, такие как Гудериан и Роммель, смогли достичь высших командных структур. Одним из последствий реформ стало уменьшение дистанции между офицерами и рядовыми, а также настойчивое требование более отцовского подхода со стороны первых к последним. Сочетание строгой дисциплины, подкрепленной жестокими наказаниями, с более тесными взаимоотношениями между разными уровнями власти стало прочным основанием для внутренней сплоченности. Уменьшение классовой предвзятости позволило снизить влияние на командные позиции людей, которые не обладали необходимыми качествами и назначались исключительно по причине аристократического происхождения. Наряду с другими факторами это радикальное изменение объясняет различия в эффективности между царской и Красной армией. Впрочем, фашисты оказали гораздо меньшее воздействие на внутренние дела и образ жизни итальянской армии, что, возможно, объясняется их большей готовностью сотрудничать со старыми привилегированными классами.

Стоит отметить еще один важный аспект. Высказывания Геббельса свидетельствуют о том, что зверства нацистов не были лишь самоцелью или средством запугивания покоренного населения. Они также преследовали цель связать немецкий народ со своим фюрером, вовлекая население в соучастие в совершенных преступлениях. Таким образом, страх расправы не позволял людям восстать или дистанцироваться от режима в отличие от того, как это случилось с кайзером. В отличие от Гитлера, Муссолини был более порядочным и не использовал подобные методы для укрепления своей власти.

При анализе влияния двух диктатур на боевые качества войск обратимся к истокам итальянской армии во время Первой мировой войны. В тот момент ее репутация была далеко не лучшей; существует мнение, что итальянские солдаты проявляли меньшую боеспособность по сравнению с солдатами других стран, за исключением, возможно, чешских полков австровенгерской армии. Без поддержки французов итальянская армия рухнула бы после австро-германского прорыва в Капоретто. Это может свидетельствовать о том, что итальянские солдаты сражались менее эффективно по причине недостаточно квалифицированного командования. Если это так, то можно предположить, что итальянские офицеры были менее целеустремленными в стремлении к победе по сравнению с коллегами из других армий. В свою очередь, такой подход мог отражать общее настроение населения страны. В Италии существовали значительные сомнения относительно вступления в войну, и только здесь Социалистическая партия сохраняла противоречивые взгляды, откликаясь на общий националистический энтузиазм. Хотя вступление в войну действительно можно считать ошибочным шагом, оно не было более необдуманным, чем действия правительств других стран, которые, несмотря на очевидные риски, продолжали свои военные кампании. Интересно, что, несмотря на ошибки своих руководителей, другие народы стремились следовать за ними с энтузиазмом, в то время как итальянцы, возможно, проявили большую осторожность или осмотрительность. Однако нет доказательств того, что итальянцы были более склонны к рациональному мышлению, чем другие народы; по всей видимости, их повседневная жизнь и культура были насыщены более глубокими суевериями по сравнению с жителями экономически более развитых стран Европы.

Некоторые историки приписывают низкую эффективность армии новизне итальянского государства, сравнивая его с устоявшимися национальными государствами Британии и Франции. Однако этот факт не мог быть решающим фактором, с учетом того, что Германский Рейх был на девять лет моложе. Существуют и другие более показательные примеры – например, Сербия и Болгария в Балканских войнах, которые демонстрируют, что новизна государства не обязательно препятствует боеспособности солдат. Польша существовала всего 20 лет в момент нападения на нее в 1939 году, и быстро потерпела поражение, но это не связано с отсутствием у солдат воли сражаться. Более того, спустя всего два года по-

сле восстановления независимости в 1918 году Польша смогла успешно вести войну против Советской России.

Степень развития промышленности может объяснить, почему армии Германии, Франции и Великобритании были лучше подготовлены, но не отвечает на вопрос: почему австровенгерские, русские, турецкие и сербские солдаты проявили большую стойкость в бою? Нельзя также игнорировать факторы, стимулировавшие нежелание американских солдат участвовать в войне во Вьетнаме – такие как благополучная жизнь, антииерархическая идеология и вседозволенная ультрагедонистическая культура. В то же время большинство итальянских солдат были бедными крестьянами, и их условия жизни не отличались от условий жизни русских или сербов.

Мы можем отвергнуть мнение, которое периодически возникало во время обеих войн и проявлялось в виде шуток: итальянский народ были менее храбрым по сравнению с другими. На самом деле, Италия была ареной кровавых вендетт, знаменитых бандитов и анархистов-самоубийц, а также местом частых перестрелок между бандами мафии. Иммигранты из Италии сумели утвердиться в жестоких условиях американской организованной преступности. Хотя итальянцы проявляли значительную смелость в частном насилии, их не особо привлекала идея рисковать жизнью в борьбе за государственные интересы.

Показательная неспособность итальянского государства мобилизовать военные усилия своих подданных не следует отождествлять с его особой репрессивностью. По сравнению с правительствами царя или султана режим Джолитти был значительно менее репрессивным. Слабость итальянского государства также не может быть объяснена разрывом между богатыми и бедными, который в 1914 году наблюдался и в других европейских странах. Крайнее социальное неравенство не помешало Великобритании вести войну до 1916 года, опираясь на массовую армию, сформированную путем добровольного зачисления. Этот фактор, а также относительная терпимость к отказам воевать по убеждениям – что было бы невозможно, если бы большинство мужчин желало воспользоваться этой опцией – свидетельствует о том, что британское государство смогло наиболее успешно привить своим гражданам безусловную лояльность. Нельзя также сводить отсутствие воли сражаться итальянских солдат к неэффективности итальянской бюрократии (хотя она и играла свою роль), поскольку в Российской и Османской империях административные аппараты находились не в лучшем состоянии, но их солдаты все равно сражались доблестно, и причины их поражений можно объяснить лишь плохой организацией, недостаточным оснащением и неэффективным командованием.

Нельзя утверждать, что низкий моральный дух итальянских солдат был обусловлен «партикуляризмом» – привязанностью к своему роду или деревне, которая якобы несовместима с лояльностью к государству. На самом деле нет убедительных доказательств, что сильные местные связи мешают более широкой солидарности. Напротив, сильный партикуляризм является характерной чертой всех крестьян, и зачастую считается, что в целом крестьяне воюют проявляют лучше городских жителей. Более того, уровень партикуляристских связей в Италии не превосходит таковой в других преимущественно сельских странах. Например, прочные родственные узы сохранялись дольше и были сильнее среди южных славян, нежели в других частях Европы, при этом сербские солдаты славились своей неукротимой свирепостью.

Почему же итальянское государство смогло привить своим подданным настолько высокую лояльность и послушание, что они становились добровольными солдатами в отличие от других стран? Очевидно, эта способность была даже более выражена в Италии, чем в Габсбургской монархии, в которой национализм становился все более мощной силой.

Я могу выделить лишь одну специфичную черту итальянской ситуации, которая могла бы дать объяснение этому: противодействие Церкви процессу объединения Италии.

Объединение Италии привело к насильственной аннексии папских территорий, что стало причиной протеста со стороны пап. Папы заперлись в стенах Ватикана, а верующие отказывались участвовать в государственных делах. Лишь во время Первой мировой войны среди практикующих католиков появился министр кабинета министров. В то время как атеизм и антиклерикализм широко распространились среди интеллектуалов и политиков, влияние религии на сельское население гораздо дольше оставалось сильным и начало ослабевать лишь в 1950-х годы; в 1914 году крестьяне составляли 55% населения. Хотя национализм оказал значительное влияние на средний класс, притяжение церкви, вероятно, подрывало его преданность гражданским обязанностям. В утверждении Клемансо о том, что «нет плохих солдат, есть только плохие офицеры», содержится своя правда, поскольку офицеры способны гораздо больше влиять на своих подчиненных, чем наоборот. Тем не менее эта идея не умаляет значения упомянутых обстоятельств, которые оказывали влияние на установки офицеров столь же сильно, как и на установки рядовых солдат.

Чтобы оценить значение данного фактора, следует учитывать, насколько важной была поддержка религии в формировании у людей лояльности к государству и готовности отдать жизнь в бою. Сплоченность империи Габсбургов была обусловлена ее ролью защитника веры как от мусульман, так и от протестантов. Аналогичные воинственные традиции наблюдаются и у испанцев. Лютеранство способствовало развитию военной доблести Швеции и Пруссии, а Церковь Англии играла ключевую роль в укреплении национального единства. Выносливость и послушание русских солдат во многом определялись положением царя как главы Церкви, а также давней традицией ведения войн с неверными: мусульманскими татарами и турками, католическими поляками и лютеранскими шведами. В 1920 году польские крестьяне защищали двухлетнюю независимую республику не только из патриотических побуждений, но и под влиянием призывов духовенства к защите религии от безбожных большевиков. Спустя десятилетия после введения секуляризации, инициированной кемалистами, турецкие солдаты, получая команды на атаку, кричат «Аллах». Это лишь некоторые примеры из множества доступных иллюстраций.

Конкордат с Церковью, заключенный Муссолини в 1929 году, состоялся слишком поздно, чтобы существенно изменить отношение общества к государству. К тому времени уже действовали отчуждающие факторы, о которых упоминалось ранее. Позднее к ним добавилось разочарование от наблюдения за тем, как Италия превращается в вассальное государство нации, одержимой безумной гордыней; правители этой нации считали средиземноморскую расу низшей.

Неудивительно, что поддержка религии долгое время способствовала тому, чтобы люди стремились встретить смерть в бою. Однако сильная преданность нерелигиозной или квазирелигиозной идеологии, порой противостоящей традиционным верованиям, также может вдохновлять на подвиги. Примерами могут служить армии Французской революции и республиканские ополчения гражданской войны в Испании. Во время Второй мировой войны итальянские дивизии чернорубашечников – единственные подразделения, в которых можно было найти истинно верующих в фашизм; как утверждал Роммель, они проявляли лучшие боевые качества по сравнению с регулярной армией. Разногласия между нацистской идеологией и христианством не помешали дивизиям штурмовиков добиться выдающихся результатов на поле боя. Даже когда Сталин освободил священников из тюрем и принудил их благословлять войска накануне немецкого наступления на Москву, было бы ошибкой считать, что это обеспечивало стойкость советских солдат. Для простых людей более значимым источником мотивации оставались традиции русского патриотизма и воинского братства. Важную

роль сыграла также идеологическая преданность ряда членов партии (в числе которых были все офицеры), а также их способность и готовность применять жесткие меры к остальному населению. Несмотря на то что советские лидеры оказались менее успешными в привлечении масс, чем нацисты, они проявили в этом большее искусство, чем Муссолини. Кроме того, хотя изначально воля советских солдат к борьбе была низкой (что подтверждается количеством военнопленных), зверства, совершенные немецкими войсками по приказу Гитлера, вскоре подняли моральный дух. В то же время у итальянских солдат аналогичные обстоятельства не смогли компенсировать факторы, ослабившие их боевой дух.

Во всех этих случаях можно отметить, что воинские доблести менее зависят от религиозной поддержки, если они основаны на идеологической приверженности или на глубоко укорененном патриотизме, который возникает из исторического существования государства и продолжительности его военного прошлого. Однако как обстояло дело в Германии во время Первой мировой войны? Здесь существовал недостаток религиозного единства, поскольку более трети населения составляли католики, а в последние годы правления Бисмарка страна пережила конфликт между правительством и католической церковью – «культуркампф». Тем не менее, несмотря на возможное негативное мнение католиков о Железном канцлере, они не выступали против самого государства или его границ, как это было в Италии. Более того, немецкая армия, в отличие от гражданской администрации, была сформирована и возглавлялась пруссаками, в частности восточно-эльбским дворянством, известным как юнкерство, чье лютеранство активно поддерживало их преданность служению государству. Таким образом, случай Германии не опровергает утверждение о том, что конфликт лояльностей ослабил военный потенциал объединенной Италии.

Ответ на комментарии

Поскольку Джон Гуч знает об истории Италии намного больше, оспаривать его фактические утверждения нет смысла. Радует, что ни одно из них не противоречит ранее приведенным аргументам. Более того, его рассказ представляет собой альтернативное объяснение, потому что его можно интегрировать в наш тезис. Он упоминает о промахах и неуклюжести политических лидеров и высшего командования, делая намеки на то, что подобная некомпетентность не была редкостью среди офицерского корпуса. В то время как мы обращаемся к корням низкого морального духа, различие в фокусе зрения могло бы привести к альтернативным объяснениям только в том случае, если бы эти явления были независимы друг от друга, что крайне маловероятно. Если же они взаимосвязаны, возникает вопрос: что было причиной, а что следствием? Безусловно, между этими двумя переменными существовало взаимодействие; мы можем предположить, что, как это обычно бывает, они были переплетены в некий порочный круг (или положительную обратную связь, если вам ближе этот термин), при этом низкий моральный дух способствовал некомпетентности, результаты которой лишь усиливали падение морального духа, и так далее. Однако взаимодействие между двумя факторами не исключает возможности, что один из них был «первичным» или «более фундаментальным», имея более глубокие корни в социальной и культурной структуре.

Если бы мы сосредоточились исключительно на мнении рядовых солдат, можно было бы предположить, что их низкий боевой дух объясняется осознанием некомпетентности командиров. Однако данная проблема не может быть независимой от отношения самих командиров, так как отсутствие преданности долгу со стороны лидеров неизбежно приводит к неэффективности всей организации. Причины некомпетентности могут быть разнообразными, включая нехватку возможности освоить необходимые навыки, как это имело место в ополчениях рабочих в начале гражданской войны в Испании, или неадекватный культур-

ный уровень, что наблюдалось в недавно созданной армии Заира, где необученные и иногда неграмотные люди командовали военными подразделениями, не имея четкого представления о своих обязанностях. В результате, чтобы справиться с вооруженными сектантами, правительству приходилось прибегать к услугам европейских наемников. Однако в Италии в рассматриваемый период таких факторов, способствующих военной некомпетентности, не наблюдалось.

Если бы некомпетентность итальянского военного командования была следствием случайных индивидуальных различий, то, вероятно, она проявлялась бы менее стабильно и в меньших масштабах, чем это показано в отчете Гуча. Однако если это действительно так, то единственным объяснением может быть отсутствие преданности или приверженности заявленным целям вооруженных сил среди генералов, офицеров, гражданских администраторов и политиков, занимающихся военными вопросами. Эти отношения, в свою очередь, могут быть обоснованы моим тезисом.

Вклад Александра Лопасича полностью подтверждает этот тезис. Описание общего состояния или тенденции не утрачивает своей значимости из-за утверждений о локальных или кратковременных отклонениях, если они остаются в пределах допустимого приближения. В некоторых подразделениях особые обстоятельства или выдающиеся качества командиров смогли значительно повысить боевой дух, превышая средние показатели. Тезис утратит свою силу лишь в случае, если такие исключения станут слишком многочисленными, что поставит под сомнение изначальную посылку о преобладающих тенденциях.

Кристи Дэвис справедливо отмечает, что нежелание итальянцев участвовать в войнах имеет глубокие исторические корни. Однако мы не должны переоценивать влияние традиции или культурной инерции. В статье приведены несколько примеров быстрых изменений в национальном характере, таких как случай евреев, которые в диаспоре были известны своим нежеланием служить в армии, но смогли создать высокоэффективную армию в Израиле. Вероятно, во времена Гарибальди итальянцы могли бы развить националистические и милитаристские взгляды, если бы не столкновение патриотизма с религиозными убеждениями. Муссолини вызывал опасения у иностранных государств, поскольку считалось, что фашистская пропаганда преобразила итальянцев в рьяных воинов. Однако его враги и союзники были так же удивлены, как и он сам, неэффективностью военного аппарата Италии.

Существует множество примеров, иллюстрирующих, что территориальное разделение, даже в условиях иностранного господства, не обязательно приводит к снижению готовности участвовать в войнах. На протяжении пяти веков Россия оставалась фрагментированной на враждующие княжества, находившиеся под игом монголов в течение трех столетий. Возвышение московского князя началось с его мало почетной роли сборщика налогов для хана. Это, однако, не помешало ему впоследствии утвердиться в роли Защитника веры и, в конечном итоге, главы церкви, что принесло ему уважение и признание. В дополнение к этому, другие примеры демонстрируют, что недавнее объединение не обязательно ослабляет боевой дух. Объединение враждующих племен под руководством Мухаммеда и Чингисхана послужило предисловием к двум наиболее выдающимся сериям завоеваний в истории.

Выделенный в тезисе фактор действовал до объединения Италии, хотя и проявлялся в ином виде. Поскольку Папа был одновременно и главой государства, он регулярно оказывался в конфликте с другими итальянскими правителями. Это порождало у итальянцев постоянную дилемму между лояльностью к Церкви и преданностью правительству. В результате они не развивали глубокой преданности ни тому, ни другому. Следовательно, ни один итальянский принц не мог рассчитывать на такую поддержку, какую имели монархи, подкрепленные религиозным чувством.

Баланс сил между троном и церковью был уникальной и постоянной характеристикой западного христианства, а открытая борьба между монархами и папами сыграла решающую роль в распаде старой германской империи. Однако за пределами Италии Папа никогда не рассматривался исключительно как один из игроков в политической борьбе. Даже в Мексике, где попытки искоренения католицизма со стороны постреволюционного правительства привели к гражданской войне против «кристерос» во время президентства Кальеса, церковь выступала против правительства, а не против самого государства или его границ. В то же время мы не знаем, насколько эффективно мексиканская армия сражалась бы в условиях внешней войны в тот период.

Постскриптум 1991

После написания предыдущих страниц появилась важная работа: «Краткая история итальянской армии» (*Breve Storia dell'Esercito Italiano)* Джорджо Рошата и Джулио Массобрио (Турин, 1978). Несмотря на скромное название, она значительно углубляет наше понимание рассматриваемой темы. Как и многие итальянские историки, авторы находятся под влиянием марксистской идеологии, что порой приводит к ошибочным и доктринерским высказываниям о политике в других странах. Однако в своей области они пишут трезво и непредвзято. Это влияние, кажется, сыграло положительную роль, позволив им избежать националистического и милитаристского восхваления, характерного для военной истории на любом языке, и побудив к структурному, а не лишь событийному подходу. Их анализ полностью подтверждает основное тезис моего исследования: военные действия объединенной Италии были плохо организованы. Рошат и Массобрио распространяют эту оценку на колониальные войны в Эритрее, Сомали, Ливии и Эфиопии. Поражение при Адуа в 1896 году они рассматривают как результат колоссальной некомпетентности, в то время как быстрое завоевание Эфиопии в 1936 году не является свидетельством эффективности, учитывая чрезмерные затраты людей и материалов относительно слабого противника. Авторы также отмечают недостатки в подготовке, организации и командовании в ходе Первой мировой войны и еще большую неэффективность во Второй. Примечательно, что, несмотря на тоталитарные устремления и милитаристскую пропаганду, военные усилия Муссолини оказались значительно слабее (даже с финансовой точки зрения), чем усилия либеральной республики в Первой мировой войне. В то время как в Первой мировой войне обязательная мобилизация касалась преимущественно низших классов, во Второй мировой войне это явление стало общим для представителей среднего и высшего классов.

Авторы статьи не дают объяснения различиям между двумя войнами, однако это объяснение доступно. Основной целью участия в Первой мировой войне было завершение процесса объединения Италии, часть которой все еще находилась под контролем Габсбургов. Многие итальянцы надеялись, что участие в победе позволит им занять достойное место среди великих держав Европы. В отличие от этого, через двадцать пять лет любой итальянец, владеющий немецким языком, мог наблюдать, что его союзники воспринимают его как представителя низшей расы, на одном уровне со славянами. Кроме того, любому нормально информированному человеку было очевидно, что победа приведет Италию к подчинению Гитлеру, что явно не способствовало бы росту националистического энтузиазма. Эти обстоятельства, вероятно, усугубили уже существующие проблемы с военной эффективностью, однако сами по себе они не могут объяснить низкие показатели в предыдущих войнах.

Рошат и Массобрио указывают на ключевую причину неэффективности, проявлявшуюся в более ранних войнах: они утверждают, что с самого начала армия объединенной Италии использовалась для внутренних репрессий и была сознательно приспособлена к этой функ-

ции, что негативно сказалось на ее способности вести войны. Времена Муссолини предоставили иные обстоятельства, так как он мог полагаться на свою военизированную партию и ее отряды для достижения этих целей. Нет сомнения, что тезис наших авторов верен: они выделили важный фактор, который следует учитывать наряду с теми аспектами, которые рассматривались ранее. При этом не существует противоречия между ними – скорее, они взаимосвязаны. Неспособность правительства привить лояльность подданных, возможно, заставляла его все более полагаться на принуждение. Осуждение итальянского государства со стороны пап поощряло неповиновение и мятеж. В бывших владениях Бурбонов многие священники подстрекали крестьян восставать против «нечестивого» правительства в Риме.

Многие мыслители прошлого утверждали, что угнетение бедных богатыми ослабляет государство. В начале XIX века польский историк Иоахим Лелевель связывал падение Польши именно с этой проблемой. Ярким примером открытого восстания стало подавление армией мятежей в Италии, которое происходило не раз в период между объединением страны и концом века. Однако подобные ситуации не были уникальными для Италии. Например, в 1871 году Парижская коммуна была подавлена войсками, но важно отметить, что это событие не оказало значительного влияния на армию, поскольку ни крестьяне, ни провинциальные города не участвовали в этих протестах. В 1907 году в Румынии вспыхнуло крестьянское восстание, оказавшееся, по всей видимости, не менее серьезным, чем беспорядки в Италии, хотя с момента его подавления до вступления Румынии в войну прошло всего семь лет. В отличие от итальянского контекста, румынские солдаты не стали объектом критики за нежелание сражаться. Другим контрпримером служит Россия, в которой в 1905 году произошло масштабное восстание, смешавшее городские и сельские элементы. Тем не менее, солдаты царя продолжали упорно сражаться, несмотря на большие потери, пока не начали испытывать отчаяние из-за нехватки продовольствия, одежды и боеприпасов. Значительно раньше де Токвиль отмечал, как русские солдаты проявляли мужество, защищая свои позиции. Поддерживаемая царем, русская церковь активно проповедовала верность власти. Существует множество примеров использования армии для подавления низших классов. Тогда как Италия является уникальным случаем, когда церковь, к которой принадлежали почти все, выступила против существования государства.

Глава 15. Национализм, классовое неравенство и диктатура в новых государствах. Сравнительный анализ общих тенденций и различий, зафиксированных в Латинской Америке, Восточной Европе и Тропической Африке

Обсуждение проблемы национализма на английском и французском языке представляет собой более сложную задачу, чем на языках Центральной и Восточной Европы. Это связано с тем, что в этих языках слова «национальность» и «гражданство» часто используются как синонимы, а «нация» охватывает всех граждан. Молчаливое предположение заключается в том, что все граждане разделяют общее чувство принадлежности и формируют коллектив, стремящийся к независимости и единству. Такое представление укоренилось, поскольку Франция и Англия (позже Британия) существовали как национальные государства до тех пор, пока массовая иммиграция последних десятилетий не привела к тому, что значительное число граждан стало относить себя к иной идентичности. Тем не менее, язык не всегда поспевает за этой реальностью. В Центральной и Восточной Европе (включая немецкий язык) есть слова, позволяющие различать принадлежность к нации – определяемую родным языком, сентиментальной привязанностью и взаимным принятием – и гражданство, которое основывается на правовых нормах.

Существует значительное разнообразие в степени совпадения между составами членов нации и граждан государства – от полного до минимального. Например, в Японии это совпа-

дение практически полное, тогда как в Шри-Ланке оно значительно меньше, а в Израиле и Южной Африке еще ниже. В «Германской Демократической Республике» данное совпадение было практически нулевым. Учитывая, что этот фактор оказывает глубокое влияние на многие аспекты общественной жизни, в дальнейшем термин «нация» будет использоваться таким образом, чтобы учесть его значения без дополнительных разъяснений.

Для обсуждения положения дел в Африке необходимо использовать термин, который будет обозначать группы людей, которые принадлежат к общей культуре (обычаи, верования и язык), но не стремятся к созданию отдельной политической единицы; например, такие группы, как йоруба или хауса. Хотя по численности они превосходят многие европейские народы, такие группы часто ошибочно называются племенами, что может вызывать недоразумения, поскольку термин «племя» применяется также к гораздо меньшим группам внутри более широких социальных образований. Некоторые французские этнологи предложили использовать слово «*ethnie*» для обозначения более крупных культурных групп, таких как йоруба или хауса. В книге, посвященной проблемам Африки, было высказано предложение, чтобы англизированная версия этого термина – «*ethny*» (этни) – была принята в английском языке, так как для него пока нет адекватного аналога.

«Сравнивать» не означает «уравнивать»: различия столь же значимы, как и сходства. На самом деле, именно посредством анализа различных сочетаний сходства и различия мы можем лучше понять причинно-следственные связи. В сравнительных исследованиях, как и на картах, широта охвата изменяется обратно пропорционально уровню детализации; однако нет обоснованных причин считать, что один масштаб всегда предпочтительнее другого. По причине сложности и многогранности материала при изучении общества масштабный обзор обречен быть не только приблизительным, но и спорным.

Три волны образования государств

В современной истории можно выделить три волны образования новых государств. Первая волна прошла в Америке в конце XVIII и начале XIX века. Вторая волна охватила Европу в XIX и начале XX века и делится на две основные части. Первая часть включает государства, возникшие на территории бывшей Османской империи в результате ее поражений от европейских держав: первым из них стала Греция (1830 год), а последним – Болгария (1878 год). Вторая часть связана с распадом Германской, Австрийской и Российской империй в конце Первой мировой войны. Третья волна последовала за завершением Второй мировой войны. Хотя современные границы арабских государств были определены после Первой мировой войны, в межвоенный период они находились под официальным или неофициальным контролем Лондона и Парижа. Их *фактическая* независимость была достигнута лишь в результате волны деколонизации, охватившей Азию и Африку после 1945 года.

В этот обзор новые государства Азии и Северной Африки не включены намеренно, поскольку тема достаточно сложна и обширна. Исключено также объединение Германии и Италии, поскольку это именно случаи объединения, а не возникновения или возрождения. По той же причине не рассматривается создание Южно-Африканского Союза. Хотя Соединенные Штаты Америки возникли в результате освобождения от контроля империи, подобно новым государствам, у них нет других аналогий. С самого начала это была страна, населенная самыми богатыми людьми мира. Даже будучи колониальными подданными, у жителей США был уровень жизни, заметно превосходящий уровень жизни простых людей в Европе. Даже рабы здесь питались лучше, чем нищие в Европе или Азии. Фактически именно отсутствие голодающих искателей работы делало рабство высокоприбыльным. Кроме того, Соединенные Штаты представляли собой уникальное государство нового типа – результат политиче-

ской инженерии, для которого характерна беспрецедентная оригинальность со времен Солона в Древней Греции.

В отличие от Соединенных Штатов многие новые государства занимали периферийное положение в его различных модификациях. По сравнению с центрами силы и прогресса – Северо-Западной Европой и Северной Америкой – они были и остаются относительно бедными и слабыми с военной точки зрения. Тем не менее, существуют определенные исключения в вопросе экономического развития. Например, до того как коммунистический режим привел страну к экономическому упадку, Чехословакия находилась на уровне экономического развития, сопоставимом с Западной Европой. Финляндия тоже в значительной степени соответствовала этому уровню.

Имитация на периферии

Для всех новых периферийных государств характерна выраженная склонность к подражанию центрам богатства, власти и прогресса, что влияет практически на все аспекты жизни – от политических доктрин до моды. В этом контексте сложно провести близкие параллели с весьма целенаправленным подражанием, характерным для Японии, хотя и там присутствовали случаи слепого копирования. Безусловно, подражание играет важную роль в прогрессе, однако оно часто приводит к внедрению таких образцов и институтов, которые оказываются нежизнеспособными или даже вредными. Простой пример – мужская одежда, форма которой развилась в холодном и влажном климате Севера, где она не создает чрезмерного дискомфорта. В тропических регионах же длинные брюки, воротники, галстуки и пиджаки могут способствовать низкой эффективности управления и нестабильности, что становится характерным для жарких стран. Жилберто Фрейре утверждает, что лень, раздражительность и жестокость среди бразильских рабовладельцев могли быть частично связаны с постоянным дискомфортом, вызванным тяжелой одеждой.

Эта тенденция к подражанию обусловила также принятие конституций, которые либо с самого начала оставались мертвой буквой, либо вскоре отменялись.

Новые государства Латинской Америки не возникли в результате национальных восстаний, поскольку наций в современном понимании там не существовало. Войны за независимость можно рассматривать как особую форму классовой борьбы: не между бедными и богатыми, а между менее привилегированным классом («*criollos*» – потомками испанцев, родившимися в Америке) и более привилегированными представителями – чиновниками, отправленными из Испании, известными как «*los peninsulares*». Культура «criollos» оказалась удивительно однородной, несмотря на географическую разбросанность и различия в условиях жизни. Все они были католиками и говорили по-испански. Конечно, существовали индейские анклавы, в которых использовались местные языки и (значительно реже) сохранились традиционные религиозные практики. Однако эти группы не играли активной роли в процессе формирования независимости.

Лидеры восстания – Симон Боливар и Хосе де Сан-Мартин – не ожидали, что Испанская империя распадется на множество независимых государств. Этот процесс произошел преимущественно из-за огромных расстояний, которые сделали невозможным централизованное управление обширной территорией, едва были разрушены узы монархической лояльности, подкрепленные Церковью. Фактически новые государства представляли собой территории, контролируемые отдельными каудильо, влияние которых во многом определялось наличием естественных транспортных препятствий. Чувство государственности формировалось медленно, в результате жизни под единой властью и географической изоляции от соседей. В отличие от Европы и подобно Африке новые государства после 1800 года предше-

ствовали новым нациям. Но в отличие от Африки рост национального самосознания не сталкивался с этническими или религиозными разногласиями. Индейцы никогда не составляли единой нации и постепенно, но неуклонно ассимилировались в доминирующую иберо-американскую культуру.

Границы испано-американских государств обычно совпадали с географическими преградами, в то время как границы африканских государств, особенно в Тропической Африке, были проведены произвольно. Эти границы были установлены на различных конференциях европейских правительств без учета этнической принадлежности местных народов. Государственность в Сомали была ослаблена мощными племенными структурами, хотя здесь и наблюдается определенная языковая, этническая и религиозная однородность. Официальное использование английского, французского или португальского языков создает разрыв между образованной элитой и широкой массой населения, слабо знающей эти языки. Поскольку образование часто воспринимается как отчуждение от основной части населения, непонимание официального языка усиливает чувство дистанции между гражданами и государством, к которому они не испытывают лояльности. За исключением сомалийцев, так называемые «нации» Тропической Африки представляют собой население, живущее под единой властью, но лишенное чувства единства и солидарности, объединяющееся лишь на основе противостояния. Таким образом, в Тропической Африке практически отсутствуют национализмы, за исключением, возможно, сомалийского и амхарского (в отличие от более широкого понятия «эфиопский»). Обширная литература о национализмах в Африке зачастую носит спекулятивный характер. Возникает справедливый вопрос: как быть с освободительными войнами в Родезии, Анголе и Мозамбике? Эти конфликты были не столько войнами между нациями, сколько противостоянием рас – порабощенных африканцев против правящих европейцев, или, иначе говоря, черных против белых. То же самое относится и к деятельности Африканского национального конгресса в Южной Африке. Слово «африканский» в его названии имеет значение: оно не содержит названия южноафриканской черной нации, потому что такой нации нет. Южноафриканских чернокожих объединяет общий враг – белые, чьи привилегии они ненавидят, но стремятся к ним.

Отсутствие чувства государственности в существующих африканских государствах (за исключением некоторых упомянутых) не означает, что в Африке не могут возникнуть национальные государства. Однако это может произойти лишь в том случае, если границы будут преобразованы в соответствии с культурными различиями. Например, если бы Биафра не была уничтожена, она имела все шансы стать полноценным национальным государством, даже учитывая наличие меньшинства калабарцев. Национальное чувство принадлежности могло бы развиться в государствах, в которых культурные различия не столь значительны, где много мелких этнических групп, а не несколько крупных, и где существует распространенный коренной язык, такой как суахили, который мог бы стать общепринятым и официальным. Это касается, к примеру, хауса-говорящих, которые могли бы стать единой нацией, если бы были разделены и затем объединены. В свою очередь, маловероятно, что население Судана или Нигерии когда-либо смогут образовать нации в каком-либо значительном смысле, кроме правового. Хотя индусы разделены языками и письменностями, их объединяет общая религия – индуизм, которая отличает их от окружающего мира. В отличие от этого, у жителей Судана и Нигерии нет культурной характеристики, которая бы объединяла их и отделяла от соседей.

Отсутствие этнической сплоченности в африканских государствах значительно способствует внутренним беспорядкам и коррупции, но в то же время объясняет удивительно дружеские отношения между правительствами. В отличие от европейской практики, африканские лидеры не разжигают вражду между своими народами и соседями. Они даже учре-

дили Организацию африканского единства, в которой обсуждения происходят без препирательств и ненависти, часто характерных для международных отношений в Европе до недавнего времени. Неудивительно, что единственная «международная» война на континенте, связанная с националистическими настроениями, произошла между двумя государствами, наиболее близкими к европейскому этническому разнообразию. Сомали представляет собой единственное полностью однородное по языку, религии и культуре государство в Африке, в то время как Эфиопия сохраняет уникальное наследие, находясь под влиянием нации амхар, известной своей давней традицией единства и независимости, а также богатством религиозных обычаев, языка и письменности. Эфиопия, будучи единственным африканским государством, проводившим политику ассимиляции посредством подавления языков доминирующих этнических групп – оромо, борана и сомалийцев, – напомнила о подобных практиках в Европе, когда немцы занимались притеснением поляков, поляки – украинцев, а венгры – словаков.

В отличие от Латинской Америки и Тропической Африки, где этнические различия часто оказывались незначительными или оставались незамеченными, новые государства в Европе после 1800 года формировались под влиянием национализма. Их границы зачастую проводились в соответствии с национальной принадлежностью и лояльностью. Это не относится к более традиционным европейским национальным государствам, таким как Франция, Англия, Испания и Швеция, в которых национальная идентичность развивалась в рамках единой монархии. Однако к XIX веку национализм стал самостоятельной силой, что привело к упадку единственного по-настоящему многонационального государства в Европе – Габсбургской монархии.

Рост национальных чувств в современной Европе, предшествовавший созданию новых государств, не позволяет обоснованно утверждать, что такие чувства существовали в более отдаленном прошлом, как это предполагают некоторые историки-националисты. На Балканах в начале XIX века не было национального сознания в современном понимании. Основной барьер разделял правящих мусульман и подчиненных христиан. Греческая православная церковь служила хранилищем лояльностей, выходящих за пределы локальных и родственных связей. В воинственных племенах Черногории, единственной непокоренной части Балкан, признавалась лишь власть своего епископа. При этом турецкий язык использовался в правительственной деятельности, тогда как греческий был языком образования и торговли. Накануне обретения независимости Грецией в Бухаресте издавалось больше книг на греческом языке, чем на территории, ставшей Грецией. Тот факт, что Молдавия и Валахия не находились под прямым османским владычеством, а являлись вассальными княжествами, не способствовал развитию национального сознания. В борьбе против османского владычества главной движущей силой стала религия, наряду с естественной ненавистью к угнетателям. Однако эта борьба способствовала распространению национального чувства в рамках языковых границ. Именно этот фактор оказался решающим при построении новых государств и определении их границ. Сознание национальной идентичности развивалось прежде всего среди греков – представителей диаспоры, которые имели более высокое образование, говорили на языке, не связанном с другими, и вели особый образ жизни, сосредоточенный на торговле.

Польша образует яркий пример национального чувства, которое предшествовало и способствовало созданию государства, что можно объяснить тем, что это было скорее возрождение, чем рождение нации. Образование большинства других государств в Восточной Европе также можно рассматривать как возрождение, однако периоды иностранного правления в этих странах были значительно более продолжительными. Например, в Болгарии иностранное владычество длилось с 1396 года, что ставит под сомнение вопрос о национальной

идентичности, особенно с учетом того, что древние болгары были завоевателями из Центральной Азии, а не славянами, с которыми они в конечном итоге ассимилировались. Старое сербское королевство было разрушено еще раньше, в битве при Косово в 1389 году. Чехи потеряли независимость после подавления их восстания в битве на Белой горе в 1620 году, после чего их земли стали управляться как провинция из Вены. В отличие от этих случаев, разделы Польши в конце XVIII века не привели к полному исчезновению высшего класса или к прекращению производства и распространения литературных произведений на польском языке. Несмотря на эти преимущества, польский патриотизм оказался менее эффективным, чем сербский, в мобилизации крестьянства, которое в Польше подвергалось угнетению и эксплуатации со стороны польского дворянства. В Сербии же борьба за независимость являлась одновременно и борьбой против непосредственных угнетателей. Польское высшее дворянство проявило такую непатриотичность, что согласилось на разделы. Пылкий патриотизм, который возник позже, стал результатом усилий мелких помещиков и нового городского класса интеллигенции, преимущественно происходившего из низшего дворянства. Активисты из этой социальной группы прилагали значительные усилия для прививания национального чувства как крестьянам, так и новому рабочему классу через образовательные ассоциации и литературу. Успех этих попыток был постепенным: восстания 1830 и 1863 годов были инициированы высшими классами, в то время как большинство борцов в восстаниях против немцев 1918 года составляли рабочие.

Чешское дворянство утратило свои позиции и было заменено немецким после 1620 года, что сделало чешский национализм более популистским по сравнению с польским, а значит, более трезвым и менее романтичным. Однако с ростом националистических настроений во второй половине XIX века чешский народ уже не состоял в основном из крестьян, как болгары или сербы. Многие чехи были зажиточными торговцами, ремесленниками, клерками и промышленными рабочими, что обеспечивало им меньшую степень отчуждения по сравнению с жителями других стран, поскольку крупные фабрики практически отсутствовали. Чешский средний класс имел западноевропейский характер и не испытывал презрения к коммерческой деятельности, как это было распространено в Польше и России. В то время как крупные землевладельцы и капиталисты в основном были немцами, чешское национальное движение включало в себя элементы классового конфликта. Созданию государства предшествовали интенсивные усилия по повышению национального самосознания и солидарности через литературу, образование и различные ассоциации. Важным шагом стало начало исследований и написания чешской истории, ранее проводившихся преимущественно на немецком языке и с австрийской точки зрения. Словацкое национальное движение, в свою очередь, обладало еще более сильным элементом классового конфликта, так как словаки были в основном крестьянами, а их господа и правители – венграми. План создания чехословацкого государства был согласован между чешскими и словацкими лидерами в Америке еще до распада империи Габсбургов.

Возможно, литовский национализм стал последним из новых явлений в Европе, возникнув в течение первых двух десятилетий XX века. Около 1400 года Великое княжество Литовское представляло собой крупнейшее политическое образование Европы, простиравшееся от Балтийского до Черного моря. Однако это объединение было результатом стремительных завоеваний, и лишь династия и высшее дворянство обладали литовским происхождением, тогда как самым распространенным языком (в том числе и при дворе) оставался белорусский. Чтобы противостоять угрозе со стороны Тевтонских рыцарей, в начале XV века была заключена династическая уния с Польшей. В следующем столетии две страны объединились под одним парламентом и избранным королем. Литовское дворянство десакрализировалось, потеряв свою языковую и культурную идентичность, и стало играть доминирующую

роль в «республике», состоящей из двух частей: «Короны» и «Литвы». Польско-язычное дворянство и городская интеллигенция идентифицировали себя как литовцы и поляки, считая Литву частью Польши. У крестьян не было четкого национального самосознания, но они продолжали говорить на литовском языке. Из их среды возникла интеллигенция, которая в конце XIX века начала развивать литовский язык и идеи государственности. Литовские националисты столкнулись с двумя главными противниками: российским правительством и польско-язычным дворянством, доминировавшим в культурной и экономической сферах. Элементы классового конфликта способствовали росту национальных чувств среди крестьян. В Литве повышение национального самосознания предшествовало созданию независимого государства, когда рухнула царская империя.

Европейский национализм с самого начала формирования новых государств, а порой даже до этого, стал причиной ожесточенных конфликтов, войн и репрессий. Вскоре после победы над Турцией балканские страны начали вооруженные столкновения друг с другом. Создание независимой Польши сопровождалось конфликтами с украинцами и военными операциями на территориях, на которые претендовали также литовцы. Каждое решение по границам вызывало споры и напряженность. В постколониальной Африке подобных конфликтов было намного меньше, за исключением попытки Сомали аннексировать эфиопские территории, населенные сомалийцами. Первые африканские лидеры, такие как Кваме Нкрума, проповедовали идеи панафриканизма, в то время как президент Сенегала делал акцент на концепции «негритюда» и писал стихи на французском языке.

В современном контексте Тропической Африки лишь несколько небольших королевств, которые стали протекторатами и никогда не подвергались прямому колониальному управлению, сохранили свои исторические названия, относящиеся к периоду до имперского управления: это Руанда, Бурунди, Свазиленд и Ботсвана. Более крупные государства либо унаследовали названия, присвоенные им европейскими колонизаторами, либо получили новые имена после обретения независимости. Среди европейских стран, за исключением СССР, представляющего собой новое название для старой империи, только одно государство имеет название, придуманное несколько лет спустя после своего основания: Югославия, которая была образована в 1918 году как Королевство сербов, хорватов и словенцев. Хотя это название и было выбрано сознательно, оно все же отсылает к определенной этнической группе – южным славянам. Югославия не без основания также демонстрирует свойства, схожие с африканскими государствами, включая наличие явных тенденций к расколу.

Редкость конфликтов и войн между правительствами Тропической Африки может рассматриваться как позитивный результат низкого уровня национализма. Однако отсутствие эмоциональной привязанности к государству затрудняет его эффективное функционирование и в то же время создает условия для фаворитизма, коррупции и внутренних конфликтов. Можно согласиться с тем, что подобные явления нежелательны, но не всегда ясно, являются ли они лучшим или худшим вариантом по сравнению с агрессивными и воинственными формами национализма, которые до недавнего времени преобладали в Европе.

Стратификация

Во всех африканских странах, включая те, которые декларируют свою марксистскую или социалистическую природу, наблюдается наличие привилегированных элит, чье благосостояние резко контрастирует с нищетой широких масс населения. Большинство этих элит состоят из людей, обладающих значительными финансовыми ресурсами, даже по сравнению с высокоразвитыми обществами. Тем не менее, с некоторыми исключениями, которые будут рассмотрены ниже, социальное неравенство в Черной Африке не проявляет двух особенно-

стей, присущих понятию класса в европейском и латиноамериканском контексте: высокая степень эндогамии и сегрегации в вопросах жилья и совместного проживания. Эти особенности обычно формируются в процессе кристаллизации классовой структуры, однако в большинстве регионов они почти полностью отсутствовали в первые годы независимости. Данное отсутствие (или относительное отсутствие) связано с сильной клановой лояльностью, которая влияет на успех.

В некоторых регионах Тропической Африки сохранялись (или сохранились) доколониальные структуры стратификации. Примером может служить Занзибар, где общество было разделено на непроницаемые касты: на вершине находились потомки арабских работорговцев, а внизу – потомки негритянских рабов. Эта система была нарушена в результате революции, возглавленной бывшим судовым поваром Курумой, во время которой была уничтожена значительная часть правящей касты. Кастовая и расовая дихотомия также имела место (и в некоторых случаях продолжается) в Руанде и Бурунди – королевствах, вероятно, возникших около двухсот лет назад после завоевания земледельцев банту скотоводами с севера, которые отличаются от банту своим более высоким и стройным телосложением. Подобные, хотя и менее четко выраженные, структуры наблюдаются и в других регионах. В Сенегале существуют сложные иерархии неравенства, связанные с религиозными различиями. Распространены также элементарные формы стратификации (типа различий между королевскими (княжескими) кланами и простолюдинами (например, среди зулусов и ашанти). В то же время есть обширные территории, на которых нет традиционных форм стратификации.

В целом, существует значительный разрыв между традиционной стратификацией и постколониальной дифференциацией новых правящих элит и масс. Свазиленд образует уникальный случай, где старый порядок остался неизменным. Эмиры Зарии и Сокото сохранили большую часть своей внутренней власти, но никогда не управляли Лагосом. Их родственник Ахмаду Белло пытался стать лидером Нигерии, но был убит. Во многих новых штатах правители пытались отменить или хотя бы ограничить старые структуры власти. Это подтверждается судебными разбирательствами Нкрумы против королевского клана Ашанти и нападением Милтона Оботе на короля Буганды. Важным аспектом после обретения независимости стало и то, что представители эгалитарных племен, не подвергавшихся угнетению со стороны местной аристократии, оказались более склонными и способными воспользоваться возможностями получения образования, которые предоставляли колониальные правительства и миссионеры, что позволяло войти в постколониальную элиту. Наиболее яркий пример тому – народ ибибио в Нигерии.

Новые правители, обладающие прочными узами клановой солидарности с менее успешными родственниками, щедро перераспределяли преимущества своих должностей на деревни, из которых происходили их предшественники. Возможно, сейчас это не так, но в 1960-х годах в домах состоятельных людей нередко можно было наблюдать целые толпы бедных родственников-нахлебников. В книге об Африке высказывается мнение: многие действия, которые мы обычно определяем как коррупцию, на самом деле могут рассматриваться как «альтруизме». Они часто вытекают из глубокого чувства долга перед родней, которое значительно превосходит любую лояльность государству, которое воспринимается как нечто искусственное и чуждое.

Приведенное выше схематичное описание не вполне применимо к более традиционным государствам Тропической Африки. В Либерии существует привилегированный класс, в основном состоящий из потомков освобожденных рабов, привезенных из Америки; он строго отделен от подвластного ему племенного населения. Однако положение осложнилось после того, как Сэмюэл Доу, неграмотный сержант с Севера, пришел к власти в качестве диктатора. Еще более возросла неопределенность социальных границ в результате гра-

жданской войны 1990–1991 годов. При этом до революции в Эфиопии существовала строго разграниченная стратификация общества.

В отличие от некристаллизованной стратификации в новых африканских государствах новообразованные государства Латинской Америки с самого начала отличались резким контрастом между богатым классом землевладельцев и бедными крестьянами, рабами и рабочими. Классовое неравенство в Испании Фердинанда и Изабеллы напоминало ситуацию в остальной Европе, однако последствия заморских завоеваний, особенно приток золота, заметно усугубили это неравенство. В Латинской Америке завоевание создало пропасть между хозяевами и рабами или крепостными, размеры которой превышали соответствующие различия в Европе. Разумеется, после этого произошло множество изменений, но огромный разрыв между богатыми и бедными сохраняется. Даже официальная статистика, которая в конечном счете занижает реальные показатели из-за уклонения от уплаты налогов, свидетельствует о том, что разрыв между самыми богатыми 10 % и самыми бедными 30 % в Бразилии является одним из самых значительных в мире. Аналогичная ситуация наблюдается и в испаноязычных республиках, хотя там статистические данные нередко бывают еще менее надежными.

Возможно, наиболее значительным изменением XX века стал рост числа представителей среднего класса. Но вопреки ожиданиям, основанным на опыте Западной Европы и Северной Америки, этот рост не способствовал политической стабильности. Напротив, именно паразитическая ориентация среднего класса привела к гипертрофии занятости в непродуктивной бюрократии. В этом отношении средний класс напоминает восточноевропейскую интеллигенцию, которая также уклонялась от торговли и промышленности. Указанные сферы производства в Латинской Америке были преимущественно развиты недавними иммигрантами и их потомками, некоторые из них теперь вступили в ряды высшего класса. В отличие от Соединенных Штатов, где иммигранты зачастую занимали самые низкооплачиваемые и малоквалифицированные должности, в Латинской Америке (включая иммигрантов из Португалии и Югославии, которые не особенно отличаются предпринимательским духом) они обычно сразу же входили в низшие слои делового класса. И все же представители старых аристократических родов, хотя и несколько разбавленные новой кровью, в целом сохранили свое богатство и большую часть своей власти. Исключение составила Мексика, где в результате революции, примерно между 1911–1927 гг., старые роды были в значительной мере вытеснены новыми представителями политических и бюрократических капиталистов. Везде новые богачи переняли презрение асьендеро к рабочим, пренебрегая их интересами и ощущая свою классовую исключительность. В результате политическая жизнь пронизана классовой борьбой, в отличие от Африки, где этнические связи в большей степени определяют политическую расстановку сил.

В докоммунистической Восточной Европе этническая и классовая принадлежность оказывали влияние на политику, однако их значимость варьировалась в зависимости от конкретной ситуации. Наиболее заметные различия в богатстве и социальной сегрегации были менее всего выражены в Болгарии и Югославии, особенно в Сербии, в которых отсутствовали как сложившаяся аристократия, так и традиционный средний класс. На протяжении многих столетий, во времена османского правления, сербы и болгары оставались в основном крестьянами, а их единственными лидерами были священники, поскольку дворянство было уничтожено в ходе завоевания. Османский правящий класс, не будучи полностью турецким с этнической точки зрения, представлял собой группу, в которой основным барьером выступала религия. Он состоял из солдат, чиновников и их окружения, а также людей, которых можно было считать захватчиками земли, а не подлинными землевладельцами. Эти категории в значительной степени пересекались. Мусульманские ремесленники и торговцы встречались ред-

ко, большинство из них были армянами, греками или евреями, тогда как крупные торговцы в основном происходили из греческой общины. В период расцвета Османской империи вся земля находилась в собственности султана, который наделял ее в виде временных даров своим *сипахам* в обмен на военную службу. Эти правители не являлись дворянами в европейском понимании, поскольку у них не было устоявшихся прав на землю и статус, и они могли быть лишены всего этого по произволу султана или паши. По мере ослабления центрального контроля в начале XVIII века они начали рассматривать свои феодальные владения как наследственную собственность, что привело к резкому увеличению поборов с крестьян. Тем не менее, эти земли не превратились в крупные единицы производства, оставаясь территориями, с которых землевладельцы собирали доход, полученный крестьянами собственными методами в основном в натуральной форме. Поэтому изгнание османского землевладельческого класса не привело к значительным изменениям в производственных процессах.

Сербы и болгары стали формироваться как крестьянские нации во второй половине XIX века. В этом контексте барьеры между классами напоминали структуру новых африканских государств больше, чем европейских стран. В отличие от Польши, политический класс и интеллигенция этих обществ имели крестьянские корни. По мере укрепления новых элит классовые различия усиливались, но даже в Югославии между двумя мировыми войнами они оставались менее выраженными, чем на севере Европы. Многие политики поддерживали дружеские отношения с крестьянами, и, учитывая небольшое количество евреев (в отличие от Польши, Венгрии и Румынии, где они доминировали в торговле), у балканских крестьян было больше возможностей подняться по социальной лестнице посредством торговли.

Венгерская аристократия в XX веке выделялась среди европейских аристократий своим чувством гордости, исключительности и власти. Однако Венгрию нельзя считать новым государством, поскольку, несмотря на то что в первой половине XIX века она управлялась централизованно из Вены немецкоязычными бюрократами, она оставалась наследственным королевством под контролем Габсбургов. Среди новых государств Польша обладала наиболее древним и престижным дворянством, которое доминировало в королевстве до его разделов, способствуя утрате королевской власти и упадку купеческого класса. В независимой Польше межвоенного периода аристократия не управляла страной, но имела большой престиж и богатство, а также косвенное влияние. За семь лет демократии в парламенте были представлены люди из разных социальных классов, включая премьер-министра Витоса, который происходил из крестьянского сословия. Ставший диктатором Пилсудский был по происхождению мелким помещиком, но его главные помощники, правившие после его смерти, не были аристократами, хотя среди них не было и бывших рабочих. Почти все они были выходцами из класса, известного как интеллигенция.

Значение слова «интеллигенция», которое часто пишется по-английски как «*intelligentsia*», обычно неправильно понимается на Западе, где его нередко отождествляют с терминами «интеллектуалы» или «литературные и художественные круги», а иногда даже с понятием «идеологи». В Восточной Европе это слово обозначало большой класс, находившийся ниже помещиков и выше рабочих и крестьян. В состав его членов входили люди, обладающие следующими характеристиками: (1) они занимались нефизическим трудом, при исключении торговли; (2) имели дипломы об образовании; (3) обладали хорошими манерами и лишь поверхностным пониманием того, что считалось «культурой». В отличие от среднего класса Западной Европы, среди интеллигенции не встречалось бизнесменов. Торговая деятельность, ростовщичество и обмен почти полностью находились в руках евреев, которые не считались частью польской, румынской, венгерской или русской наций. За пределами Балкан большинство представителей этого класса происходили от обедневших дворян, но даже те,

у кого не было такого происхождения, быстро перенимали манеры и отношение знати, в особенности презрение к ручному труду и к любой коммерческой или промышленной деятельности.

У румын не было сплоченного дворянства с традицией независимости, как у поляков или венгров, но они не являлись и крестьянской нацией, как болгары или сербы. Последние находились под османским правлением, тогда как Валахия и Молдавия, из объединения которых в 1859 году возникла Румыния, представляли собой вассальные княжества со значительной автономией. Князья этих земель обладали деспотической властью над своими подданными, сопоставимой с властью султана. Таким образом, дворяне не имели защищенных прав и статуса. В итоге султаны стали отказываться от местных династий, назначая князей (часто извне) на ограниченные сроки, подлежащие замене по их усмотрению. В период с 1716 по 1821 годы все князья были греками. Их пребывание на посту зависело от того, сколько денег они могли собрать для султана и в качестве подарков сановникам в Стамбуле. В результате бесцеремонная эксплуатация стала нормой на всех уровнях социальной иерархии. Это наследие оказало значительное влияние на социальные отношения в независимом королевстве, и, вероятно, нигде в Европе простые люди не подвергались столь жестокому обращению.

Диктатуры

Все конституции латиноамериканских государств были разработаны по образцу Конституции Соединенных Штатов и на протяжении долгого времени оставались в значительной степени декоративными; в некоторых случаях это сохраняется и по сей день. Исключением является Чили, где, вскоре после обретения независимости, начало функционировать довольно упорядоченное, хотя и строго олигархическое, парламентское правительство. Испано-американские республики возникли до появления железных дорог и телеграфа, что создавало трудности с поддержанием порядка на обширных и малонаселенных территориях, особенно когда преданность короне, укорененная в традициях и поддерживаемая церковью, перестала исполнять свою роль. В результате «правительство» зачастую сводилось к личному господству лидеров самой сильной группы гаучо. Потребовались десятилетия (в отдельных случаях, как в Венесуэле, почти столетие), чтобы наладить регулярный механизм управления. Современные средства транспорта и связи предотвратили подобную анархию в африканских государствах, хотя некоторые из них по-прежнему сталкиваются с внутренними конфликтами. Наиболее близкое (но все же отдаленное) соответствие условиям ранней Латинской Америки можно было наблюдать в начале XIX века в той части Османской империи, которая переживала процесс становления в качестве Сербии.

Когда британские и французские колонии в Африке обрели независимость, им были даны конституции, разработанные по образцу, инициированному в основном Лондоном и Парижем. Однако этот процесс привел к появлению авторитарных режимов, где осуществлялся принцип «один человек, один голос, один раз». В большинстве случаев правительства стали авторитарными, сочетая элементы личной диктатуры и однопартийной системы. Это частично объясняется тем, что, до получения независимости, сообщества находились под контролем колониальных чиновников, что не позволило ни политикам, ни простым гражданам усвоить принципы парламентской демократии. Однако важнейшими факторами, препятствовавшими успешному внедрению демократии, стали растущая нищета населения и этническая разнородность. Каждого из этих факторов было достаточно, чтобы помешать успешному внедрению демократии. Правительство, основанное на свободных и честных выборах со всеобщим избирательным правом, требует умеренности и терпимости. Широкое распростране-

ние нищеты делает такие качества крайне редкими. Даже при отсутствии массового голода радикальная бедность часто становится причиной краха демократических институтов, как это произошло в Центральной и Восточной Европе в 1930-х годах. Отчаявшиеся люди легко поддаются соблазну насилия, подстрекаемые демагогами. В условиях глубокой нищеты, царящей в различных регионах Африки, ситуация усугубляется: голодные молодые люди, не имеющие перспектив работы, могут присоединиться к любой вооруженной группе, готовой предложить им средства для борьбы за все более дефицитные товары. В таких обстоятельствах власть может исходить лишь из дула пистолета.

Когда этническая неоднородность достигает определенного уровня, она может существенно подорвать основы демократии, поскольку политическая арена формируется в соответствии с этническими разделами. В условиях, когда партийная лояльность определяется этнической принадлежностью, голосование теряет свою значимость: более крупные этнические группы всегда доминируют. Отсутствие «плавающих» избирателей, способных изменить свои предпочтения, делает программы и манифесты партий в значительной степени бесполезными. Даже такие когда-то монолитные структуры, как коммунистические партии СССР и Югославии, сталкиваются с внутренними расколами, обусловленными этническими факторами. Этнические разделения в африканских государствах препятствуют формированию наций, и, хотя такие разделения зачастую многочисленны, они, как правило, не приводят к резким конфликтам, за исключением случаев, когда они совпадают с религиозными барьерами между мусульманами и христианами, как это наблюдается, например, в Судане или Чаде.

Учитывая этническую неоднородность и отсутствие чувства национальной солидарности, можно выделить два основных метода сохранения целостности территории, унаследованной от колониальных правителей. Первый метод заключается в применении грубой силы со стороны доминирующей группы или сторонников диктатора, о чем свидетельствует правление Иди Амина в Уганде. Второй, более изощренный метод, предполагает создание политической партии, в рамках которой привилегии распределяются этнически справедливо. Это способствует формированию кросс-этнической элиты, которая заинтересована в защите целостности государства, от которой зависят их благосостояние и влияние. Такой подход оказывается более эффективным, когда в стране присутствует множество мелких этнических групп, а не два-три четко разграниченных блока. Примеры успешных правителей, использующих такой метод, включают Уфуэ-Буаньи в Кот-д'Ивуаре и Даниэля Мои в Кении. Похоже, что в Зимбабве Роберт Мугабе также склоняется к подобной политике. Такая стратегия создает классовые интересы, которые пересекают этнические разделения. Однако неограниченная избирательная конкуренция в конечном итоге может подорвать этот тип межэтнического союза, который основывается на общих привилегиях.

Новые государства Европы, возникшие до Первой мировой войны, начинали свою историю как монархии. Сербия находилась под властью местной династии Обреновичей, тогда как Румыния, Болгария и Греция получили свои династии из Германии. Во всех этих странах короли обладали значительными полномочиями, однако им приходилось делить их с представительными органами, основанными на ограниченном избирательном праве. Образованные на руинах Первой мировой войны государства возникли как демократии, одновременно старые монархии начали эволюционировать в сторону демократизации за счет расширения избирательного права. Таким образом, примерно к 1920 году все восточноевропейские государства были более или менее демократичными. Но в 1938 году положение кардинально изменилось: за исключением Чехословакии все они стали диктатурами. В Румынии, Болгарии и Югославии короли взяли на себя диктаторские полномочия, хотя фактически только в Румынии Кароль II управлял страной лично. Возникает вопрос: можно ли обнаружить общие

сходные факторы, способствовавшие падению демократии в Восточной Европе и в Африке? Расщепляющие тенденции демократии среди многоэтничного населения, которые стали решающим фактором в африканском контексте, имели важное значение лишь в Югославии. У короля Александра были основания полагать, что конкуренция между этническими партиями может разорвать его королевство на части.

В государствах Восточной Европы наблюдалось явное этническое доминирование одной нации, что снижало риск распада государств на фоне выборов по этническому признаку. Однако наличие значительных меньшинств, представленных собственными партиями, усложняло функционирование парламентской системы, поскольку ни одна из партий ведущей нации не могла набрать абсолютное большинство. Этнические конфликты, особенно антисемитизм, подрывали дух терпимости и компромисса, необходимый для стабильного демократического процесса. В то же время последствия бедности, особенно обнищание, имели глубокое влияние на общественные настроения. Хотя нищета в Восточной Европе не достигала уровней, наблюдаемых в большей части Африки сегодня, она была достаточно серьезной, чтобы вызывать недовольство и серьезные общественные противоречия. Подобно современным африканским странам (хотя в меньшей степени), долгосрочным фактором обнищания выступал более быстрый рост населения по сравнению с экономическим благосостоянием, тогда как краткосрочными катализаторами стали войны и мировой экономический кризис 1930-х годов. Важно отметить, что классовая борьба в Восточной Европе была значительно более интенсивной, чем в Африке, за исключением таких стран, как Занзибар, Эфиопия и Либерия, и именно она играла ключевую роль в возникновении диктаторских режимов. В этом контексте Восточная Европа более похожа на Латинскую Америку, чем на Африку.

Для европейских диктатур характерна меньшая степень клептократии по сравнению с африканскими и латиноамериканскими, поскольку правители и элиты находились под сильным влиянием националистических настроений. Это связано еще с одним фактором, который четко отличает европейские государства от африканских и латиноамериканских: милитаризмом, который полностью отсутствовал в последних. В Латинской Америке часто упоминают милитаризм, подразумевая под ним правление военных – явление, которое можно называть «милитократией», чтобы отличить его от европейского понимания милитаризма. В европейском контексте милитаризм подразумевает политику подготовки всего общества к войне, включая пропаганду воинских добродетелей и воинственных настроений, а также возвышение профессии военного. При этом не предполагалось, что военные должны править; напротив, акцент делался на служении. В преддверии Первой мировой войны в Европе существовал значительный милитаризм, однако военные диктатуры не были широко распространены. Однако в Восточной Европе между двумя мировыми войнами многие считали, что политическая нестабильность, сопровождавшая парламентское правление, несовместима с военной силой, требующей единства. Например, такая идея лежала в основе действий Юзефа Пилсудского, который стал диктатором Польши в 1926 году (см. Главу 9).

Теперь возникла возможность рассмотреть четыре более ранних государства, в которых диктатуры были менее непосредственно связаны с милитаризмом. Несмотря на процветание яростного национализма в Венгрии диктатура Миклоша Хорти возникла на фоне гражданской войны против коммунистов, которые захватили власть в результате восстаний, последовавших за падением империи Габсбургов в 1918 году. Режим Хорти, аналогичный режиму Франко в Испании (в отличие от фашистских режимов), был реакционным: он стремился восстановить утраченное богатство, статус и политическое влияние аристократии, разрушенные коммунистами. Хотя ранее венгерское дворянство и поддерживало симбиотические отношения с евреями, правительство Хорти проявляло явный антисемитизм, учитывая значительную роль евреев в коммунистической революции. Наиболее заметными фигурами

этого процесса были лидер партии Бела Кун и начальник его полиции Самуэли. Тем не менее, пока у него была власть, Хорти противостоял требованиям Гитлера выдать евреев.

В 1938 году, когда король Румынии Кароль II сосредоточил в своих руках диктаторские полномочия, это стало концом длительного упадка парламентского правления. Будучи наследственным монархом с обширными конституционными правами, он смог воспользоваться нестабильностью политической системы, возникшей на фоне коррупции, партийной вражды и недолговечных коалиций. Введенное в 1917 году всеобщее избирательное право, несмотря на его декларативность, не смогло обеспечить честность выборов, которые нередко искажались с помощью запугивания и мошенничества. Экономические проблемы способствовали укреплению популярности Железной гвардии – фашистской группировки, отличавшейся жестокостью и клерикальными наклонностями. Кароль II позволял полиции игнорировать ее нападения на либеральных политиков, но вскоре, когда страх достиг своего предела, он обратил силовиков против Железной гвардии, становясь фактическим правителем. Но после падения Франции его влияние ослабло и король отрекся от престола в 1940 году. Новый режим был сформирован под руководством генерала Антонеску и лидеров Железной гвардии, которые вскоре развязали массовые репрессии. Столкнувшись с неконтролируемостью Железной гвардии, Гитлер после недолгого периода попустительства разрешил Антонеску завершить расправу с ее лидерами. В отличие от венгерских фашистов, быстро потерявших влияние, Железной гвардии так и не удалось восстановить свою власть.

Болгария оказалась наиболее подверженной насилию из всех стран Восточной Европы между мировыми войнами. Подобно другим балканским государствам здесь сохранялось османское наследие, проявлявшееся в игнорировании ограничений на использование власти и нежелании идти на компромиссы. После изгнания турок болгарское общество оставалось преимущественно крестьянским, однако вокруг двора короля, «импортированного» из Германии, сформировался новый класс бюрократов и офицеров. Подобно постколониальной Африке, стремительный экономический рост некоторых представителей вызывал зависть и аппетит у многих других. В отличие от венгерской знати, болгарская элита не выработала четких правил политического взаимодействия, что способствовало обострению ненависти. В результате жестокая борьба между богатыми и бедными сопровождалась интенсивными внутренними конфликтами внутри политического класса.

Вступление Болгарии в войну на стороне Германии встретило значительное сопротивление среди населения, которое традиционно поддерживало дружеские отношения с Россией, освободившей Болгарию от османского владычества. Это усиливало недовольство, вызванное страданиями от войны, и в конечном итоге привело к мятежам и крушению фронта – первому среди Центральных держав. После масштабных беспорядков были проведены выборы, на которых победило Крестьянское движение, возглавляемое Александром Стамболийским, ставшим премьер-министром. Он инициировал перераспределение крупных поместий и принял ряд реформ, направленных на поддержку бедных и профсоюзов. На ключевые посты в правительстве были назначены многие представители крестьянства, что лишь усилило напряжение среди привилегированных классов. В 1923 году произошел переворот, в результате которого Стамболийский был жестоко убит, а Крестьянское движение, как и последующее коммунистическое восстание, было подавлено с большой жестокостью. Тем не менее, устойчивая диктатура не была установлена: власть разделилась между бюрократами, генералами и мафиозной организацией, известной как македонские террористы, члены которой находились внутри армии. В конечном итоге генералы решили атаковать террористов и в 1933 году установили типичную военную диктатуру. Однако это правление продлилось недолго, так как король сумел переиграть генералов и установил абсолютную монархию, которая продлилась до поражения Болгарии во Второй мировой войне.

Хотя захват власти Пилсудским частично можно объяснить стремлением обеспечить безопасность страны, установление диктатуры генерала Метаксаса в Греции, чья независимость имела долгую историю и не сталкивалась с непосредственной угрозой, было обусловлено внутренними конфликтами. В дополнение к общеизвестной борьбе между богатыми и бедными, политический класс Греции находился в состоянии глубокого раскола, вызванного ожесточенной борьбой между роялистами и республиканцами, возглавляемыми Венизелосом. Последние смогли создать республиканское правительство в 1916 году при поддержке союзников, которые изгнали прогерманского короля. Монархия в стране была окончательно отменена в 1923 году.

Греция в начале XX века переживала тяжелые испытания, и последствия ее участия в Первой мировой войне только усугубили финансовые и социальные трудности страны. Неудачное завершение войны с Турцией привело к изгнанию трех миллионов греков, что увеличило уже существующие проблемы. В 1935 году, на фоне политических конфликтов и беспорядков, был приглашен на престол свергнутый король Георг II. Однако восстановление монархии не разрешило кризис, так как старые противоречия усугубились Великой депрессией. Бедные слои населения испытывали серьезные социальные волнения, в то время как парламентские выборы зашли в тупик между ведущими партиями, что сделало Коммунистическую партию де-факто арбитром политической ситуации. Этот раскол среди более богатых классов вызвал тревогу, и в результате генерал Метаксас, получив одобрение короля, установил диктатуру. Он управлял страной до начала итальянского вторжения в 1940 году. Эта диктатура может рассматриваться как следствие классового конфликта, в то время как приход к власти полковника Пападопулоса в 1967 году был больше связан с узкокорыстным стремлением небольшой группы к власти, нежели с глубокими социальными противоречиями.

Интересное взаимодействие между национализмом и диктатурой наблюдается в прибалтийских республиках. В 1918 году, вместе с другими западными регионами царской империи, они оказались под немецкой оккупацией. После капитуляции Германии на Западе, большевики попытались установить контроль, однако их силы были еще недостаточно крепки, чтобы справиться с национальными ополчениями. В отличие от литовцев, латыши и эстонцы не могли оперировать богатой историей для укрепления своих национальных чувств; их новые государства были столь же молодыми, как и новообразованные государства в Тропической Африке. Тем не менее, важно отметить, что в этих регионах границы, как правило, соответствовали этническим и языковым принадлежностям, а сепаратистские настроения предшествовали провозглашению независимости.

В XII веке языческие племена, обитавшие к северу от Литвы, были покорены немецким орденом монахов-воинов, напоминающим тевтонских рыцарей, которые ранее завоевали племена на западной стороне Литвы. В период Реформации монахи приняли лютеранство и стали помещиками. В ходе борьбы за эту территорию между Польшей, Швецией и Россией, а также в результате двух столетий шведского правления и завоевания Петром Великим, немецкое дворянство сохранило свою власть над неграмотными латышскими и эстонскими крепостными до отмены крепостного права в России в 1861 году. Одним из ключевых этнических изменений в этот период стал приток евреев. Балтийские бароны сыграли значительную роль в Российской империи, начиная с момента, когда Петр Великий выбрал их в качестве инструмента модернизации. Они представляли собой значительное количество кадров на вершине государственной службы и в офицерском корпусе, иногда составляя большинство. Кроме того, среди богатых купцов балтийских городов, имеющих ганзейское происхождение, также преобладали немцы, в то время как в более мелком бизнесе активно работали евреи.

Рига в качестве ключевого порта Российской империи, сформировала значительный рабочий класс, который, наряду с нерелигиозными евреями, оказал значительную поддержку большевикам. Это влияние было особенно заметно среди комиссаров ЧК, предшественника КГБ, что усилило ощущение опасности среди латышских националистов. В отличие от Риги, в Эстонии города были менее развиты, а число промышленных рабочих оставляло желать лучшего. Литва же была еще более аграрной. Ранняя аграрная реформа, завершившаяся с уничтожением польско-литовского дворянства, которое уже значительно сократилось в результате экспроприаций, осуществляемых царями после польских восстаний, привела к тому, что элита стала в основном бюрократической. Ведущие позиции в торговле занимали представители еврейской общины.

Конституции, принятые при образовании трех республик, были созданы по образцу французской, которую тогда считали образцом демократии. Первоначально национализм способствовал укреплению демократических институтов, поскольку значительное большинство населения объединялось для перераспределения имущества этнических иностранцев. Однако после достижения этой цели объединяющий эффект национализма стал угасать. Несмотря на то что Латвия была наиболее развита с экономической точки зрения, именно она больше всего пострадала от ухудшения торговых отношений с Россией. В итоге, демократические режимы были свергнуты: в Литве – в 1926 году, а в Латвии и Эстонии – в 1932 году.

Установление диктатуры в Литве можно сопоставить с аналогичными процессами в постколониальной Африке. В условиях простой экономики, в которой торговля сосредоточена в руках этнических иностранцев, зачастую действующих вне закона, занятость в бюрократии и политике становятся единственным путем к высокому статусу и богатству. Внезапный успех некоторых акторов ускорил стремление многих других к власти и влиянию, что, в свою очередь, усугубило политические конфликты при отсутствии укоренившихся традиций, способных сдержать или направить эти противоречия. В качестве католиков литовцы, возможно, были более склонны к авторитарным режимам, чем латыши и эстонцы, чьи лютеранские общины придерживались более демократических принципов. Кроме того, на литовское общество значительное влияние оказал переворот Пилсудского в Польше в том же году. Их стремление к насильственному строительству нации оказалось несовместимым с гражданскими свободами. Диктатура Антанаса Сметоны отличалась значительно более жесткими мерами по сравнению с режимом Пилсудского: оппозиция была полностью подавлена, однако при этом существовала бюрократически организованная псевдомассовая партия, поддерживающая правительство – Союз литовских националистов.

В Латвии падению демократии предшествовало обострение конфликтов, вызванных Великой депрессией. Аграрии, представленные партией крестьян, имели большинство в парламенте и находились у власти, когда их лидер Карлис Ульманис приостановил действие конституции и начал править посредством указов, утверждая, что общественный порядок находится под угрозой социалистической агитации. Он проводил политику этнического национализма, аналогичную той, что пропагандировала Национальная партия в Польше, но не смогла реализовать ее, находясь в оппозиции. Ульманис использовал авторитарные методы для поддержки доминирующей нации, ущемляя права меньшинств как в сфере государственной занятости, так и в частном бизнесе через дискриминационные налоговые оценки, ограничение доступа к кредитам и принудительные закупки, вплоть до экспроприации.

В том же году в Эстонии лидер правящей крестьянской партии Константин Паэтс стал авторитарным президентом. Этот случай заслуживает особого внимания, поскольку Паэтс предпринял шаги, которые могли бы быть реализованы фон Гинденбургом в Германии: он принял ограниченные диктаторские полномочия, сохранив при этом некоторые гражданские

свободы, с целью предотвратить приход к власти фашистской партии. Эта партия возникла в результате преобразования прежде безобидного объединения бывших комбатантов и была более радикальной, чем преобразование Национальной демократической партии в полуфашистскую Национальную партию в Польше, что также было вызвано экономическими трудностями. Эстонская фашистская организация более точно подражала методам нацистов, используя насилие, запугивание и демагогию. Казалось, что она имела все шансы на победу на выборах, когда Паэтс приостановил действие конституции. Его диктатура оказалась значительно мягче, чем в Латвии или Литве, где режимы были более жестокими. По своему ограниченному и сравнительно терпимому характеру эстонская диктатура напоминала польскую.

Диктаторы в странах Балтии восхищались Муссолини и активно заимствовали элементы символики его режима. Хотя они также испытывали влияние Гитлера, их отношение к нему было в основном определено страхом, особенно в случае Антанаса Сметоны, чья страна граничила с Германией. Эти правительства, возможно, отражая менталитет крестьян, добились значительных экономических успехов: с 1933 по 1939 год уровень благосостояния в регионе рос быстрее, чем в любой другой части Европы. Ярким примером этой тенденции является Латвия, где, по имеющимся данным, в период с 1934 по 1939 годы промышленное производство практически удвоилось, производительность сельского хозяйства увеличилась на две трети, а чистая прибыль средней крестьянской фермы более чем утроилась. Вероятно, этот рост остается мировым рекордом. На этом фоне контраст с ситуацией в Африке просто поразителен.

Глава 16. Значение империализма и некоторые связанные с ним концепции

Исследования мира, не связанные с общей социологией и политологией, представляются абсурдными, поскольку мир определяется отсутствием войны, а война, в свою очередь, является его антиподом. Поэтому невозможно сделать полезные выводы о мире, не рассматривая детали конфликта, ведь сотрудничество и конфликт представляют собой два полюса, между которыми колеблются все человеческие действия. В процессе изучения таких тем часто возникает путаница из-за нечетких и противоречивых концепций. В связи с этим будет уместно прояснить некоторые часто употребляемые термины.

Например, слово «империализм» в самом широком смысле обозначает стремление социальной единицы, которая не обязательно является государством, к расширению своего жизненного пространства. Поэтому можно говорить о «ведомственном империализме», подразумевая стремление департамента увеличить свою сферу деятельности и численность персонала. Обычно, когда речь идет об империализме, надо иметь в виду еще одно уточнение: расширение связано с изъятием ресурсов у других групп. В случае «ведомственного империализма» это может проявляться в спорах и интригах за доступ к общим фондам. В более строгом политическом контексте империализм часто приводит к войне и подчинению, поскольку государства редко уступают территорию, если их к этому не принуждают. На самом деле, можно определить империализм еще проще как склонность к завоеванию, при этом важно понимать, что склонность не равнозначна реализации. До недавнего времени, когда массовый пацифизм, во многом вдохновленный страхом атомной катастрофы, начал набирать популярность, все государства мира проявляли империалистические тенденции, включая и тех, кто стал его жертвой.

Обычно термин «империализм» используется в более узком смысле по сравнению с тем, который указан ранее. Например, покорение частей Африки британцами и французами повсеместно называется «империализмом», в то время как территориальная экспансия Соединенных Штатов (или даже российское завоевание Северной Азии) не получает такого наименования. Возможно, это связано с умением лучше вести пропаганду; однако, если мы по-

пытаемся найти оправдание этой разнице в терминологии, то сможем обнаружить ее не в сущности процесса – который во всех случаях был войной и завоеванием – а в характере конечного результата. Таким образом, можно утверждать, что французские и британские вторжения в Африку действительно создали империи, в то время как американские завоевания на континенте этого не сделали, так как они привели к истреблению или перемещению побежденного населения, а не к его порабощению.

В прошлом термин «империя» использовался для обозначения государства, которое стремится обрести больший авторитет по сравнению с обычным королевством, хотя в настоящее время такой смысл зачастую имеет негативную коннотацию. Если мы хотим использовать этот термин в серьезном анализе, необходимо определить его смысл на основе ключевых характеристик политической системы, а не ограничиться ее названием. Можно считать «империю» таким государством, территория которого удерживается посредством принуждения, при котором население больших регионов не ощущает единства. Напротив, национальное государство характеризуется тем, что подавляющее большинство его граждан желает оставаться в едином государстве, даже если оно не одобряет своих правителей или систему правления. По этому критерию империя кайзера Вильгельма была национальным государством, а не империей, в то время как образование, определенное Варшавским договором, фактически представляло собой империю. Это относится и к самому СССР, учитывая наличие многочисленных скрыто диссидентских меньшинств. По этому критерию практически все государства в Африке можно рассматривать как империи, а не нации, даже если они небольшие и называют себя федерациями или республиками. Если сравнить гитлеровскую Германию до марта 1939 года, которая по критерию сплоченности была почти идеальным национальным государством, с Британской империей того же времени, станет ясно, что империей можно управлять более либерально и благожелательно, чем национальным государством.

Не всякая империя обязательно должна быть колониальной; она может принимать унитарную форму типа царской России. В качестве отличительных характеристик можно выделить единообразие законов и конституционное равенство между регионами и этническими группами. Римская империя перестала быть колониальной и стала унитарной после указа Каракаллы, который наделил всех жителей статусом граждан. К тому времени их конституционное положение было уравнено в результате прогресса деспотизма, который сделал всех одинаково бесправными в отличие от периода Республики, когда римские граждане коллективно управляли и эксплуатировали завоеванные провинции. Тогда как Габсбургская монархия колебалась между колониальными и унифицированными формами управления.

Колониализм можно определить как метод управления империей, который основывается на строгом и глубоком различии между правящей нацией и подчиненным (колониальным) населением. Это различие проявляется как в юридическом, так и в практическом аспектах. Наиболее ярко такая ситуация возникает в результате завоевания отдаленного региона (возможно, разделенного горами или морями), где местное население отличается как физическими характеристиками, так и культурой. Тем не менее, эти условия не являются обязательными. Ярким примером служит нацистский колониализм в Восточной Европе, который опирался на псевдорасистские идеи, основанные на вымышленных расовых различиях.

Поскольку деспотизм унижает всех до бесправия, в конечном счете он несовместим с колониализмом, который влечет за собой неравные права. Британская и Голландская империи служат яркими примерами этого принципа: в метрополии наблюдался либерализм, демократия и стирание классовых барьеров, в то время как в колониях царил бюрократический авторитаризм и расовая сегрегация. Однако это не означает, что колониализм обязательно приводит к большему угнетению или эксплуатации, чем унитарный режим. После отмены рабства ни с одним подданным Британской империи не обращались столь беспощадно, как

с русскими при Сталине, хотя СССР не был колониальной империей в вышеупомянутом смысле. Однако можно утверждать, что в целом советский блок представлял собой пример колониализма, поскольку состоял из четко разграниченных гегемонистских единиц и подчиненных стран. С другой стороны, советская система не соответствовала другому критерию неравенства: в отличие от британцев и французов в имперскую эпоху простые россияне не только не имели привилегий по сравнению с венграми или поляками, но и были намного беднее последних с точки зрения материального благополучия, свободы и личной безопасности. Более того, экономическая эксплуатация сателлитов (в форме обязательных поставок по ценам значительно ниже мировых) быстро прекратилась после смерти Сталина и полностью исчезла в 1980-е годы. Не менее рационально рассматривать политику увековечения экономической специализации между колониями и метрополией как одну из основных черт колониализма, при которой колонии поставляли сырье, а метрополия оставалась главным источником производства. В эпоху меркантилизма и в Испанской империи эта дифференциация поддерживалась явными законами и правилами, но даже в период свободной торговли все государственные инвестиции, расходы и образовательная политика основывались на этом принципе и способствовали его сохранению. В этом контексте Советская империя также отличалась: одной из ее главных черт было принуждение вассальных государств следовать ее примеру, что способствовало быстрой индустриализации.

Концепция деколонизации образует процесс отказа от власти над колониями и предоставления им статуса суверенных государств, что само по себе законно и не вызывает особых споров. Но остается дискуссионным вопрос: привел ли этот процесс к независимости *де факто* или ограничился лишь юридическим оформлением, которое сопровождается фактическим господством иностранцев? Это сочетание часто рассматривается как суть неоколониализма и неоимпериализма. Указанные два понятия можно различить следующим образом: неоимпериализм подразумевает контроль, тогда как неоколониализм включает в себя использование этого контроля для увековечения основных черт традиционной колониальной ситуации, таких как экономическая взаимозависимость и культурное подчинение. В соответствии с этим определением неоколониализм влечет за собой неоимпериализм, но не наоборот, поскольку последнее является более широкой концепцией. Советское господство в Восточной Европе полностью вписывается в рамки неоимпериализма, но лишь частично соответствует неоколониализму, поскольку русские стремились сделать своих сателлитов похожими на СССР, а не создавать систему экономической специализации в традиционном колониальном ключе. Более того, несмотря на способность русских навязывать внешнее соответствие своим принципам, в советском блоке отсутствует аналог колониального неравенства статуса в личных отношениях между членами доминирующей и угнетенной наций. На самом деле, последние нередко смотрят на русских скорее снисходительно, чем с восхищением, и считают их менее цивилизованными (во многом безосновательно).

Советский неоимпериализм представляет собой наиболее очевидный и, в некотором смысле, устаревший подход, поскольку, как и колониальные империи прошлого, он в основном полагается на силу оружия. Основное отличие заключается в юридической фикции суверенитета сателлитов. Менее очевидной является форма неоимпериализма, которая не прибегает к вооруженным силам, достигая и поддерживая контроль в значительной степени через культурное влияние, но в первую очередь через манипуляции с богатством, что и обуславливает название «экономический империализм».

Важно проявлять осторожность в интерпретации смыслов, поскольку указанные понятия постоянно искажаются в политических дискуссиях, подобно множеству других терминов. То, что для одного человека является «экономическим империализмом», для другого может казаться «помощью». Более того, существуют региональные различия в их использо-

вании: в контексте Африки часто говорят о «неоколониализме», тогда как в Латинской Америке – об «экономическом империализме», хотя в обоих случаях описываемые явления имеют схожие свойства.

Во многих публикациях и дебатах обычные списки иностранных инвестиций рассматриваются как доказательства неоколониализма или экономического империализма, будто бы вложение капитала в страну само по себе является формой эксплуатации, которая (если это слово вообще имеет смысл) подразумевает изъятие богатства. Не существует никаких *априорных* причин, по которым инвестирование за границей должно быть более зловещим, чем вложение денег в бизнес в собственной стране. Чтобы сделать этот термин приемлемым для политологического анализа, а не просто использовать его как пропагандистское ругательство, я предлагаю применять ярлык «экономический империализм» лишь в тех случаях, когда: (1) иностранцы получают влияние на правительство экономическими средствами, особенно если это происходит тайно и незаконно, и (2) эта приобретенная власть используется для манипуляции с целью обеспечения иностранцам прибыли от инвестиций или торговли, превышающей ту, что могла бы быть получена в результате нормальной работы рыночного механизма. Самый простой случай состоит из укоренившейся монополии, полученной путем взяточничества. Тем более что эксплуатацию ограниченных природных ресурсов легче монополизировать, чем само производство. Наиболее яркие примеры экономического империализма можно найти в «банановых республиках» и «нефтяных шейхствах». Условиями функционирования такой системы являются: (1) безответственная власть и коррумпированность правителей; (2) полное отсутствие патриотизма и заботы о благосостоянии граждан с их стороны, что позволяет иностранцам избегать более крупных платежей (которые просочились бы к большинству местных жителей) ценой помещения меньших сумм в карманы политиков; и (3) способность иностранцев предлагать достаточно крупные стимулы, что усиливается за счет масштабов иностранных компаний по отношению к совокупному богатству страны, в которой они функционируют.

Хотя экономический империализм в настоящее время проявляется в смягченной форме, он может осуществляться одной индустриализированной страной по отношению к другой. Многие люди выражают недовольство американским экономическим империализмом в Европе. Случай неоколониализма, при котором манипуляции осуществляются исключительно экономическими методами без участия вооруженных сил, также можно отнести к экономическому империализму. Другими словами, эти два термина следует рассматривать как в значительной степени (хотя и не полностью) пересекающиеся.

Сохранение термина «культурный империализм» возможно обосновать в серьезном дискурсе лишь в том случае, если провести строгую грань между ним и двумя связанными с ним терминами: прозелитизм и ассимиляция. Такое различие возможно при указании: прозелитизм в основном связан с религиозными вопросами, тогда как ассимиляция касается государственного устройства. В свою очередь, культурный империализм охватывает ситуации, которые не приводят к смене религии или национального чувства. Однако этого различия недостаточно, поскольку оно позволяет отнести к культурному империализму все случаи распространения идей и мод из одной страны в другую. Поэтому я предлагаю определить культурный империализм как намеренное использование политической и экономической власти для привития иностранцам ценностей и привычек, распространенных в собственной нации, без намерения сделать их частью этой нации.

Хотя культурный империализм может существовать как самостоятельное явление, он нередко служит средством экономического империализма. Обращение к ценностям и вкусам доминирующей нации способно сделать подражателей более восприимчивыми к манипуляциям со стороны ее представителей. Чувство неполноценности, возникающее из стремления

превзойти иностранцев в языке, манерах или одежде, а также в других аспектах образа жизни, склоняет местных жителей к восприятию похвалы от тех, кем они восхищаются. В то же время сильное желание приобрести товары и услуги, которые доступны только в доминирующей стране (в то время как собственная страна не в состоянии их предоставить), делает аборигенов более уязвимыми для взяточничества.

Не нужно тратить много слов на антиимпериализм и антиколониализм, которые являются подходящими названиями для любого движения, которое стремится изменить ситуацию, описываемую как колониализм или империализм, без искажения их значений. Безусловно, движения за независимость в европейских колониях Африке можно отнести к антиколониализму. Излишне подчеркивать, что оба тер*мина часто искажаются в пропагандистских целях: если бы они использовались с определенной логической последовательностью, сопротивление советскому влиянию в Восточной Европе, китайскому правлению в Тибете или нигерийскому подавлению Биафры можно было бы назвать антиимпериализмом. Тем не менее, в современном контексте этот термин обычно ассоциируется с движениями и группами, враждебными Соединенным Штатам или странам Западной Европы.*

Концепция империализма почти повсеместно воспринимается как система, при которой имперская нация эксплуатирует своих подданных. Однако нет убедительных доказательств того, что рядовые граждане правящей нации получают какую-либо экономическую выгоду от колоний. Например, римляне действительно извлекали выгоду из продовольствия, которое забиралось из провинций, но даже в классическом примере грабежа (типа испанского завоевания Америки) сомнительно, что большинство испанцев выиграли от этого хотя бы в краткосрочной перспективе, не говоря уже о долгосрочных негативных последствиях для их промышленности и сельского хозяйства. Например, большинство французов не получили ничего (или почти ничего) от империи в Африке, хотя некоторые сектора могли получать значительную прибыль, и вполне вероятно, что они проиграли. Не менее ясно, что итальянская империя была затратной и обрела форму механизма, который перераспределял богатство от широкой массы налогоплательщиков к узкому кругу бизнесменов и чиновников, получающих прибыль.

До создания пароходов торговля с колониями была столь незначительной, что она не могла оказать заметного влияния на уровень жизни, за исключением нескольких прибрежных городов, составлявших небольшую часть населения. Даже в последние годы ближняя торговля имела гораздо большее значение: например, в XVII–XVIII веках голландская торговля с Польшей была во много раз больше, чем с Ост-Индией. Британские прибыли от инвестиций и торговли с независимыми государствами на американском континенте значительно превышали доходы, полученные от африканских или азиатских колоний. Хотя такая ситуация могла наблюдаться и в случае с Бельгией и Голландией, единственным примером колониализма является Британия между двумя мировыми войнами, в которой существовали определенные доказательства того, что обладание империей оказало ощутимое положительное влияние на уровень жизни, когда имперские преференции обеспечивали британской промышленности важные защищенные рынки и существенно влияли на условия торговли. Наоборот, нацистская империя в Восточной Европе была спроектирована таким образом, что она принесла бы ощутимые экономические выгоды большинству немцев, если бы просуществовала дольше.

В общем, можно полагать, что низшие классы в Британии и еще больше во Франции скорее не извлекали никакой выгоды от империи, чем наоборот. Хотя некоторые ее отдельные регионы (Кувейт) могли быть очень прибыльными. Важно непредвзятое рассмотрение вопроса о том, кто именно, в каком объеме и каким образом получал выгоду от империи.

Глава 17. Империализм: прошлое и будущее

Широко признано (и не только марксистами), что процветание высокоразвитых промышленных стран, а также бедность так называемого третьего мира являются результатом эксплуатации последних первыми. Тем не менее, несмотря на многочисленные осуждения, до сих пор не представлено убедительных доказательств того, что такая эксплуатация действительно имела место. Это неудивительно, учитывая крайнюю неопределенность самого понятия «эксплуатация»: как можно доказать существование явления, если не ясно, что оно собой представляет? Мы можем определить «эксплуатацию» как изъятие товаров и услуг без предоставления чего-либо взамен и найти множество несомненных тому примеров. Например, римляне явно эксплуатировали египтян, отнимая у них золото и драгоценности и заставляя ежегодно поставлять значительную часть урожая бесплатно. Аналогично, испанцы использовали жестокие методы, чтобы заставить индейцев в Перу добывать для них золото. Однако, едва начинается обмен товарами и услугами, концепция эксплуатации усложняется, поскольку она предполагает: определенный курс обмена является справедливым, тогда как другие считаются эксплуатацией. Это ставит вопрос: как мы определяем справедливость курса обмена?

Например: что имеют в виду, когда говорят: британцы эксплуатировали Индию? Верно, что в ранние дни Ост-Индской компании часто имел место прямой грабеж, хотя он был иногда скрытым и с использованием тонких предлогов. Но как обстояло дело в более поздние времена, когда администрация стала более организованной, а случаи вымогательства и взяточничества стали редкостью, по сравнению с ситуацией в Индии до или после? Никто не может отрицать, что часть доходов от налогообложения шла на оплату труда британских администраторов, включая тех, кто вышел на пенсию в Великобритании, или что проценты выплачивались британским инвесторам, вложившим свои деньги в индийские железные дороги. В то же время многие британские предприниматели получали значительную прибыль от джутовых фабрик или чайных плантаций. Ярлык «эксплуатация» означает, что они не заслуживали этих платежей. Может и так, но почему бы и нет?

Предположим, что британцы не инвестировали бы в Индию: количество железных дорог, фабрик и плантаций было бы значительно меньше. Возможно, это было бы лучше, и жители могли бы быть счастливее. Конечно, в начале колонизации индийцы не стремились к развитию, хотя их современным потомкам сложно представить жизнь без атрибутов промышленной цивилизации. Важно отметить, что принуждение людей к изменению их образа жизни не равно эксплуатации, хотя эти процессы могут пересекаться. Таким образом, для обоснования утверждения о том, что британцы эксплуатировали Индию, необходимо показать, что они извлекали выгоду, превышающую справедливую цену за свои усилия по реорганизации экономики и финансированию новых предприятий. И вновь возникает вопрос: по каким критериям мы определяем справедливость цены?

Концепция эксплуатации более усложняется, если придается ценность функции поддержания мира. С националистической точки зрения любая форма иностранного правления считается плохой, но эта оценка существенно отличается от понимания зла эксплуатации. Не менее верно, что мир может быть менее желателен, если он сопровождается угнетением и нищетой; однако, если режим способен поддерживать мир более эффективно, снижая при этом уровень угнетения и нищеты по сравнению с его предшественниками или преемниками, его следует рассматривать как вполне благоприятный. По всем этим критериям (по крайней мере, после начальных периодов пиратства) британское правление в Индии было значительным улучшением по сравнению с моголами и накладывало гораздо меньшее бремя на простых людей, чем политические, административные и военные структуры независимой Ин-

дии, Пакистана и Бангладеш. В своем труде «*Африканское затруднительное положение*» я продемонстрировал, что аналогичные утверждения можно обоснованно выдвигать и в отношении тропической Африки.

Хотя этого было бы недостаточно для завершения аргумента из-за неизбежных произвольных предположений, можно попытаться оправдать обвинения в империалистической эксплуатации, показав, что из колоний в метрополию ушло больше богатства, чем наоборот. Это нелегко сделать, поскольку пришлось бы учитывать столь сложные аспекты, как стоимость подготовки и обучения персонала метрополии, который провел (и часто закончил) свою жизнь в колониях. Если же мы решили, что общие последствия колониального правления должны рассматриваться с положительной, а не с отрицательной стороны, нам также пришлось бы включить расходы на защиту колоний, которые несут налогоплательщики метрополии.

С другой стороны, даже если бы расчет показал, что колонии получили больше, чем отдали, можно было бы утверждать, что ключевой чертой колониализма была политика поддержания колониальных экономик в отсталом состоянии, рассматриваемых как источники сырья для обрабатывающей метрополии. Нанесенные таким образом колониям потери были колоссальными, хотя они не поддаются точной оценке. Аргументы «за» или «против» этого утверждения требуют анализа контрфактуальных сценариев: что могло бы произойти, если бы определенные события не имели места. Такие сценарии становятся особенно убедительными, когда подчинение иностранной державе сопровождается явным снижением совокупного богатства, как это наблюдалось в Перу после испанского завоевания или в Иране после монгольского нашествия. В контексте европейского колониализма XIX века трудно найти примеры, когда совокупное богатство завоеванных стран не увеличивалось бы существенно. В случаях, когда средний доход не рос, это часто было связано с быстрым увеличением населения. Чтобы возложить ответственность за отсталость колоний на колониализм, необходимо предположить, что они развивались бы быстрее при отсутствии колониального господства. Это предположение становится более обоснованным, если среди стран, находившихся на аналогичной стадии в начале эпохи промышленного колониализма, бывшие колонии были менее развиты во время деколонизации по сравнению с государствами, которые смогли сохранить независимость или потеряли ее лишь на короткое время. Здесь уместно сравнение Эфиопии с Кенией или Либерии с Ганой. Дополнительные данные можно получить, анализируя темпы экономического прогресса в этих регионах до, во время и после колониального периода, что вряд ли подтверждает однозначные утверждения о связях между колониализмом и отсталостью.

Справедливо отметить, что последнее из упомянутых свидетельств не подтверждает мнение о том, что бывшее колониальное население сегодня жило бы лучше, если бы деколонизации не состоялось. Скорее всего колонизаторы спровоцировали демографический взрыв и ушли вовремя, чтобы избежать необходимости усиливать принуждение в попытке удержать в подчинении все большее число все более нищих и недовольных подданных. Более того, существуют примеры (Кот-д'Ивуар), когда прогресс экономики набирал скорость после обретения независимости. Однако такие примеры не доказывают, что колониальное правление сдерживало развитие на протяжении всего своего существования, поскольку невозможно полагать, что подобный рывок последовал бы за его падением в более ранний период, когда было меньше аборигенов, обладающих навыками современного человека. В некоторых случаях (особенно в Бельгийском Конго, ныне известном как Заир) выдвигались убедительные аргументы в пользу того, что деколонизация была бы более выгодна массам, если бы ее отложить и провести более постепенно.

Можно утверждать, что колонизаторы должны были отказаться от части своих прибылей или вознаграждений, согласиться на более выгодные условия торговли или направить экономическое развитие в русло, более выгодное для местного населения, а не только для экспортеров или импортеров метрополии. Такие мнения вполне обоснованы: если бы колонизаторы действовали из альтруистических соображений, они, безусловно, сделали бы больше для тех, кем они управляли. Но если на таких основаниях применяется термин *эксплуатация* к колониальной ситуации, то он используется как понятие морали, эквивалентное «эгоизму», а не как экономическая категория. С этой точки зрения на протяжении последнего столетия колониальной эпохи можно указать немного случаев, которые можно было бы строго квалифицировать как «эксплуатацию», за исключением ситуаций, когда иностранные компании добывали невосполнимые природные ресурсы, такие как нефть и олово, что приводило к истощению этих ресурсов без значительного увеличения доходов коренных жителей.

В отличие от колониализма, который практиковался в эпоху быстрого промышленного прогресса, резкое обнищание завоеванных земель было обычным следствием доиндустриального империализма. Я опасаюсь, что это может стать характерной чертой будущих империализмов. Разрешите объяснить, почему это так.

Торговля могла приносить выгоду всем сторонам до тех пор, пока технологии и богатство не начали стремительно развиваться. Однако политически обусловленные изменения в экономических отношениях между этническими или политическими единицами часто имели характер игры с нулевой суммой, когда выигрыш одного игрока был бы проигрышем другого. Завоевание редко сопровождалось улучшением методов или ростом объемов производства, поскольку завоеватели, как правило, превосходили местное население лишь в военном искусстве и могли быть более отсталыми в мирных ремеслах. Например, ни персидское, ни македонское, ни римское, ни арабское, ни турецкое завоевание Западной Азии не привело к значительным улучшениям в технологиях производства. В ряде случаев, например, при монгольском вторжении в Персию или Китай, организация и объем производства, если не сама технология, претерпели явный регресс после завоевания. Это наблюдение касается даже тех случаев, когда территория, населенная множеством враждующих племен, объединялась под властью сложной политической системы. Например, римское завоевание Галлии привело к почти двукратному сокращению населения этой территории. Что еще более удивительно, испанские завоеватели, знавшие выплавку железа, навигацию, каменную кладку, владевшие такими техническими навыками, как использование лошади и колеса и рядом других, неслыханных для индейцев, не увеличили, а сократили богатство и численность населения более развитых королевств Америки.

В доиндустриальной цивилизации завоевание иногда приводило к перемещению побежденного населения – как путем истребления, так и выселения. Однако обычно результат сводился к смене хозяев, в то время как крестьяне и ремесленники продолжали выполнять свои повседневные обязанности. Кроме изменения бенефициаров, часто происходили изменения в механизмах извлечения богатства из крестьян, а скорость этого процесса увеличивалась, например, после нормандского завоевания Англии. Однако так было не всегда, поскольку в истории встречались случаи, когда фискальное бремя снижалось, например, после арабского завоевания византийских провинций. Единственной экономической выгодой был рост возможностей торговли, которую завоевание могло принести покоренному населению в условиях статичной и довольно однородной технологии. Однако в те времена торговля в основном касалась излишков, потребляемых привилегированными классами, что означало, что большинство населения получало от этого лишь минимальную выгоду.

В отличие от более ранних периодов империализма колониализм и неформальные формы контроля (имеется в виду экономический империализм), которые западноевропейские страны практиковали с 1840 года и до сих пор, осуществлялись людьми с организационными и техническими навыками, значительно превышающими все, что было известно их жертвам. Это огромное техническое превосходство обеспечивало колонизаторам такое военное преимущество, что они могли проводить масштабные завоевания, не будучи при этом сосредоточенными исключительно на военной культуре. До появления сложных технологий, определяющих исход сражений, военное превосходство обычно сочеталось с менее развитой экономикой и цивилизацией, поскольку даже дописьменные племена могли создавать наиболее эффективное оружие для своего времени. До XIX века никогда прежде за армиями завоевателей не следовала такая масса специалистов по продвинутым методам мирного производства.

В доиндустриальную эпоху природные ресурсы использовались ограниченно, и это использование зависело от технологий того времени. Однако после 1840 года как начала научно-обоснованных технологий человечество получило возможность извлекать новые товары из природных ресурсов. Это создало эффект, схожий с внезапным ростом природных богатств. В такой ситуации самым важным фактором производства стала культура, которая выражается в навыках, привычках и традициях, необходимых для организации более эффективного производства. Такие ресурсы культуры сосредоточились главным образом в странах, которые стали основными центрами империализма. Сочетание имперской экспансии с принуждением к техническому и экономическому прогрессу привело к тому, что колониализм после 1840 года преобразовался в феномен, при котором завоеватели и завоеванные могли обогащаться, поскольку совокупное богатство резко возросло.

Проведенный выше анализ не подтверждает наличие альтруистических мотивов у носителей имперской экспансии. Как правило, она была направлена на получение богатства и власти. Хотя некоторые фигуры и участники этого процесса могли действовать под влиянием гуманитарных или религиозных побуждений. Несмотря на это, одностороннее извлечение ресурсов не доминировало в колониальной практике, поскольку в тех условиях наибольшие выгоды можно было извлечь путем организацию экономического роста.

С учетом экологических ограничений, с которыми сегодня сталкивается человечество, политико-экономические отношения между нациями могут снова вернуться к модели нулевой суммы, которая существовала до периода великого промышленного прогресса. В условиях, когда общее количество богатства не может увеличиваться, выигрыши одной стороны неизбежно влекут за собой потери другой. Кроме того, по мере распространения технических и организационных навыков, необходимых для эффективного использования природных ресурсов, завоевание новых территорий уже не гарантирует скачка в экономическом развитии и может привести лишь к перераспределению богатств в пользу завоевателей.

Очень важным аспектом экологического кризиса является то, что, помимо конкуренции за дефицитные ресурсы, экономический рост одной страны наносит ущерб другим странам через загрязнение, что делает соседние страны заинтересованными в его предотвращении. Значит, мы имеем дело с обоюдной игрой с нулевой суммой. Однако в контексте штрафов международные политико-экономические отношения больше напоминают игру с ненулевой суммой, чем когда-либо, поскольку не все могут выиграть, но все могут легко проиграть. В крайнем случае мировой войны все потеряют все. Выгода от (или расплата, если предпочитается терминологию теории игр) сотрудничества – по крайней мере, в смысле воздержания от враждебных действий – будет заключаться в величине предотвращенных потерь. Такое сочетание игры с нулевой суммой на положительной стороне (в отношении безусловных прибылей) и игры с ненулевой суммой на отрицательной стороне (в отношении потерь) мож-

но сравнить с ситуацией выживших после кораблекрушения в легко переворачивающейся спасательной шлюпке, где у каждого есть ограниченное количество неприкосновенных запасов: никто не может увеличить свою долю, не отобрав ее у кого-то другого, но уже при начале драки лодка перевернется, и утонут.

Союзы такого рода могли бы привести к полной неподвижности, если бы все государства обладали равной силой для переворачивания лодки – то есть, говоря менее метафорично, в конечном итоге причиняли бы себе смертельный ущерб, начиная войну. На самом деле лишь столкновение высокоразвитых индустриальных государств могло бы иметь такие последствия; на протяжении некоторого времени такие государства могли бы атаковать более слабые с относительной безнаказанностью. Например, если бы нефтедобывающие арабские страны были захвачены силой, это не привело бы к ядерной войне – такую операцию могли бы осуществить не только Соединенные Штаты или Советский Союз, но даже второстепенные державы (Великобритания или Япония) без особых трудностей. Свобода маневра арабских стран полностью зависит от тупика между сверхдержавами в этом регионе. Вероятнее всего, на аналогичных нейтральных территориях произойдет усиление скрытых и косвенных форм конфликта между великими державами, которые не перерастут в полномасштабную войну.

В регионах, которые явно находятся под контролем одной из сверхдержав (или даже второстепенных держав), вполне вероятно возрождение открытого империализма или его завуалированной формы, известной как неоимпериализм. Если это произойдет, то, скорее всего, он будет более агрессивным, чем его аналоги в недавнем прошлом. Обвинения, которые часто выдвигались в адрес сдерживания развития зависимых территорий и которые были лишь частично (если вообще) оправданы в контексте империализма, могут стать реальностью в будущем. Более того, с учетом экологических факторов можно ожидать, что владения государств, обладающих значительными природными ресурсами (например, Советского Союза) будут иметь более высокий уровень жизни по сравнению с зависимыми территориями менее самодостаточных стран. Учитывая, что многое будет зависеть от изменения международных сил, было бы неразумно строить уверенные прогнозы. Тем не менее, я рискну сделать предварительный вывод: если и произойдет возрождение империализма, то оно будет сопровождаться экономическими процессами, которые гораздо точнее соответствуют определению «эксплуатации», чем тот империализм, который только что канул в Лету.

Глава 18. Пацифизм и природа войны

Новизна пацифизма

Любое рациональное обоснование надежды на постоянный мир должно основываться на нашем понимании причин войн. Не менее очевидно, что никакие действия по содействию миру, то есть предотвращению войн, не могут быть эффективными, если они не основаны на правильном понимании таких причин. По аналогии с невозможностью вылечить человека без точного диагноза.

Адекватное объяснение должно учитывать факторы, соотносящиеся с самим явлением: в данном контексте необходимо признать тот фундаментальный факт, что практика войны является старой и универсальной, тогда как идея постоянного мира – не говоря уже о необходимости его поддержания – является относительно новой в общей истории человечества. Все мыслители Античности и Возрождения, а также представители восточных цивилизаций рассматривали войну как часть вечного порядка вещей, столь же неизменной, как рождение и смерть.

Гуго Гроций, голландский юрист XVII века, стал первым писателем, который предвидел возможность того, что когда-то человечество сможет жить без войны. Лишь во второй половине XVIII века среди философов начала формироваться точка зрения (в старом и широком смысле этого слова), что война – это варварское явление, которое надо устранить. Однако эта идея начала обретать сторонников за пределами узкого круга интеллектуалов только во второй половине XIX века. Пацифизм как массовое движение возник лишь после Первой мировой войны, но оказался достаточно слабым, чтобы его почти полностью подавили в некоторых странах накануне Второй мировой войны. Только после ее окончания пацифизм начал укореняться в сознании общества.

Годы после Второй мировой войны стали новой эрой в истории человечества: впервые никто не восхваляет войну, и все заявляют о своей любви к миру, в то время как даже агрессоры маскируют свои действия под оборону. Военные министерства повсюду были заменены министерствами обороны. Однако это изменение может быть связано не столько с изменением взглядов на войну, сколько с общим увлечением эвфемизмами, которое привело к множеству переименований: «больничные учреждения» стали «лечебницами», «тюрьмы» – «центрами реабилитации или ресоциализации», а «бедные» превратились в «непривилегированных» (самый нелепый эвфемизм, поскольку даже в раю не все могут быть привилегированными). Больше нет стариков, есть только «люди среднего возраста», нет «умственно отсталых», а есть только «люди с умственными особенностями» (хотя они даже не могут догнать «умственно отсталых»), одновременно отсталые страны стали «развивающимися» и т. д. Похоже на то, что – с учетом изменений в других аспектах жизни – в вопросах войны и мира прогресс эвфемизмов отражает реальное изменение отношения к ним. Скорее всего, изречение Оскара Уайльда о том, что «лицемерие – это дань, которую порок платит добродетели», применимо и здесь.

Чтобы обеспечить себе посмертную славу, ассирийские цари делали надписи на своих могилах, в которых упоминали о числе врагов, которых они изуродовали, ослепили, содрали с них кожу или посадили на кол. В отличие от этого обычая в наше время даже такие фигуры, как Гитлер, не выставляли напоказ свои массовые убийства, а Сталин безуспешно старался скрыть свои преступления. Гарри Трумэн также не хвастался тем, что по его приказу за секунду погибло больше людей, чем когда-либо в истории. Примечательно, что в наши дни никто не утверждает, что война – это благо, тогда как до и во время Первой мировой войны в разных странах выходило множество книг и статей, восхваляющих войну как высшее испытание для наций и людей, выявляющее в них лучшее. В период между двумя мировыми войнами фашисты подхватили эти идеи и продолжили восхвалять войну. В настоящее время такие взгляды не выражаются открыто и, по всей видимости, редко поддерживаются. Никто открыто не гордится завоеваниями, которое в прошлом считалось величайшим правом на славу.

Можно ли полагать это изменение постоянным или же это просто разновидность пустобрехства, скрывающего древние воинственные склонности? Возможно ли примирить надежду на избежание войны с осознанием ее повсеместности в прошлом? Возможно, это не исключено, но мы не должны это делать, отрицая сам факт войны, как пытаются делать некоторые оптимисты.

Растущая неприятность войны

Военная иерархия обычно организована так, что власть и уязвимость к опасностям и лишениям обратно пропорциональны: командиры могут толкать солдат на битву, сами оставаясь в безопасности. Этот градиент меняется в зависимости от времени и места. В пле-

менных и феодальных войнах лидеры буквально лидировали на передовой, в то время как Первая мировая война, по всей видимости, была самой безопасной для генералов. Во Второй мировой войне ситуация стала немного более опасной из-за угрозы воздушных бомбардировок.

Показательной чертой человеческой натуры является то, что подлинных героев зачастую чтят меньше, чем тех начальников лидеров, которые подвергали себя самым незначительным рискам или лишениям, отправляя одновременно множество людей на смерть. Наполеон дважды убегал из своей армии – в Египте и в России – и дважды предпочел сдаться в плен, чем самому сражаться. Несмотря на поражение, которое привело к бессмысленной смерти более миллиона французов, его продолжают обожать во Франции, а его культ сохраняется по сей день. Бисмарка обожали как «железного канцлера», хотя он никогда не приближался к месту, где могло летать железо. Чтобы чувствовать себя в безопасности в республике, возникшей после Первой мировой войны, немцы избрали своим президентом генерала фон Гинденбурга – одного из вождей, кто привел страну к поражению. Хотя его основной вклад в победу заключался в подписании смертных приговоров дезертирам и мятежникам, Петен стал известен как «герой Вердена», и был избран править Францией в часы ее поражения. Подобные примеры встречаются повсюду. Хотя в более примитивных формах ведения войны ситуация могла быть иной, более подходящим термином для квалификации «военных вождей» недавнего времени было бы слово «толкачи», поскольку они действовали, толкая сзади других, а не ведя их впереди.

Вероятно, материальные выгоды от войны были наиболее значительными для кочевников, которые могли покорить гораздо большее оседлое население и стать его правителями. Когда римский солдат приводил домой отряд рабов, он мог заставить их работать на своей ферме, что позволяло ему вести относительно праздную жизнь. Феодальная война имела множество привлекательных аспектов: сражения, как правило, не длились дольше одного дня, а кампании обычно были краткосрочными, редко превышающими три месяца. В обмен на кратковременные опасности воины освобождались от постоянного тяжелого труда. Экономические выгоды были значительными, поскольку победители зачастую получали землю с крепостными для ее обработки, помимо движимой добычи. Самыми активными добровольцами войны становились младшие сыновья знати, для которых это был единственный способ получить собственные поместья. Опасность для рыцаря в железных доспехах была меньше, чем в большинстве других форм войны, поскольку его можно было сбить с лошади и обездвижить без серьезных травм, в то время как пленников обычно отпускали за выкуп. «Только швейцарцы регулярно перерезали горло спешенным рыцарям, и по этой причине их очень боялись»[2].

Даже когда наемники заменили рыцарей, профессия воина оставалась довольно привлекательной для тех, кто при других обстоятельствах вынужден был бы вести жизнь, полную изнурительного труда и нищеты. Сражения по-прежнему были делом одного дня, и, хотя кампании теперь могли длиться несколько лет, солдаты большую часть времени проводили в лагерях или на зимних квартирах, развлекаясь азартными играми, алкоголем и распутством. Армии все еще были небольшими, и оплата была неплохой по сравнению с унылой гражданской работой. Добыча зачастую оказывалась значительной, особенно в Италии, где некоторые *кондотьеры* смогли накопить значительные состояния.

Для рядового солдата все эти преимущества исчезли с улучшением организации, что позволило армиям разрастаться, но привело к снижению жалованья. Это произошло впервые во Франции. Еще более резкое ухудшение положения рядовых солдат наблюдалось, когда

[2] Таким образом Карл Каутский освещает возможные последствия дальнейших событий в своей великолепной, но малоизвестной работе «*Война и демократия*» (Берлин, 1932).

соблазн жалованья был заменен вербовкой и выборочной долгосрочной воинской повинностью. В современной Европе этот метод впервые был применен в Пруссии, в которой безденежные монархи создали армию, значительно превышающую их ресурсы. По этому примеру Петр Великий сформировал самую большую армию в Европе. Еще более крупные войска были выведены на поле боя под командованием Сади Карно, организатора армий Французской республики, который ввел всеобщий призыв. Благодаря революционному энтузиазму ему требовалось меньше принуждения, чем монархам. Наполеон унаследовал эту систему, и его победы были обусловлены как численным превосходством его войск, так и его мастерством как полководца.

Удешевление оружия и появление муштры сделали возможно такую эволюцию. Винтовка оказалась значительно дешевле, чем доспехи рыцаря, как по своей эффективности, так и по количеству используемой стали и трудозатратам на ее изготовление. Это сделало возможным формирование более крупных армий. Однако их эффективность напрямую зависела от упорядоченности действий на поле боя, что требовало группового обучения, или, иначе говоря, муштры.

После падения Римской империи строевая подготовка вышла из употребления, но была вновь введена голландцами для своих наемников во время войны за независимость от Испании. Она была усовершенствована прусскими монархами, которые использовали ее как метод превращения призывников и бродяг в хороших солдат. Петр Великий применил эти методы на более широком уровне, распространив их на русских крепостных. Из-за страха наказания, заменившего соблазн денежного вознаграждения и добычи, военная служба в низших чинах стала крайне непривлекательной, и дворянство избегало ее, за исключением высших чинов. Не имея ничего, что можно было бы предложить, солдаты больше не сопровождались толпами обслуги, как это было во время Тридцатилетней войны и ранее. Находясь под пристальным надзором (чтобы предотвратить дезертирство), они имели меньше возможностей для грабежей и изнасилований. Наполеоновские солдаты имели больше возможностей для такого поведения, так как Наполеон отказался от подобной практики и заставил свои войска жить за счет местного населения, что позволяло им двигаться быстрее, чем их враги, обремененные припасами. Этот подход вызывал недовольство среди завоеванных народов и способствовал росту немецкого национализма. Тем не менее, численность солдат Наполеона была слишком велика, чтобы они могли так же успешно наживаться на добыче или жить за счет страны, как это делали наемники Валленштейна во время религиозных войн.

Условия для простых солдат достигли своего апогея во время Первой мировой войны, которая стала первой войной с постоянным фронтом, где сражения никогда не прекращались. Зарплата была мизерной, а награда за победу была нулевой или скорее отрицательной, поскольку бывшим солдатам часто было трудно найти работу. Объективно говоря, последствия поражения не имели большого значения для рядовых людей, так как в рамках либеральной экономической системы даже аннексия не оказывала существенного влияния, в то время как колониальные империи приносили выгоду лишь высшим классам. Война была спровоцирована мелкими дрязгами из-за престижа. Экономические интересы масс были почти так же мало затронуты, как и в недавней войне на Фолклендах. Чтобы компенсировать недостаток материальных стимулов, правительства готовили пушечное мясо путем систематической идеологической обработки национализмом, а затем спонсировали шквал коварной пропаганды, лживо очерняющей вражеские страны. Благодаря доверчивости масс это оказалось весьма эффективным.

Экономические выгоды от победы для победившей нации в целом стали к тому времени еще более сомнительными, чем ранее. Войны между аграрными обществами могли принести пользу лишь значительной части победившего населения, если они приводили к захва-

ту территории, позволяющей расселить избыточное население и тем самым снизить давление на ресурсы, улучшив уровень жизни. Однако это было возможно только в случае изгнания или истребления коренного населения. В современную эпоху такие случаи наблюдались лишь в Северной Америке, Австралии и Тасмании. В феодальных войнах, как мы видели, дворяне могли значительно выиграть, тогда как простые люди чаще всего страдали от разрушений, хотя им не приходилось принимать участие в сражениях, за исключением небольшого числа наемников. В эпоху династического абсолютизма войны велись по указанию монархов (с учетом интересов знати), а также наемниками и позже призывниками, которые в основном набирались из беднейших слоев населения. Вопрос об интересах простых людей в этих войнах даже не поднимался. Лицемерия не было: правители никогда не считали необходимым действовать в интересах своих подданных.

Существует миф о том, что бизнесмены обычно были главными поджигателями войн или империалистами, и что войны служили интересам их класса. Хотя действительно ограниченные деловые круги извлекали выгоду и провоцировали отдельные мелкие войны (типа Опиумных войн или Англо-бурской войны), а также использовали военные действия для давления на Кубу или Венесуэлу с целью возврата долгов. Большие и дорогостоящие войны редко приносят пользу бизнесу, и нет никаких доказательств того, что любая такая война была спровоцирована коммерческими или промышленными интересами. В начале Первой мировой войны банки Лондонского Сити попросили губернатора Банка Англии передать Ллойд Джорджу, тогдашнему канцлеру казначейства, их единодушное несогласие с вступлением Великобритании в войну. В условиях либерализма бизнес мог успешно функционировать без необходимости в расширении политического влияния для получения прибыли. Единственным классом, который неизменно выигрывал от территориальной экспансии, даже такой незначительной, как передача Эльзаса и Лотарингии, была бюрократия, поскольку именно этот класс подвергался замене в результате завоеваний, даже в либеральных государствах.

Не исключено, что Первая мировая война была самой нерациональной из всех конфликтов в истории, так как она потребовала огромных ресурсов и не принесла пользы ни одной из сторон, даже победителям, которые в конечном итоге оказались в более сложном положении. Это было неизбежно, поскольку сложность и взаимозависимость национальных экономик значительно увеличили затраты на дезорганизацию, которые, вероятно, превышали физические разрушения, а либеральные институты не позволили победителям выжать значительные богатства из побежденных без дальнейшего дезорганизации их собственных экономик. С учетом этой нерациональности неудивительно, что, едва волна националистического опьянения утихла, как победившие, так и побежденные страны захлестнул сильный поток пацифизма. Но удивительно то, что 15 лет спустя Гитлер смог разжечь столько энтузиазма в отношении собственной программы завоеваний. Тем не менее, несмотря на все усилия его пропаганды, начало Второй мировой войны не вызвало такой волны воинственной эйфории, как это происходило при объявлении войны в Германии, Франции и Великобритании в предыдущем случае.

Нацисты, добившись некоторого первоначального успеха, стремились сделать так, чтобы вся нация могла извлечь выгоду из своей победы, отказываясь при этом от краеугольных камней современной европейской цивилизации: уважения к правам собственности и проживания, свободы передвижения и труда. Они изгнали целые народы из своих домов, конфисковали имущество и возродили крепостное право и рабство. В Польше они предприняли попытку истребить весь образованный класс. Если истребление евреев было следствием одержимости Гитлера и его приближенных и не имело никакой дальнейшей цели, то обращение со славянами стало частью плана по созданию в Восточной Европе империи, в которой не-

мецкая аристократия использовала бы славянских крепостных и рабов. Таким образом, каждый немец мог бы стать аристократом, подобно тому, как каждый белый человек в Южной Африке.

Хотя многие люди получают удовольствие от командования другими людьми, прогресс технологий – особенно с появлением автоматизации – сделал рабство невыгодным. К сожалению, технологии также породили новый источник конфликта, который в будущем может стать чрезвычайно важным: а именно, загрязнение. Когда его уровень становится невыносимым, люди могут быть готовы пойти на войну, чтобы помешать другим загрязнять окружающую среду. Как всем известно, всеобщая война может привести к вымиранию человечества или даже всей жизни на планете.

Перспективы

До появления технического прогресса и стабилизации уровня рождаемости население всегда имело людей, которые могли выживать только за счет других. Поэтому неудивительно, что идея прекращения войн начала активно обсуждаться лишь тогда, когда прогресс в технике и экономике стал очевиден, и вера в его продолжение укрепилась. Также не случайно, что нежелание убивать характерно только для обществ, в которых давление на ресурсы не является критическим, что стало возможным благодаря сочетанию достатка и контроля над рождаемостью. Хотя отсутствие бедности не гарантирует гуманных и миролюбивых взглядов, оно, безусловно, является необходимым условием. Технологический прогресс также устранил еще одну важную причину войн: при низкой производительности жизни люди не могли достичь комфорта без эксплуатации других. С появлением машин люди получили возможность жить хорошо, не заставляя других существовать на грани выживания. Однако нехватка пространства, истощение ресурсов и накопление загрязнения могут поставить под угрозу достигнутый уровень жизни в благополучных странах и оставить менее удачливых в их бедственном положении. Поэтому перспектива мира может оказаться весьма неопределенной, если не будут найдены способы остановить четыре процесса, угрожающих обострить борьбу за ресурсы: демографический рост, эрозия почвы, загрязнение и истощение природных ресурсов.

Перспектива всеобщего самоубийства служит мощным сдерживающим фактором, особенно в условиях, когда правители больше не могут надежно скрыться за защитными барьерами. Однако серьезный экологический кризис может породить еще большие волны фанатизма и иррациональности, что сделает баланс взаимного сдерживания более уязвимым. При этом сохраняется постоянная угроза холокоста, вызванного технической ошибкой.

Глава 19. Экологическая ситуация и опасность диктатуры[3]

Возможно, в прошлом, когда книг было немного, ситуация была иной, но в наше время, похоже, наблюдается обратная зависимость между ценностью и объемом книги. Книги Хайлбронера подтверждают это правило. Он излагает свои тезисы четко и лаконично, а когда обобщает идеи других авторов, делает это сжато и лишь в той мере, которая необходима для поддержки своей точки зрения. Ни одно слово не расходуется впустую, и его книги похвально свободны от напыщенного жаргона, который разрушает социальные науки. Вторая книга немного более академична в хорошем смысле: она не перегружена, но требует чуть больше знаний. Первая книга вполне заслужила свою популярность, так как предлагает про-

[3] Обзор трудов Роберта Л. Хейлбронера «Исследование человеческого прогресса» (Нью-Йорк: У.У. Нортон, 1975) и «Деловая цивилизация в упадке» (Нью-Йорк: У.У. Нортон, 1976).

стой, но в то же время глубокий и проницательный анализ социальных и экономических последствий выводов и прогнозов экологов.

Как интуитивно заключил Гаэтано Моска много десятилетий назад, и как я позднее утверждал на основе эпистемологических соображений, связанных с проблемой свободы воли, предсказать то, чего не будет, зачастую проще, чем определить то, что произойдет. Иными словами, легче найти убедительные причины для исключения определенных сценариев развития событий как невозможных, чем предсказать, какой из возможных исходов станет реальностью. Например, мы можем с уверенностью сказать, что население мира не будет расти так быстро в течение следующего столетия, как это происходило в последние 50 лет, но не знаем, что именно вызовет замедление – будь то контроль рождаемости, войны, внутренние распри, голод, болезни или бесплодие, вызванное загрязнением окружающей среды. По аналогии совершенно очевидно, что человечество должно прекратить нерациональное использование природных ресурсов и перестроить экономику на принципах бережливости, если использовать выражение Хайлбронера; однако остается неясным, какой именно экономический порядок или порядки появятся в результате этих изменений. Его утверждение о том, что деловая цивилизация, основанная на постоянном расширении производства материальных благ, подходит к концу, представляется мне неоспоримым, хотя я бы добавил, что даже контролируемые государством экономические системы, по крайней мере до сих пор, в равной степени следовали тому же пути.

Поскольку он затрагивает множество ключевых вопросов, многие из утверждений Хайлбронера подлежат обсуждению. Я, в частности, не согласен с его мнением о том, что «этос науки», тесно связанный с промышленным применением, будет играть меньшую роль. Хотя наука действительно может переживать упадок, это произойдет только в условиях общего краха цивилизации, который может привести к вымиранию человечества или возврату к примитивному существованию. Для экономики, способной сохранять окружающую среду и обеспечивать свою жизнеспособность, потребуется более продвинутая наука по сравнению с той, которая у нас есть. Нам необходимо разработать заменители металлов и других ресурсов, включая ископаемое топливо, а также найти методы для устранения накопленного загрязнения, если мы стремимся избежать всеобщей нищеты, каннибализма или даже полного вымирания.

Позвольте мне проиллюстрировать эту потребность в более глубоком научном анализе на примере вопроса, который, похоже, остался вне поля зрения экологов, хотя связанные с ним принципы известны с времен Дарвина. Здоровье всех естественных видов поддерживается постоянным сокращением значительной части популяции через межиндивидуальную, межгрупповую и межвидовую конкуренцию; при этом плодовитость остается достаточно высокой, чтобы создавать излишек, который можно использовать. В то время как борьба за существование исчезает, изобилие, развитая медицина, благосостояние и мир приводят к неизбежной физической и умственной деградации человечества. Кажется, что единственный способ, которым популяция, сбалансированная на гуманной и цивилизованной основе с низкой плодовитостью и низкой смертностью, а не на естественной основе с высокой плодовитостью и высокой смертностью, может избежать вырождения, – это своего рода предзачаточное устранение, при котором яйцеклетки и сперматозоиды с вредными мутациями или другими нежелательными вариациями могут быть выявлены и устранены. Вероятно, в сильно загрязненной среде подобные меры были бы необходимы, даже если бы применялся более простой метод борьбы с вырождением – селективное евгеническое разведение. Возможно, цивилизация в устойчивом состоянии потребовала бы такого уровня изобретательности, который позволил бы ей выжить только при условии, что распределение объема мозга будет

повышено до более высокого среднего уровня с помощью какого-то метода генетической манипуляции.

На мой взгляд, автор ошибается, утверждая, что «постиндустриальное общество» будет свидетельствовать об упадке трудовой этики, присущей индустриальному обществу. Этот термин возник в тот момент времени, когда описываемая им тенденция начала меняться на противоположную: в конце краткого периода относительного изобилия, когда многим казалось, что трудности с производством товаров остались в прошлом, и что для работы потребуется все меньшее число людей. Я никогда не разделял этот оптимизм и за свои взгляды сталкивался с обвинениями в ретроградстве. Более того, изобилие, о котором идет речь, наблюдалось лишь в Северной Америке и северо-западной Европе, а его основа – использование непропорционального количества дефицитных и невосполнимых природных ресурсов. Хайлбронер справедливо и неоднократно подчеркивает, что нынешняя индустриальная экономика функционирует на принципе саморазрушения и не сможет долго существовать в ее настоящем виде. Я бы добавил к этим аргументам, что современные капиталоемкие и трудосберегающие технологии также потребуют изменений – либо возврата к более трудоемким методам, либо создания новых машин, которые будут менее энерго- и металлоемкими и потребуют значительных усилий для разработки. Поэтому я считаю, что перевод рабочей силы в состав третьих (отчасти паразитических) профессий следует пересмотреть. Скорее всего, устойчивая экономика будет требовать больше труда и, соответственно, нуждается в «трудовой этике». Одна лишь задача по предотвращению серьезного загрязнения среды потребует колоссального количества усилий. Мне кажется, что разговоры о «постиндустриальном обществе» исходят из нереалистичного оптимизма, вызванного нефтяным бумом, которым наслаждались ведущие промышленные страны и, в какой-то мере, остальной мир в течение исторически короткого времени.

Во второй книге автор принимает экологические аргументы как должное и развивает свой тезис о неминуемой гибели деловой цивилизации, которую он связывает в основном с тремя факторами: расширением монополий, исчезновением прибылей и усиливающейся борьбой за раздел уменьшающегося богатства. Я согласен с ним (и в другом месте добавил несколько аргументов в пользу этой точки зрения, ныне широко распространенной), что тенденция все большего укрупнения монополий ведет к слиянию бизнеса и правительства и окончанию независимости бизнесменов. Маркс был прав, увидев в процессе концентрации силу, способную привести к концу капитализма, подразумевая под этим термином лишь мир частного бизнеса, не контролируемого правительством. Однако он ошибался, полагая, что этот процесс приведет к классовой поляризации, растущему бедствию рабочих и пресловутой революции. Подобно множеству других его ошибочным прогнозам, эта ошибка вытекала из неспособности осознать феномен бюрократии. Его взгляды на последствия Закона концентрации были скорректированы Максом Вебером, который на рубеже веков (в работе по экономической истории Древнего мира) предсказал, что бюрократия станет хозяином капитализма, как и в античности, …поскольку капитализм теперь является драйвером бюрократизации. Важно отметить, что Вебер ожидал подчинения капитализма бюрократии, а не его полного исчезновения.

Я сомневаюсь, что уменьшение совокупного богатства и сопутствующая борьба за акции обязательно приведут к концу капитализма, если мы подразумеваем под этим частную собственность на средства производства, а не независимость бизнеса от правительства. Эта система продолжает функционировать даже в ряде очень бедных стран с застойной и даже деградирующей экономикой. Существуют многочисленные доказательства того, что демократия и либерализм более уязвимы на экономические кризисы и гражданские конфликты, чем капитализм, который, по сути, не сталкивается с угрозами в таких странах, как Южная

Африка, Бразилия или Чили, за исключением риска внешнего вмешательства в случае Южной Африки.

Любое приближение к демократии, особенно к демократическому и либеральному государству всеобщего благосостояния, является редким исключением в истории человечества. Не существует ни одного примера, когда крупное государство смогло бы сохранить демократию в условиях затяжного и широко распространенного кризиса, не говоря уже об усугубляющейся нищете. Индия не является контрпримером, так как демократия там никогда не была более чем фасадом для глубоко олигархической системы, в которой массы бедняков удерживаются на своем месте (и их голосование контролируется) с помощью незаконного экономического и физического принуждения, подкрепленного суевериями. Верно, что более реальная демократия пережила экономический кризис 1930-х годов в Северной Америке и в северо-западной Европе к западу от Германии. Ярким примером является Канада, в которой совокупный доход наиболее упал, снизившись в прериях до 47 % от предкризисного уровня. Однако не стоит забывать, что демократия была на грани краха во Франции, тогда как в преимущественно протестантских странах традиционная мораль, религия и старые обычаи сдерживали проявления недовольства. Эти традиционные ограничения были стерты в богатых обществах, где моральное лидерство перешло к артистам и рекламодателям.

Коммунистические государства обладают механизмами подавления большого объема разочарования и недовольства. Однако эта способность существенно отличается от высшей экологической мудрости, которую Хайлбронер считает неотъемлемой частью коллективистского планирования. Можно утверждать, что такая мудрость более совместима с авторитаризмом, чем с демагогией. Также надо отметить, что китайцы относительно немного нарушали нормы экологии, но их добродетель остается недоказанной, поскольку у них до сих пор отсутствовали ресурсы для значительных расходов и загрязнения среды.

Более того, из-за ошибочного предположения, что экологически ограниченной и устойчивой экономике потребуется меньше, а не больше науки, автор не учитывает возможные последствия различий в инновационном потенциале. В этом контексте децентрализованные и в целом более свободные рыночные экономики, которые все еще сохраняют значительную конкуренцию и обеспечивают большую свободу для исследований и выражения мнений, показывали и продолжают демонстрировать значительно лучшие результаты по сравнению с жестко контролируемыми коллективистскими системами. Тоталитарные режимы успешно мобилизовали и сосредоточили свои усилия, сдерживая потребительские аппетиты и обеспечивая быструю индустриализацию; однако важно помнить, что их достижения основывались на подражании. Что касается промышленных технологий, их способность к инновациям остается ограниченной, за исключением сектора вооружений, в котором они имеют значительное преимущество в знании западных разработок, по причине большей уязвимости либеральных государств на шпионаж. К тому же в этой сфере западные исследования также часто централизованы, бюрократизированы и подвержены секретности и различным ограничениям, что затрудняет использование преимуществ нерегулируемой изобретательности.

Многое будет зависеть от скорости перехода к малозатратной экономике. Если промышленные страны продолжат игнорировать эту необходимость и будут поступать безрассудно до момента катастрофы, жестокие международные и внутренние ссоры из-за истощающихся ресурсов обязательно приведут к замене тонко настроенных политических систем на авторитарные режимы, не менее примитивные по сравнению с теми, которые характерны для так называемого третьего мира. Однако, если переход от расточительности к экономности будет происходить постепенно, то преимущество может перейти к тем системам, которые дают больше возможностей для изобретательности и инициативы. И тем более не исключено, что сложившаяся тенденция монополизации и концентрации может быть изменена, и что независимое предпринимательство,

которое в настоящее время сдерживается бюрократизированными частными монополиями и ростом бюрократического аппарата, станет более важным для сохранения цивилизованного образа жизни, чем когда-либо в прошлом.

Глава 20. Почему меры предотвращения экологических угроз недостаточны

Существует поразительный контраст между предусмотрительностью и осторожностью, которые большинство людей проявляют в своих личных делах, и крайним отсутствием предусмотрительности, характерным для человечества в целом. При выборе работы многие учитывают право на пенсию, даже если до выхода на пенсию еще далеко. Люди обычно выносят утомительное обучение и откладывают деньги ради будущей выгоды, оформляют страховку от маловероятных рисков, а некоторые даже пытаются снизить налог на наследство для своих наследников. Однако, когда речь идет о глобальных угрозах, от которых невозможно спастись, кроме скоропостижной смерти, человечество ведет себя как человек, который собирает дрова, отпиливая сук, на котором сидит. В чем причины такого несоответствия?

Первая и наиболее очевидная, хотя не обязательно самая важная, – новизна ситуации. Никто не смог предвидеть возможность разрушения окружающей среды. Даже Томас Мальтус, который указал на экологический предел роста населения, рассматривал лишь дефицит ресурсов: он не предполагал, что природные ресурсы могут сокращаться под давлением населения, как это произошло в случае эрозии почвы. Все известные мыслители прошлого – от Огюста Конта, Карла Маркса и Герберта Спенсера до Макса Вебера, Бертрана Рассела и Джона Мейнарда Кейнса – не осознавали угрозу загрязнения. Хотя один из основателей физической химии, Сванте Аррениус, предсказал примерно в 1900 году, что индустриализация приведет к парниковому эффекту, на его предсказание не обращали внимания до недавнего времени. И хотя знание о грядущем экологическом кризисе существует уже более 30 лет, сделано очень мало для его предотвращения. Так что причина не сводится к обычной новизне.

Желание пренебречь указанным знание коренится в его угнетающей сути. Человечество, долго страдая от нищеты и болезней, было очаровано идеей освобождения от этих бедствий благодаря техническому прогрессу и росту богатства, как это случилось в более благополучных странах. Для жителей этих стран было приятно и вдохновляюще предполагать, что менее удачливые государства могут присоединиться к ним, просто следуя их примеру. Мысль о том, что экологические ограничения могут этому помешать, вызывает неприятные чувства у тех, кто страдает. Это также тревожит более удачливых, поскольку подразумевает вероятность отказа от некоторых удовольствий.

Два образа эскапистского мышления. Негативные перспективы приводят к двум формам эскапистского мышления. Первая заключается в отрицании или игнорировании обоснованности новых знаний, тогда как вторая включает использование средств, которые могут показаться безболезненными, но на самом деле обречены на бесполезность.

Первый путь выбирают немногие ученые, отрицающие серьезность ситуации. Многие из них связаны с промышленностью или правительствами, что делает их соучастниками сложившейся ситуации. Ложность их утверждений заметна даже тем, у кого нет глубоких научных знаний: они основаны на неточном восприятии доказательств, полагая их слабыми аргументами против наличия опасности. Эти ученые не приводят никаких доказательств того, что рассматриваемые процессы невозможны или не способны вызвать последствия, о которых предупреждают другие специалисты. Их заверения всегда исходят из аргументов о том, что доказательства существования опасности неубедительны. Они либо не понимают, либо

делают вид, что не понимают различия между «не доказано, что это так» и «доказано, что это не так». Это грубая логическая ошибка, и люди редко допускают ее в повседневной жизни. Например, отсутствие обвинительного приговора по делу о мошенничестве не является доказательством надежности человека. Подозрение в неисправности тормозов достаточно, чтобы отправить автомобиль в ремонтную мастерскую, а не в запланированную поездку. Не требуется абсолютное доказательство, чтобы заподозрить, что ваш дом может рухнуть; даже малейшие сомнения могут удержать вас от переезда. В индивидуальных вопросах людям советуют: «Если сомневаешься, воздержись или проверь», но в более масштабных, важных вопросах предлагается противоположный подход: «Если сомневаешься, не беспокойся и продолжай». Чтобы понять эту логическую ошибку, не нужны специальные знания; не следует доверять экспертам, допускающим столь грубые заблуждения.

Существует также простой тест, доступный неспециалистам, который помогает определить, каким экспертам нельзя доверять, поскольку они игнорируют собственное знание и интеллект ради сохранения своих предрассудков. Нельзя принимать всерьез тех, кто отрицает наличие пределов роста в рамках конечного пространства нашей планеты. Это не вопрос эзотерического научного знания, а элементарная логика: Земля, будучи сферой с фиксированным диаметром, не может вместить неограниченный рост числа любых физических объектов. Это справедливо даже для линейного роста. Разумеется, сложный рост достигнет предела значительно быстрее. Это знание было применено к вопросу о населении Томасом Мальтусом, чью теорию можно переформулировать очень просто, не оставляя места для сомнений. Основная идея заключается в том, что в долгосрочной перспективе уровень рождаемости и уровень смертности должны колебаться вокруг равновесия, поскольку значительное превышение рождаемости над смертностью приводит к самоподдерживающемуся сложному росту, который в конечном пространстве может продолжаться лишь короткое время и только в исключительных обстоятельствах. Следствием этого является то, что рост населения может быть замедлен или прекращен только двумя способами: либо повышением уровня смертности, либо снижением уровня рождаемости. Практический вывод из этих соображений заключается в том, что невозможно поддерживать низкий уровень смертности во всем мире, не снижая уровень рождаемости до соответствующего низкого уровня. Отказ от этих выводов подразумевает либо отрицание того, что Земля является сферой с постоянным диаметром, либо сомнение в обоснованности арифметики.

Хотя произведенные предметы не размножаются без посторонней помощи, те же причины применимы и к росту их количества: в ограниченном пространстве сложный рост даже на небольшой процент не может продолжаться бесконечно. Отсюда неизбежно следует, что абсурдно предполагать существование устойчивого социального порядка, основанного на постоянном экономическом росте. В вопросах, касающихся истощения озонового слоя, кислотных дождей или безопасности ядерных установок, неспециалисты вынуждены полагаться на мнения экспертов. Однако для понимания того, что недавние темпы роста – будь то населения или количества товаров – не могут поддерживаться долгое время, не требуются специальные знания в области науки, достаточно уметь рассчитывать сложные проценты. Печальным свидетельством нерациональности человечества является то, что в эпоху, когда цивилизация оснащена компьютерами и спутниками, простая истина, которую можно легко доказать на листе бумаги, широко игнорируется или даже отрицается.

В отличие от самодовольных представителей промышленности и правительств, группы, которые позиционируют себя как сторонники охраны окружающей среды и называют себя зелеными, осознают существующие угрозы – иногда даже преувеличивают их – но в целом демонстрируют нереалистичные взгляды на необходимые действия. Некоторые из них придерживаются мистических воззрений, включая персонификацию природы, что следует

отличать от рационального понимания ее красоты и ценности. Один из этих принципов – «природа лучше знает», является лишь донаучным антропоморфизмом. В данном случае «природа» рассматривается как совокупность растений и животных, – при исключении человечества с его культурными достижениями. Эта совокупность полна чудес равновесия и адаптации, однако нет никаких доказательств наличия у нее коллективного разума, способного к познанию. Упомянутый принцип также трактуется как заповедь «позволить природе идти своим чередом» и воздерживаться от вмешательства. Однако лишь полное исчезновение человечества могло бы реализовать этот принцип, поскольку мы не можем существовать, не воздействуя на природу. Действительно, каждый вид в той или иной мере вмешивается в экологию: зебры питаются травой, а львы охотятся на зебр. Безусловно, наше вмешательство не должно напоминать поведение пьяного вандала (как это наблюдается в последнее время), но вмешательство необходимо. Чтобы продемонстрировать свою искренность, сторонники этого принципа должны отказаться от приготовления пищи и жить в домах, не говоря уже о том, чтобы пользоваться такими «неестественными» достижениями культуры, как электричество или стоматология.

Заблуждение морализации природы. В дополнение к олицетворению природы, сторонники зеленого движения также стремятся морализировать ее. Они утверждают, что конкуренция и насилие противоречат естественному порядку, который должны составлять сотрудничество и взаимная доброта, если не любовь. Однако это утверждение совершенно неверно, так как в природе присутствуют борьба и насилие. Часть этой иллюзии заключается в представлении о том, что вегетарианство является «естественным», несмотря на несомненный факт, что в течение 98 % своего существования наш вид существовал в основном за счет охоты. Вегетарианский выбор может быть обусловлен моральными или эстетическими соображениями, но эти причины коренятся в культуре, а не в самой природе.

Не менее абсурдно и представление о том, что все органическое приносит пользу, а все неорганическое – вред. Многие яды имеют органическое происхождение, как и бактерии и вирусы. Хотя такая позиция является естественной реакцией на бездумное и безответственное использование химических веществ в производстве продуктов питания, она слишком упрощает реальность.

Другое понятие, которое дискредитирует благое дело, – это неопримитивизм: идея о том, что выход из экологического кризиса заключается в возвращении к жизни в небольших, самодостаточных общинах, которые живут за счет органического сельского хозяйства и ремесел. К сожалению, такая экономика не в состоянии прокормить более одной двадцатой нынешнего населения мира. Удивительно, но даже самые разумные представители зеленого движения разделяют с приверженцами самоуспокоенности пренебрежение к решающему фактору перенаселения. Неопримитивисты также не учитывают, что маленькие общины прошлого участвовали в бесконечных войнах. Кроме того, нет оснований считать, что примитивные народы обладали большей мудростью или «экологической компетентностью», как утверждают зеленые. На самом деле они нанесли немалый ущерб, вызвав эрозию почвы из-за чрезмерного выпаса скота или выжигания. У них просто не было таких ресурсов, чтобы нанести столько вреда, сколько способны мы это сделать. Мы обладаем несоизмеримо большей силой, но не обладаем при этом большей мудростью.

С неопримитивизмом связана враждебность к науке. Более смягченный вариант этой позиции можно встретить на страницах британского журнала *The Ecologist*, где утверждается, что традиционная механистическая наука должна быть заменена новой холистической парадигмой, вдохновленной общей теорией систем Людвига фон Берталанфи. Однако стоит отметить, что эта теория не добавляет ничего нового к идеям Герберта Спенсера, высказанным

более века назад. Кульминацией этой «новой науки» является гипотеза Геи, которая в своей интерпретации пытается интегрировать элементы Божественного Провидения в науку.

Такие мистические подходы не вносят ясности в решение экологических проблем. Именно строгая научная методология позволила выявить такие явления, как парниковый эффект, истощение озонового слоя и различные виды загрязнения окружающей среды. Учитывая, что неопримитивизм представляет собой тупиковый путь, нам необходимо больше и качественнее научных данных, чтобы предотвратить дальнейший ущерб и решить масштабную задачу по устранению уже нанесенного ущерба.

Последний аспект, который стоит упомянуть, – это соединение свободы, равенства и экологии, которое активно пропагандируется на плакатах и значках экологистов. Наиболее абсурдное выражение этой идеи – попытка сочетать экологию с анархизмом. На практике же многие меры по защите окружающей среды сводятся к запретам и наложению ответственности, что, по сути, ограничивает свободу. Это неизбежно: защита ограниченных ресурсов и предотвращение ущерба требуют повышения дисциплины, а не *непредусмотрительного* всеобщего разгула. В частности, это подразумевает необходимость в более эффективном дисциплинировании эгоистичных и антиобщественных индивидов и групп.

Утопические безумства зеленых не оправдывают самоуспокоенности по поводу экологической ситуации, которая в одном отношении даже серьезнее, чем опасность коллективного самоубийства посредством ядерной войны, которая, в конце концов, может никогда и не произойти. Человечество не может бесконечно отравлять и разрушать свою окружающую среду, не рискуя ее полным вымиранием. В условиях этой угрозы все другие проблемы теряют свою значимость. Не будет иметь значения, какая политическая система или идеология будет доминировать, если не останется питьевой воды и чистого воздуха, а многие будут страдать от рака. Нет ничего более важного, чем предотвращение этой катастрофы.

Асимметрия между затратами и выгодами. Надеяться на эффективные действия сложно, когда люди живут иллюзиями. Даже если бы все мыслили рационально, осознавали угрозу и понимали необходимые шаги, все равно возникали бы серьезные препятствия для адекватных мер по исправлению положения. Эти трудности связаны с асимметрией между затратами и выгодами: затраты на исправление ситуации очевидны и требуют незамедлительных действий, тогда как выгоды приходят позже и имеют неясные очертания. Позвольте мне проиллюстрировать эту мысль на конкретном примере.

Я прекрасно осознаю, что, управляя автомобилем, я способствую кислотным дождям, которые наносят вред лесам. Этот процесс может сделать Землю непригодной для жизни. Тем не менее, я продолжаю ездить. Почему? Потому что отказ от вождения приведет ко многим неудобствам для меня, в то время как положительный эффект для окружающей среды (или даже для моих собственных деревьев) останется незаметным. Несоответствие между затратами и выгодами еще более ярко проявляется в случае отопления. Сжигая ископаемое топливо для обогрева своего дома, я усиливаю парниковый эффект. Однако, если бы я прекратил это делать, я и моя жена столкнулись бы с серьезным дискомфортом, который, не исключено, приведет к болезням и даже преждевременной смерти, в то время как эффект от моей жертвы остался бы незаметным. Результат мог бы быть нулевым, даже если бы множество людей принесли такую жертву, потому что, если бы их было достаточно, чтобы повлиять на цены, снижение цен могло бы побудить других использовать топливо более активно. Это могло бы произойти даже в случае, если бы целая страна отказалась от угля или нефти. Даже крупная страна не смогла бы защитить себя от истощения озонового слоя или рассеивания плутония в воздухе, если другие страны не последуют примеру.

Наказание за альтруизм в условиях конфликта, будь то коммерческая конкуренция или политика власти и война, выглядит особенно тревожно. Односторонняя жертва ради общего

блага ослабляет способность конкурировать или бороться и в конечном итоге приводит к устранению альтруистов. Например, ограничения на загрязнение повышают производственные издержки и затрудняют конкуренцию с предприятиями тех стран, в которых таких ограничений нет.

Непропорциональность между немедленными затратами и отдаленными выгодами объясняет, почему многие промышленники готовы загрязнять мир: вклад их собственной деятельности в общее загрязнение обычно невелик, и его последствия для них или их детей незначительны, тогда как прибыль от этого процесса довольно значительна и моментальна. Ситуация не менее сложна в социалистических экономических системах, в которых государство владеет средствами производства, а экономическая деятельность координируется бюрократическим контролем вместо рынка. В таких условиях главной задачей менеджера становится сохранение своего положения, выполнение плана или получение повышения за его перевыполнение. Несмотря на то, что он также дышит тем же воздухом и пьет ту же воду, что и наименее оплачиваемый работник, потеря работы из-за невыполнения плана или надоедания начальству назойливыми просьбами ставит его в уязвимое положение, лишая привилегий и удобств. Учитывая, что данный тип экономики тесно связан с диктатурой, реформы могут быть достигнуты лишь через повышение экологической сознательности и информированности верхушки общества.

Экологическая политика диктатур и демократий. Можно предположить, что диктатуры более способны реализовывать разумную экологическую политику, чем демократии, по той же причине, по которой они способны выделять большую часть национального богатства на вооружение: им не нужно получать согласие своих подданных на отказ от потребления. Таким образом, диктатор или олигархия могли бы легче планировать будущее и побуждать население жертвовать комфортом ради защиты окружающей среды. Однако на практике этого не происходило, за исключением некоторой степени в Китае после прихода к власти Дэн Сяопина. Клептократы, как правило, сосредоточены на собственном обогащении и выгодах своих сторонников, в то время как более эффективные диктаторы, как правило, стремятся прежде всего увеличить свою военную мощь. Ярким примером является Сталин, который ради достижения этой цели жертвовал не только уровнем жизни, но и жизнями людей. До прихода Горбачева в советском блоке не наблюдалось никакой заботы об экологии, и любой, кто поднимал этот вопрос, рисковал оказаться в тюрьме.

Экологические показатели командной экономики оставляют желать лучшего, но и рыночная экономика также не демонстрирует больших успехов в этой области. Без необходимых моральных и правовых ограничений рынок по своей природе не способен эффективно противостоять экологическим опасностям. Возможность превращать объекты в деньги, которые можно легко накопить, не только позволяет, но и фактически поощряет истощение общих ресурсов. Это явление выходит за рамки концепции «трагедии общин», как это описывает Гарретт Хардин, рассматривая, как общие пастбища обычно поддаются чрезмерному выпасу и эрозии. Хотя сохранение этих ресурсов было бы в интересах всех, каждый пастух стремится максимизировать свою выгоду, что приводит к чрезмерному использованию. Ограничения только вредят личным интересам пастуха, поскольку это освобождает место для других. В условиях конкурентного рынка «трагедия общин» усугубляется явлением «наказания за альтруизм»: те, кто быстрее истощает бесплатные ресурсы, вытесняют с рынка менее целеустремленных конкурентов.

Загрязнение окружающей среды представляет собой пример внешних издержек, то есть издержек, которые несут не производитель или покупатель, а третьи лица. К примеру, жители, проживающие рядом с фабрикой, вынуждены приобретать воздушные фильтры, причем ни владельцы фабрики, ни их клиенты не компенсируют им эти расходы. Предлагалось изме-

нить законодательство, чтобы третьи лица могли получать компенсацию за причиненный ущерб. Однако проблема заключается в том, что доказать наличие ущерба в таких ситуациях зачастую сложно, а судебные издержки могут оказаться непосильными для обычного человека. Нужно создавать особую и легко доступную процедуру, однако это маловероятно в странах, в которых власть юридической профессии не подвержена контролю. Более того, в то время как прибыль концентрируется в руках немногих, внешние издержки распространяются среди многих. Обычно пострадавший от загрязнения сталкивается с воздействием нескольких компаний, и ему нужно быть крайне решительным, чтобы подать иски против нескольких состоятельных фирм. Поэтому для эффективного решения проблемы пострадавшие от внешних издержек должны организоваться. Индивидуальные действия в рыночной ситуации вряд ли приведут к успеху.

Серьезным препятствием для экологической защиты является характер спроса, на который производители реагируют в условиях конкуренции. Спрос в значительной степени зависит от удаленности и разбросанности выгод, а также от прямоты затрат. В результате, в тех местах, в которых закон не требует установки фильтров для выхлопных газов от неэтилированного бензина, спрос на них оказывается низким.

Было высказано предположение, что рыночный механизм мог бы эффективно решить проблему загрязнения, если бы все важные ресурсы стали частной собственностью. Действительно, люди гораздо реже мусорят на своих участках, чем на общественных территориях. Многие выбрасывают мусор на чужую территорию, если это возможно, но она, как правило, охраняется гораздо лучше общественной. Конечно, расширение частной собственности не может полностью защитить окружающую среду от непредусмотрительности и расточительности владельцев. Однако более значительным аргументом является невозможность разделения таких ресурсов, как воздух и океаны.

Кто может представлять будущие поколения? Наиболее фундаментальным недостатком рынка в экологической сфере является его неспособность защитить интересы будущих поколений, поскольку у них нет покупательной способности. В богатых странах мы обеспечиваем себе комфорт и развлечения за счет ресурсов, которые будут недоступны для будущих поколений. Например, они не смогут пользоваться нефтью, но будут вынуждены терпеть последствия нашего сжигания. Существует также конфликт интересов между разными поколениями, которые живут в настоящее время. Люди младше 30 лет, а также те, кому около 40, скорее всего, будут остро ощущать последствия нынешнего экологического расточительства, в то время как те, кто старше 60 или даже 50 лет, скорее всего, избегнут этих пагубных последствий. Поскольку именно последние обладают властью, если они будут действовать эгоистично, изменения не произойдут. Нет логического обоснования для позиции, выражающейся в вопросах: «Почему я должен заботиться о будущих поколениях? Что они сделали для меня?» Жертвы ради них могут быть вызваны только моральным императивом или альтруизмом.

Экологические проблемы изменили отношения между поколениями, что может привести к усилению конфликтов между ними. В условиях прогрессивной экономики предыдущее поколение накопило ресурсы, за что следующее могло бы быть ему благодарно. Однако в условиях истощения невосполнимых ресурсов более высокий уровень жизни старшего поколения может поддерживаться лишь за счет ухудшения условий для молодого поколения. Интересно, что исчезновение традиционного уважения и благодарности к старшим совпало с началом экологического кризиса.

Адам Смит описывает, как стремление к личной выгоде приносит пользу обществу на свободном рынке следующим образом:

> Каждый индивидуум постоянно старается найти наиболее выгодный способ использования любого капитала, которым он располагает. Его целью является собственная выгода, а не благо общества. Однако стремление к собственной выгоде естественным образом, или даже неизбежно, приводит его к выбору тех способов применения, которые приносят наибольшую пользу обществу.
>
> Ведя эту промышленность таким образом, чтобы ее продукция имела максимальную ценность, он стремится лишь к своей собственной выгоде. И в этом, как и в множестве других ситуаций, он управляется невидимой рукой к достижению цели, которая не входила в его намерения. И не всегда для общества плохо, что это не было частью его замысла. Стремясь к своим собственным интересам, он зачастую приносит больше пользы обществу, чем если бы действительно пытался ему помочь. Я никогда не замечал, чтобы что-то значительное было сделано теми, кто притворялся, что действует ради общественного блага. Это притворство, на самом деле, не так уж распространено среди торговцев, и нужно совсем немного слов, чтобы убедить их отказаться от него.
>
> Равномерное, постоянное и непрерывное стремление каждого человека улучшить свое положение является основным принципом, из которого вытекает как общественное и национальное, так и частное богатство. Это стремление зачастую оказывается достаточно сильным, чтобы поддерживать естественный прогресс в направлении улучшения, несмотря на расточительность правительства и серьезные ошибки управления. Подобно неизвестному принципу животной жизни, оно порой восстанавливает здоровье и силы организма, невзирая как на болезни, так и на абсурдные предписания врачей.

Злая рука. Сознательное или бессознательное применение этого рецепта позволило некоторым нациям достичь невиданного ранее уровня богатства. Однако не удивительно, что его великий первооткрыватель не осознавал границы его применения, определяемые обстоятельствами, едва заметными в его время: истощением природных ресурсов, эрозией почвы и загрязнением. Речь не идет о том, что эти процессы полностью отсутствовали при жизни Смита. Уже до XVIII века обширные территории Ближнего Востока, Северной Африки и Испании стали бесплодными из-за вырубки лесов, чрезмерного выпаса скота и интенсивной обработки и эрозии почвы. Тем не менее, Смит не знал об этом, так как археология и историческая география еще не существовали. Он не предполагал, что производство может достичь таких масштабов, что начнет разрушать окружающую среду: что невидимая «Благожелательная или Божественная Рука» может оказаться столь успешной, что вызовет свою противоположность – «Зловредную или Сатанинскую Руку».

Примеры подобных ситуаций всегда имели место. Возьмите, к примеру, пожар в театре. Вполне разумно, что в условиях паники каждый пытается прорваться к выходу, следуя примеру других. Однако в итоге дверь может заклинить, и никто не сможет выбраться. Если бы зрители были самоотверженными альтруистами, они могли бы спасти себя. Тонущий корабль – еще один яркий пример. При взаимопомощи и координации действий – поочередной работе на насосах, совместном спуске спасательных шлюпок и ремонте лестниц – большинство, а возможно, и все могли бы быть спасены. Но если каждый будет думать только о себе, безжалостно расталкивая и пиная других, большинство, а возможно, и все утонут.

В прошлом причинно-следственные связи, при которых вред возникал из-за рационального стремления каждого к своим интересам, проявлялись либо в виде бедствий (как упоминалось ранее), либо действовали настолько медленно, что их было трудно заметить, как это происходило в большинстве случаев «трагедии общин». Единственным распространенным примером ситуации, когда этот механизм работал быстро и в больших масштабах, была война: если бы каждый воин заботился только о своем выживании, все могли бы стать жертвами врага. Поэтому солидарность, охватывающая большие группы людей, проявлялась наиболее явно именно в условиях войны. Значительным препятствием для действий по экологическо-

му восстановлению является то, что люди склонны помогать друг другу и жертвовать собой ради общего блага лишь тогда, когда они сражаются с другими.

Достижение ситуации, при которой производство желаемых товаров может привести к нежелательным последствиям, не делает идеи Адама Смита полностью устаревшими. Поскольку маловероятно, что все мы станем чистыми альтруистами, экономическая эффективность не может быть достигнута или сохранена без значительного акцента на мотив прибыли. Эффективные экологические меры требуют инициативы и инноваций на всех уровнях, а не инерции чрезмерно централизованной бюрократии. Следовательно, рыночные механизмы будут необходимы, как и в прошлом, но они должны действовать в рамках адекватных экологических ограничений, поддерживаемых соответствующими законами, международными соглашениями и новой экологической моралью, если мы хотим хоть как-то избежать полной катастрофы.

Экологическая ситуация заставила народы мира объединиться, хотя это может показаться непривычным. Нам необходимо сотрудничать и идти на жертвы не перед лицом явного врага, а ради предотвращения неопределенных и, на первый взгляд, отдаленных угроз. Если мы будем слишком эгоистичны, суеверны, жадны и агрессивны, чтобы действовать рационально и справедливо сотрудничать для предотвращения экологических катастроф, последствия могут быть катастрофическими. Это приведет к нарастанию конфликтов за сокращающиеся ресурсы, что, вероятно, приведет к увеличению числа войн, революций и диктатур все более жестокого характера.

Перевод с английского языка А.Г. Акопян,
научная редакция В.П. Макаренко

НАШИ АВТОРЫ

Иванников Иван Андреевич – доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин Сочинского филиала Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)» (г. Сочи, Россия) (freiheit2061@gmail.com)

Макаренко Виктор Павлович – доктор политических и философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик Национальной академии наук Украины, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия) (vpmakar1985@gmail.com)

Неретина Светлана Сергеевна – доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора философских проблем социальных и гуманитарных наук Института философии РАН (г. Москва, Россия) (abaelardus@mail.ru)

Розин Вадим Маркович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития Института философии РАН (г. Москва, Россия) (rozinvm@mail.ru)

Сухарев Михаил Валентинович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник отдела институционального развития регионов Института экономики Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Россия) (suharev@narod.ru)

Summaries and keywords

Makarenko V.P. The Problem of the Poisonous Fruits of Socialism: Michel Foucault's Lessons in the Context of the Soviet Experience

Summary: Michel Foucault considered fear of the state and of the atomic threat as a constant feature of modernity: "The state and the atomic threat – better the atomic threat than the state, or the state no better than the atomic threat, or the state that presupposes the atomic threat, or the atomic threat that presupposes and necessarily entails the state." In other words, the French thinker identified five configurations of fear toward the state, in which the atomic threat, after the bombings of Hiroshima and Nagasaki, became an integral component.

To analyze these configurations, Foucault developed the concepts of progressive etatization and commercial etatization. Progressive etatization refers to the perception and definition of the state as the result of a regime of governance. According to Foucault, progressive etatization involves analyzing the state as an effect of a mode of governing – while simultaneously rejecting essentialist and organic metaphors. The state has no essence, no heart or internal organs; it is neither a universal nor an autonomous source of power. The state is an effect, a contour, a mobile cross-section of continuous etatization – of ceaseless interactions that transform sources and methods of financing and investment, centers of decision-making, forms and types of control, and relationships between local and central authorities. Commercial etatization, in turn, is a modern form of the closed corporate state.

Both concepts are introduced to critique three centuries of state governance (18th–20th centuries). Foucault believed that this system of governance failed to resolve the tensions between law and order, the state and civil society, politics and life.

This article raises the problem of systematizing the parallels between Michel Foucault's research findings, the writings of Aleksandr Solzhenitsyn, and the historiographical reflections of Mikhail Gefter in explaining the causes of this state of affairs.

Keywords: poisonous fruits of socialism, concepts of Michel Foucault, Aleksandr Solzhenitsyn, Mikhail Gefter.

Sukharev M.V. The Power of Social Institutes

Summary: Social institutions are the rules of behavior in society. But people (and organizations) constantly violate these rules if they are very interested in it. In addition, different rules of behavior sometimes apply simultaneously in society, for example, official law and public opinion. Thus, a person falls into the field of action of opposing forces when institutions act on a person (or an organization) in various directions. The rules of behavior cannot act on their own, in order to put them into effect, human activity is required to bring these rules to the attention of society, convince them of the need to comply with them, monitor their implementation and punish those who do not comply with the rules. The article suggests using socially necessary time spent by people (usually

acting as part of organizations) to maintain it as a measure of the institute's capacity. Also, the amount of money spent on maintaining this institution can be a measure of the capacity of the institute. On the basis of judicial statistics of the Russian Federation, an assessment of the capacity of a number of formal institutions (laws) was carried out.

Keywords: institutional power, social institutions, institutional economics, economic agent, investment climate.

Ivannikov I.A. Interpretations of the State in Modern Theory and Practice

Summary: The state is one of the most complex social institutions. Throughout its history, it has undergone significant transformations, evolved, and become increasingly conducive to the development of individual freedom. The purpose of this article is to formulate the most suitable definition of the state, taking into account both theoretical perspectives and practical considerations. The definition is proposed following a brief overview of various approaches to conceptualizing the state and an identification of its key characteristics.

The state is presented as a historically developed sovereign organization of public political power in society, tasked with safeguarding the established legal order and its values, as well as regulating economic and other social processes within the boundaries of national territory.

Keywords: state, state power, approaches to defining the state, state sovereignty, national territory.

Neretina S.S. Thaw – Stagnation – Sunday – Frost

Summary: In this work, reflections on the second half of the twentieth century and the first two decades of the twenty-first century are presented through the prism of the author's memoirs, insofar and insofar as the author was a participant in the described time. This should be correlated with the book “Philosophical loneliness”, the articles “The Time of turning points” (Political Concept. 2023. No. 1) and “Dissenters” (Philosophical generations. Moscow, 2022). Reflections relate primarily to the problems of attitudes to the past, changes and stalling of consciousness. The task of modernity is to correlate thought and action with epochs lost in the archaeological sense and the impending new, to which we attribute our own and inherited customs, signs and symbols, without knowing their own meaning. Understanding these issues requires distinguishing between levels of activity: an instant reaction and an imperceptible change in mindset. The urgent need for such distinctions is a sign of a deep social crisis in need of critical thought.

Keywords: thaw, crisis, dissidence, outsider, reaction, stagnation, revolution, war, rehabilitation, generation.

Rozin V.M. Reflections on Two Works by M.Ya. Gefter (On the Thirtieth Anniversary of His Death)

Summary: This article offers commentary on two works by Mikhail Gefter: There Will Be No Third Millennium and Stalin Died Yesterday. The author notes a convergence of views with Gefter, particularly in their understanding of the methodology of history. Several issues that arise from reading these works are discussed: Gefter’s conception of history as a series of local histories, each with its own beginnings and endings; differing approaches to reconstructing the personalities of Lenin and Stalin; and Gefter’s proposed explanation of the logic behind the Russian Revolution.

The article outlines a methodological framework for addressing these issues, which involves the analysis of two objects: first, Gefter himself, as a scholar examining Russian history and its key

figures (Lenin, Stalin, etc.); and second, the author of this article, who analyzes and reflects upon Gefter's works. The author suggests that Gefter's reconstruction opens a perspective for resolving Russia's developmental deadlock: not revolution but evolution; not a unitary state but a federation – one thoughtfully designed and supported by a new social order and legal framework.

The final part of the article presents a brief historical self-identification of the author. Drawing on personal history and an analysis of the life of Emanuel Swedenborg, the author outlines his own understanding of history and historical methodology, emphasizing the overlaps with Gefter's perspective.

Keywords: history, time, past, future, reconstruction, facts, thinking, methodology, leaders, state.

Rodoman B.B. The Feeling of the State

Summary: Boris Borisovich Rodoman studied issues that connect theoretical geography with a broad corpus of the humanities, which also includes reflection on the phenomenon of the state. One vivid example of this is the series of his articles published in the present issue.

Keywords: Rodoman, geography, state, images of the state, mass consciousness, patriotism, morality.

Andresky St. Chapters 14–20 from the Book "Wars, Revolutions, Dictatorships: Studies of Historical and Contemporary Problems from a Comparative Viewpoint"

Summary: The journal "Political Conceptology" publishes the translation of chapters fourteen to twenty from Stanislav Andresky's book "Wars, Revolutions and Dictatorships: A Study of Historical and Contemporary Problems from a Comparative Point of View".

Keywords: Stanislav Andreski, theoretical legacy, comparative studies of wars, revolutions, and dictatorship.

CONTENTS

EDITOR'S WORD

Makarenko V.P.
The Problem of the Poisonous Fruits of Socialism:
Michel Foucault's Lessons in the Context of the Soviet Experience..... 6

GENERAL PROBLEMS OF POLITICAL CONCEPTOLOGY

Sukharev M.V.
The Power of Social Institutes..... 16

Ivannikov I.A.
Interpretations of the State in Modern Theory and Practice..... 35

LIVING PAST

Neretina S.S.
Thaw – Stagnation – Sunday – Frost..... 47

Rozin V.M.
Reflections on Two Works by M.Ya. Gefter (On the Thirtieth Anniversary of His Death)..... 87

PRESENTATION OF THE WORK OF B.B. RODOMAN

From the Editor..... 99

Rodoman B.B.
The Sense of the State:
Deviationism: Have We Strayed from the Right Path?..... 99

Rodoman B.B.
The Sense of the State:
State Images Implanted in Mass Consciousness..... 107

Rodoman B.B.
The Sense of the State:
Patriotism Without Chauvinism..... 111

Rodoman B.B.
The Sense of the State:
Personal Morality and the Morality of States: Quod licet Jovi, non licet bovi?..... 119

TRANSLATIONS & ABSTRACTS

Andresky S.
Chapters 14–20 from Wars, Revolutions and Dictatorships:
Chapter 14. The Ineffectiveness of the Italian Armed Forces..... 125

Andresky S.
Chapters 14–20 from Wars, Revolutions and Dictatorships:
Chapter 15. Nationalism, Class Inequality, and Dictatorship in New States..... 135

Andresky S.
Chapters 14–20 from Wars, Revolutions and Dictatorships:
Chapter 16. The Significance of Imperialism and Related Concepts..... 151

Andresky S.
Chapters 14–20 from Wars, Revolutions and Dictatorships:
Chapter 17. Imperialism: Past and Future..... 156

Andresky S.
Chapters 14–20 from Wars, Revolutions and Dictatorships:
Chapter 18. Pacifism and the Nature of War..... 160

Andresky S.
Chapters 14–20 from Wars, Revolutions and Dictatorships:
Chapter 19. The Environmental Situation and the Danger of Dictatorship..... 165

Andresky S.
Chapters 14–20 from Wars, Revolutions and Dictatorships:
Chapter 20. Why Measures to Prevent Environmental Threats Are Insufficient..... 169

Authors..... 177

Summaries and keywords..... 178

Contents..... 181

Notes for contributors..... 183

К сведению авторов

Предварительно автор должен подготовить рукопись статьи в соответствии с требованиями к оформлению статей. Далее рукопись необходимо отправить на электронную почту редакции konstantinov@sfedu.ru, konstms@gmail.com (просьба дублировать на оба адреса) с пометкой «Статья для электронного журнала „Политическая концептология“». Статьи, оформленные не надлежащим образом, не принимаются к рассмотрению. После поступления в редакцию рукопись проходит обязательное рецензирование, по результатам которого принимается решение о публикации статьи или отказе. Редакция не знакомит авторов с текстом внутренних рецензий, а только уведомляет по электронной почте о решении относительно публикации и её условий (срока и формы публикации, необходимости доработки). В случае, если статья нуждается в авторской доработке, автору высылается отзыв рецензента. Редакция оставляет за собой право правки текстов, не наносящей вред искомым идеям автора статьи. Рукописи не возвращаются. Все статьи публикуются бесплатно вне зависимости от статуса автора.

Требования к оформлению статей

1. Статья должна быть объёмом не более 1,5 а. л. — 60 тыс. знаков, набрана в формате *.doc* (*Microsoft Word* или *OpenOffice.org*).

2. В начале статьи приводится аннотация (не более 1000 символов) на русском и английском языках, а также сведения об авторе: Ф.И.О. полностью, учёные степени и звания, должность, место работы, телефоны (рабочий и домашний с кодом города), электронный адрес (обязательно).

3. Параметры текста: шрифт *Times New Roman*, 12 кегль, интервал 1, поля: сверху и снизу — 2 см, справа и слева — 2 см. Выравнивание текста: по ширине. Абзацный отступ (красная строка): 1 см. Нумерация страниц: не ведётся. Рисунки – чёрно-белые и внедрены в текст.

4. Допускается использование шрифтов *Arial* и *Courier New* для обособленных фрагментов текста. Допускается использование шрифта меньшего размера для участков текста, имеющих вспомогательное (второстепенное) значение. Размер шрифта табличного текста обычно на 2 пункта меньше размера шрифта основного текста. Рисунки можно присылать цветные, но следует иметь в виду, что журнал публикуется чёрно-белым.

5. Сноски даются в тексте, в квадратных скобках: [Фамилия год: страница].

6. Библиографический список оформляется следующим образом:
Фамилия И.О. Год. *Название работы*. – Город: Издательство. – Количество страниц.
Фамилия И.О. Год. Название статьи. – *Название журнала*. – Номер. – С. ... .
Фамилия И.О. Год. *Название источника*. – Доступно: http://URListochnika/ . – Проверено: Дата.